

ТРИ РУБЛЯ ПЯТЬДЕСЯТ КОПЕЕК

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

42

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА.

И	К	А
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ МОСКВА, ЦЕНТР ИЛЬИНКА, 3 ПЕРИОДСЕКТОР КНИГОЦЕНТРА О Г И З		
И	К	А

Отпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 4 000 экзempl.
Лит. № С.-Э. (п.) 45
Главлит № Б-708
Заказ № 2303
10¹/₄ л.
★

LIBRARY OF CONGRESS
JUN 26 1934
DIVISION OF DOCUMENTS

РОЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА В РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.¹

По случаю юбилея революции 1905 г. мы снова ставим вопрос, как следует подойти к оценке нашей первой революции, которая начала собой революционную борьбу масс, продолжающуюся фактически и до сего дня,—сначала мы бились с самодержавием и помещиками, затем с буржуазией, теперь боремся с остатками буржуазии, но борьба идет до сего дня. То, что возможная материальная угроза перенесена за границы нашей страны, только увеличивает грандиозность этой борьбы и ее высокий трагизм. Теперь это борьба мировая, раньше это была борьба только в одной стране, но это та же борьба. Так вот, товарищи, для того, чтобы оценить нашу революцию, надо сравнить ее судьбу с судьбой крупнейшей из ее предшественниц, так называемой Великой французской революции. Стоит вспомнить, что представляла собой Французская революция через 25 лет после ее начала. 25 лет после начала Французской революции—это как раз 1814 год, когда Париж был занят войсками союзников Англии и низвергнута была империя Наполеона. Что к этому времени осталось от политических достижений Французской революции? Да почти ничего. Республика уже давным-давно пала, сменившая ее империя одно время держалась в форме военной диктатуры, как будто временной, и глава даже назывался не императором, а только первым консулом. Затем она очень быстро превратилась в банальную монархию. После женитьбы Наполеона на австрийской эрцгерцогине она превратилась в монархию феодального типа, где все было направлено к сохранению династии, рождение наследника было величайшим событием, по поводу которого все французы, сделавшие Великую революцию, должны были умиляться и т. д. и т. д. Но и эта империя была низвергнута штыками феодальных держав. В 1814 г. Франция была облагодетельствована знаменитой хартией Людовика XVIII, хартией, которая спускала политический уровень Франции значительно ниже первой монархической конституции, завоеванной Французской революцией в 1791 г. Правда, феодальные привилегии были уничтожены, но дворяне остались, помещики остались. Они с торжеством вернулись из-за границы, где большей частью пребывали, и получили огромное вознаграждение за отобранные у них земли. При этом, самый главный остаток феодального режима—частная собственность на землю—не была отменена. Частная собственность на землю сохранилась, эксплуатация была самой бешеной, никаких законов о труде не было

¹ Обработанная стенограмма выступления т. Покровского в театре имени Калаяева для краснопресненского партактива 11/XII в дни 25-летия 1905 г.

вовсе, никаких попыток ограничения рабочего дня не было вовсе, стачки были запрещены законом и составляли преступление, — вот в каком положении были французские массы, сделавшие революцию, через 25 лет после ее начала. Почти замкнутая кривая. Причем конец этой кривой спускался немножко ниже ее начала.

Об этой замкнутой кривой стоит вспомнить потому, что она стоит перед сознанием всех наших буржуазных противников. Они до сих пор уверены, что именно так должна проходить всякая революция. Им постоянно кажется, что и наша кривая начнет спускаться книзу. Они это пишут и говорят. Почитайте последнюю книжку Каутского: «Большевизм в тупике». Он вам там расскажет, в каком мы ужасном положении, прямо мороз по коже продирает. Беда только в том, что большая часть фактов, которые он там собрал, жалких, надерганных фактов, относится к 1922—1923 гг., есть и такие, которые относятся к 1920 г. Характеризовать по этим данным Советский Союз 1930 г. довольно трудно. Но Каутскому истинно так и рисуется, что мы действительно зашли в тупик, и выхода из него никакого нет. Почитайте всю белую прессу. Вы читали и слышали показания вредителей, — все это вертится около того, что кривая революции спускается, и что эта кривая опишет тот же, почти полный, круг, какой описала кривая Французской революции. Французская революция послужила образцом, с которого до сих пор копируют ход нашей революции и строят предвидение относительно ее будущего буржуазия и всякого рода белогвардейцы. Так что я не зря припомнил Французскую революцию.

Вы знаете, что у нас дело идет совсем наоборот, что у нас никакой замкнутой кривой нет, и что наша кривая поднимается постоянно вверх. Социализм был выставлен нами как лозунг уже в 1905 г. Не было ни одной прокламации, ни одной листовки, которая бы не говорила о социализме. Это вздор, распространяемый Троцким, будто мы звали рабочих производить революцию для буржуазии. Это совершенный вздор. Никогда ничего подобного не было. Мы клеймили буржуазию в каждой нашей листовке, в каждой нашей прокламации, в каждой нашей статье. Но мы честно отговаривали, что на данном этапе революции свергнуть буржуазию еще нельзя. Мы не звали к непосредственному социалистическому перевороту, но социализм всегда был нашей основной программой. И вот, когда теперь люди нашего поколения, которые видели раньше это слово, это понятие в виде лозунга на прокламациях и листовках, видят, как это слово претворяется в жизнь, — то это особое ощущение, товарищи. Я не думаю ставить его выше ощущения той нашей молодежи, которая строит социализм. У нее тоже очень высокое ощущение другого рода. Но вот этого сравнения слова, которое превратилось в дело на протяжении 25 лет, у нее быть не может просто потому, что она была слишком еще юна и этого слова вероятно не слыхала.

Итак, видите, какая разница: там лозунги, брошенные в начале революции, превратились в сущности в ничто, рассеявшееся прахом, у нас — эти лозунги, вначале бывшие только словом, превратились в дело. Этому различному ходу двух революций должна быть кака-нибудь причина. Нынешний свой доклад вам я и собираюсь посвятить анализу революции с целью выяснения того, почему получилась такая разница между двумя революциями.

Как вы видите, сама наша революция — только не 1905, а 1905—1907 гг. — дает полную возможность произвести такого рода анализ.

В чем основная разница нашей революции от Французской революции? Несколько времени тому назад, по случаю юбилея Народной Воли распространялось совершенно, конечно, неправильное и не ленинское представление, будто бы народо-вольцы были предшественниками большевиков, были социалистами, строили или желали строить социализм. Ну, желали строить, может быть. Но Ленин еще сказал, что народо-вольцы не умели связать свою революционную борьбу с социализмом. Это остается верным и до сегодня. Верно, что народо-вольцы не были социалистами в своей практической деятельности, не умели связать свою революционную борьбу с социализмом. Но народо-вольцы не были бы крупной политической партией, крупнейшей политической партией, какую знает наше старое революционное движение, если бы они не были в известной мере связаны с рабочим классом. Эти связи народо-вольцев с рабочим классом, с теми рабочими кружками, которые у них были, с теми рабочими дружинами, которые они формировали, обеспечили Народной Воле то ведущее место в революционном движении, какое она заняла, и сделали то, что группа Желябова, Перовской, Михайлова и т. д. не была простым повторением кружка Каракозова, чем она была бы, если бы все ограничилось только 1 марта. Таким образом, уже в 70—80-х гг. как крупнейшая революционная сила будущего намечался рабочий класс.

Если вы пойдете дальше по десятилетиям — 80—90 гг. и т. д., вы увидите, как растет и падает революционная волна с ростом и упадком рабочего движения. Вероятно это можно проследить даже до мелочей. Тот например несомненный подъем Народной Воли, который выразился в покушении в марте 1887 г., организованном А. И. Ульяновым, может быть связан с тем подъемом, который отмечен морозовской стачкой 1885 г. Я говорю это лишь вероятно, но если мы возьмем не отдельные подробности, а возьмем движение в целом, то это будет не вероятно, а совершенно несомненно.

Вторая половина 80-х гг. и первая половина 90-х — время относительного затишья в рабочем движении. Это время глубокого уныния нашей интеллигенции и распада ее революционных групп. В это время революция как бы дремлет. Начинается рабочее движение с середины 90-х гг., движение как будто бы чисто экономическое: люди борются за повышение заработной платы и т. д. Но поднимается рабочая масса, сама еще не сознающая, что она революционна, не знающая, что она делает революцию. Сразу оживает целый букет всякого рода марксистских взглядов: «легальный марксизм», чрезвычайно характерная подделка левого крыла либеральной буржуазии под марксизм, под пролетарское движение; воскресают и старые народо-вольцы в образе эсеров, оживает и студенческое движение, которое быстро усваивает себе пролетарскую форму борьбы — забастовку. Словом, точно живая вода вспырынула революционное движение, после того как 1895—1896 гг. дали бурный взрыв рабочего движения (петербургские и московские стачки этого времени).

Дальше дело идет таким же образом. В первые годы XX века подъем рабочего движения связан с демонстрациями 1901 г., затем мы имеем ростовскую забастовку в 1902 г., всеобщую забастовку в 1903 г., затем рабочее движение временно снижается: отчасти его дезорганизовала зубатовщина, отчасти были экономические причины, его снизившие; отчасти война, взявшая известную часть рабочего класса и наиболее активную его часть. В результате всего этого движение снижается.

Снижается и интеллигентское движение. Революционное движение других классов населения идет такт в такт с подъемом и спадом волны движения рабочего класса.

И это относится не только к интеллигенции. В это время, в первые годы XX столетия, бунтовали уже не только интеллигенты, студенчество и т. д., а бунтовали, как вы знаете, крестьяне. Весной 1902 г. было большое крестьянское движение в Харьковской и Полтавской губерниях. Характерно, что это движение, охватившее крестьян—средняков и бедняков,—направлялось из деревни Лисичьей, которая была одним из центров распространения «Искры». «Искра»—наш партийный орган, боевой орган пролетариата—была связана с этим движением. А если мы возьмем конкретных носителей этого движения, предводителей крестьянских отрядов, громивших помещичьи усадьбы в то время, то даже тогдашняя прокуратура связывала их с рабочим движением. Один прокурор прямо писал, что крестьяне, ушедшие на фабрики на заработки и вернувшиеся домой вследствие кризиса в начале XX столетия (как вы знаете, в это время был промышленный кризис, и рабочих действительно распускали, особенно на юге),—эти рабочие, по словам прокурора, и были главной затравкой этого движения, были его инициаторами. Так что даже наблюдатели, не имевшие ничего общего с марксизмом, схватывали эту связь рабочей волны и волны крестьянского движения. Пролетариат являлся, таким образом, гегемоном революции, сам того еще не сознавая, сам еще не сознавая того, что он гегемон, до начала революционной борьбы в точном смысле этого слова, до начала массового движения. Массовое революционное движение 1905 г. перед нами встало прежде всего как рабочее движение. Это не моя формулировка, это формулировка Ленина. Кажется за две недели до 9 января, Ленин писал в своей статье: «Самодержавие и пролетариат», что в капиталистическом обществе массовое движение может иметь форму только рабочего движения, конечно, не одного рабочего. Я уже вам сейчас приводил пример с крестьянами, которые возбуждались этим рабочим движением и подымались, но в основе должно было лежать рабочее движение. Глубоко закономерно, что движение началось у нас с восстания рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге. Относительно 9 января в нашей литературе существует большое количество легенд. Вообще, очищение истории революции 1905 г. от всяческой шелухи—это одна из основных наших задач, задача, до сих пор окончательно не разрешенная, которую нам не скоро удастся разрешить. Иконы и кресты, которые как-то не особенно сознательно рабочие взяли с собой для того, чтобы идти к Зимнему дворцу, несомненно заглушали революционный смысл рабочего выступления в январе 1905 г. в Петербурге. Но, товарищи, не следует думать, что коммунисты и коммунизм родятся на свет совершенно готовыми, и с атеизмом и со всем остальным, чем полагается обладать коммунисту, что так это сразу бывает. Это бывает далеко не так сразу. Гораздо позже 9 января на одной из тогдашних железнодорожных сетей было сделано предложение отслужить молебен по случаю удачной забастовки. Предложение не прошло, не собрало большинства, но оно поддерживалось очень горячо. Это показывает, что иконы и кресты вовсе не суть дела, а суть дела была в том, что рабочие шли к царю требовать себе права. Их несознательность выразилась в том, что они шли без оружия, воображая, что от царя можно получить чего-то добром. 9 января их жестоко, в этом отношении разочаровало. Но они шли требовать себе права, и наиболее со-

знательные из них превосходно понимали, что они могут и получать это право, а могут и быть расстрелянными. Например надевали чистое белье, готовясь к смерти, прощались с семьями и т. д. Знали, что будут стрелять, знали, что может быть будут стрелять, но все-таки не решались братья за оружие, потому что: «а вдруг царь послушает». Оказалось, что у царя уши настолько заложено, что он услышать ничего не мог. А в ответ рабочие схватились за оружие, которое было у них под руками. Мы уж слишком низко расцениваем эти первые баррикады на территории царской столицы, которые возникли к вечеру 9 января 1905 г. Если вы почитаете рапорты военных начальников, которые имели дело с этими баррикадами, вы увидите, что для толпы, вооруженной почти исключительно камнями и только в редких случаях револьверами, это было огромное достижение, потому что конница ведь несколько раз сдавала перед этими баррикадами, конница убегала от них, и только пехоте удалось взять эти рабочие баррикады приступом. Это была попытка восстания весьма серьезная, особенно если брать в расчет не только эти баррикады, но и весь тот взрыв настроения, который очень хорошо описан одним заграничным корреспондентом. Я приводил в своей книжке эту цитату и не буду повторять, как толпа стаскивала с саней офицеров, срывала с них погоны и т. д. Если вы возьмете все картины рабочей ярости, то вы увидите, что 9 января началось восстание, которому нехватало двух вещей: организованности и вооружения. Но Ленин был глубоко прав, когда он связывал вооруженное восстание с выступлением именно пролетариата. Ведь первая статья Ленина о вооруженном восстании написана по случаю расстрела обуховских рабочих в мае 1901 г. С тех пор вооруженное восстание не выходит из его программы. В «Что делать» эта проблема поставлена, как вы знаете, совершенно отчетливо. А дальше, от делегатов, едущих на съезд, собираются сведения, какая у них подготовка, есть ли у них связь с войсками, умеют ли владеть оружием и т. д. Так что рассматривать вооруженное восстание, как это делают некоторые историки, например Рожков, как проявление несознательности, связывать повстанческое движение с отсталыми слоями рабочих,—это значит совершенно переверачивать кверху ногами действительность. Было как раз наоборот. Наиболее сознательная часть революционеров, головка революционеров, была всего ближе к вооруженному восстанию, она все время соприкасалась с вооруженным восстанием. Я не буду описывать то грандиозное эхо, которое дало 9 января по всей тогдашней Российской империи.

Вы знаете, что в этот месяц в России бастовало рабочих в 10 раз больше, чем бастовало в среднем прежде в год. Это был грандиозный взрыв, ясно показавший, до какой степени расстрел 9 января задел всех рабочих, до какой степени осознал этот расстрел как удар, нанесенный всему рабочему классу, без различия национальностей—поляки, латыши, кавказцы в Баку, где были и персы и т. д., все бастовали в ответ на 9 января. Эта забастовка, конечно, была таким же точно жестом ярости, как и срывание погонов с офицеров и избивание генералов на улицах Петербурга вечером 9 января. Так как организация не охватила всего этого движения и не могла охватить,—никакая подпольная организация не могла бы этого охватить,—то ясное дело, что движение это не могло быть закреплено какими-нибудь определенными результатами, и оно дало только определенное эхо сначала на интеллигенцию.

Возьмем интеллигенцию декабря 1904 г. после неудачи двух на-

ших выступлений—28 ноября в Петербурге и 6 декабря в Москве. Чтобы вас не задерживать, я не буду пускаться в анализ причин этих неудач. Я считаю недостаточным то объяснение, которое обыкновенно дают,—от раздоров между меньшевиками и большевиками. Я вам скажу в дальнейшем, что к моменту железнодорожной забастовки в октябре 1905 года, была не меньшая грызня между эсерами и социал-демократами в железнодорожном союзе, тем не менее октябрьская забастовка состоялась. Я считаю, что причиной этому была та дезорганизация, которую несомненно вносил поп Галон, агент полиции, которому, как вы знаете, было поручено организовать рабочее движение и который сумел пойти дальше Зубатова. Он сумел привлечь в свои ряды даже революционно настроенных рабочих, соблазняя их идеей этой самой своей петиции, 8-часовым рабочим днем и т. д. Эта дезорганизация сыграла здесь свою роль. Но когда 9 января задело весь рабочий класс, то тут уже никакие Галоны ничего сделать не могли. Тут только в грандиозных размерах, конечно, хотя в пределах одной страны, было то, что произошло в Западной Европе, когда казнили двух рабочих в Америке, Сакко и Ванцетти.

Двух рабочих казнили в г. Бостоне—что ж тут такого?—а между тем, в результате били американцев на улицах Парижа. Это, конечно, пример не подходящий в том смысле, что казнь Сакко и Ванцетти—факт гораздо более мелкий, нежели расстрел «9 января». Но вы сами учтите, какое влияние должно было иметь на рабочую массу, когда казнили не 2 рабочих, а расстреляли сотни рабочих на улицах Петербурга. Я никогда не забуду той совершенно неистовой ярости, с которой один рабочий, искалеченный 9 января, на одном из митингов перед нами говорил о Николае II. То чувство, которое я питал к Николаю II и которое, поверьте, отнюдь не было дружественным, это было теплое молочко в сравнении с кипятком, в сравнении с тем, что выражал этот рабочий. Я не знаю, что было бы с Николаем II, если бы он попал в руки этому рабочему, что бы он с ним сделал.

Рабочее движение дало колоссальное эхо в других классах. Во-первых, зашевелилась интеллигенция. В конце 1904 года—унылые, поведенные носы после царского указа 12 декабря, который положил конец мечтам о конституции. Вы знаете, конечно, что в ноябре собрались председатели земских управ и робким голосом попросили у Николая очень небольшую уступки. После этого, в течение месяца интеллигенция жила надеждой, что Николай уступит и подпишет конституцию, самую кудую. Председатели земских управ просили меньше, чем впоследствии, под давлением рабочего движения, дал Николай зимой 1905/06 года. Государственная дума, созданная по закону Витте, это было нечто архиреволюционное, по сравнению с требованиями председателей земских управ. Но в 1904 г. Николай был еще настолько в себе уверен и настолько нагл, что он даже это требование председателей земских управ отверг, и 12 декабря появился царский указ, возвещавший всем верноподанным, что никакой конституции не будет. Я повторяю, нужно было видеть поведенные носы интеллигенции: все кончено, рабочие выступили 28 ноября, 6 декабря—ничего не вышло, царь конституции не подписал, будем сидеть по своим комнатам и плакать.—Так было тогда. А теперь это были все ярко-красные революционеры, которые меньше чем на демократической республике не мирлись. Интеллигенция на митингах, развернувшихся везде и всюду, говорила самые страшные речи, какие только можно произнести, и принимала

самые страшные резолюции. Потом, конечно, полиция разогнала их без особых затруднений, но характерно это эхо, которое дала рабочая волна среди интеллигенции.

Более серьезное эхо эта волна дала среди крестьянства. Собственно, движение в деревне весной 1905 г. было не особенно интенсивно. Правда, оно плохо изучено. Что забастовка на свекловичных плантациях Киевской губ. стояла в связи с рабочим движением на свекло-сахарных заводах—это ясно, это вещи тесно связанные, но никто детально, подробно этого не анализировал. Во всяком случае деревенское движение весной 1905 года было не крупным. Но крупным событием был «Потемкин».

Вот тут мне приходится внести некоторую поправку в обычное представление. И я писал, и все мы писали, и все мы считали, что флот—это была пролетарская часть военной силы Николая II, что матросы—это рабочие, одетые в матросские куртки. Безжалостная статистика, упрямые цифры, доказали мне в последнее время, что это представление совершенно неверно. Правда, процент рабочих во флоте был гораздо больший, чем в сухопутной армии. В пехоте было всего 2½%, во флоте—8%, повышаясь до 14%. Характерно, что как раз в Черноморском флоте этот процент равнялся 14%, но все-таки только 14% рабочих, товарищи, на 86% крестьян! Флот, таким образом, тоже был крестьянским. Рабочими в царской армии были, во-первых, саперы, где было от одной трети до половины рабочих, и, во-вторых, железнодорожники, которые были сплошь рекрутированы из рядов железнодорожного пролетариата. Вот это была рабочая часть, а флот был только в небольшой части пролетарским отрядом царской армии. Флот рекрутировался преимущественно из крестьян, привычных к воде, из крестьян, живших по берегам моря, и затем из поволжских крестьян. Крестьяне, жившие вдоль судоходных рек, были, конечно, наиболее тертыми и наиболее развитыми, потому что эти реки были большими торговыми артериями, по ним шло постоянное движение, и эта оживленная коммерческая жизнь не могла не отразиться на окрестных деревнях. Не даром еще при царе Алексее, в дни Степана Разина, бунтовали именно эти деревни. Так что это была наиболее возбудимая часть крестьянства, наиболее подготовленная к восприятию революции. И вот на эту-то почву упали лозунги революционных рабочих.

Я говорил о том, что рабочее движение после 9 января дало очень сильное эхо в других классах. Оно подняло на ноги струившую и приунывшую к концу 1904 г. интеллигенцию, захватило и крестьянство и при этом довольно своеобразно в лице флота.

Таким образом, уже к лету 1905 г. рабочее движение захватило и соседние слои, оно начало тащить за собой всю мелкобуржуазную массу, начиная от ее интеллигентской верхушки и кончая ее деревенскими низами. Так как разрешите мне потом не возвращаться к этому движению, то, хотя максимум крестьянского движения в 1905 г. приходится на осень, а не на весну и не на лето,—так что я забегаю вперед,—но разрешите все-таки сказать два слова относительно этого крестьянского движения. В нашей исторической литературе мы имеем дело с систематической и чрезвычайно тонкой фальсификацией в этом отношении. После революции Вольное экономическое общество издало 2 тома корреспонденций с мест о крестьянском движении или, как там написано: «Об аграрном движении 1905—1907 годов». В этих 2 томах, содержащих в себе как будто документы, корреспонденции с мест,

проводилась та идея, что во главе крестьянского движения шла сельская буржуазия, шел кулак.

Так как я историк и в качестве историка страдаю фетишизмом документов, верю документам (историк, который абсолютно не верит документам, не будет историком), то я попался на эту удочку, и в моей книге вы найдете такие вещи. После этого мы докопались до губернаторских и жандармских донесений с мест. Это была тоже корреспонденция, но корреспонденция совершенно деловая, корреспонденция людей, не зараженных никакими социальными заказами, как корреспонденция Вольного экономического общества. И оказалось, что движение не только не руководилось кулаками, но шло против кулаков. Жандармы и губернаторы в целом ряде случаев сообщали, что движение идет не только против помещиков, но и против разбогатевших крестьян, в особенности, когда они арендовали помещичьи земли и становились на место помещиков. Крестьяне брали объективную действительность: раз ты арендуешь помещичье имение, то ты все равно, что помещик, а что ты наш же крестьянин из нашей же деревни—на это нам плевать. И они громили кулаков, а кулаки их резали, они организовывали специальные дружины для избития бедняков. Крестьяне были единым целым только против помещиков: как только те были сброшены, хоть на минуту, классовая борьба в деревне вспыхивала с невероятной остротой. Вольное экономическое о-во, я не знаю вольно или невольно, думаю, что скорее вольно, искажало действительность в угоду тому классу, к которому оно само принадлежало, и к которому принадлежали его корреспонденты в деревне, ибо корреспонденты эти, конечно, были из кулаков, и они себя изображали вождями. Какие были кулаки—я вам приведу только один пример. Некий Шевлягин. У него было 7 тыс. десятин земли. Его громили так же, как и помещиков, но официально, в документах, его называли Нассоном Дмитриевым, а не «Дмитриевичем»,—значит это не был даже купец, потому что купцов писали с «вичем». Значит это крестьянин, но он владел 7-ю тысячами десятин земли, и его громили. Некоторые в донесениях называются помещиками. Некий Потамошнев, которого сам губернатор охарактеризовал с самой скверной стороны, зовется помещиком, а дальше видно, что этот Потамошнев из крестьян той же волости и т. д. Вот какие помещики, чумазные помещики, и вот этих чумазных лэндлордов били так же, как били помещиков. Вообразить себе нашу деревенскую революцию, как что-то такое самостоятельно крестьянское, руководимое верхними слоями крестьянства,—я не знаю, может быть, в XVIII в. так было, может быть в XVII в. так было, но в XX в. этого не было. В XX в. крестьянское движение руководилось рабочими. И то, что я вам говорю по поводу крестьянского движения 1902 г., абсолютно верно и по отношению к движению 1905 г. Крестьяне уходят на заработки в города, там наполняются забастовочным духом, возвращаются в деревню, становятся во главе крестьян, которые громят помещичьи усадьбы и т. д. Это повсеместное явление. Надо иметь в виду, что эти губернаторские, жандармские донесения по самому характеру не имели никакого расчета подделывать действительность. Это были секретные донесения, они изображали то, что действительно видели жандармы, губернаторы и их чиновники. Видели они такую картину—иногда это были донецкие рабочие, шахтеры, которые действовали особенно энергично и пускали в ход динамит, которым они привыкли действовать в шахтах, иногда рабочие Брянского арсенала и т. д.—вот

это стоял во главе этих отрядов. Так что наша крестьянская революция 1905 г. возникла в атмосфере, созданной рабочей революцией. Рабочая революция тащила крестьянскую массу, бедняцкие, средняцкие массы за собой. Ими руководила, пропитывала их своими лозунгами и пропитывала до того, что крестьяне, которые начали революцию несомненно искренними монархистами, во вторую думу, осенью 1906 г., выбрали сплошь и рядом эсеров, эсдеков, трудовиков и т. д., т. е. людей, которые определенно шли против царя, выбрали людей неблагонадежных, которых арестовывали, и они знали, что те сидели в тюрьме за то, что боролись с царем. Крестьяне отлично знали это, но все-таки выбирали их в думу. Вот как изменилось настроение крестьянства за это время под воздействием пролетарской революции, под воздействием рабочего движения. Эти факты настолько четко обосновывают гегемонию пролетариата в нашу буржуазную революцию 1905 г., что лучшего оправдания историей теории нельзя себе представить. Гегемония пролетариата в буржуазную революцию была ведь выведена Лениным теоретическим путем, но история эту теорию оправдала на все 100%. Мыслить нельзя крестьянскую революцию 1905 г. без пролетариата как вождя.

Сам пролетариат в это время проходит очень большую школу и частью этой школы,—к сожалению, как-то до сих пор мало обращающей на себя внимание историков,—была иваново-вознесенская забастовка лета 1905 г. Она началась в мае и кончилась в июле. Тянулась очень долго, была очень упорной. Сейчас мне приходится в книгах, которые издаются нашими молодыми историками, встречать почти пренебрежительные отзывы об этой забастовке. Говорят—ну что такое, текстиль боролись за увеличение заработной платы, экономическая штука,—и даже отказывают во всяком революционном значении этой забастовке. Товарищи, она имела колоссальное революционное значение. Прежде всего это была первая крупная, я бы сказал, огромная, 30 тыс. чел. охватившая забастовка в Московском промышленном районе. В Московском промышленном районе даже после 9 января бастовали неважно, гораздо хуже чем в Варшаве, в Риге, или на юге, на Украине, там бастовали гораздо дружнее, а иваново-вознесенская забастовка—это первый удар грома на ясном небе московских капиталистов. Впервые московские буржуа (в Московской области) почувствовали на себе, что приближается революция. Чрезвычайно характерно, что когда началась эта забастовка, рабочие боялись брать социал-демократические прокламации и шаркались при возгласе «Долой самодержавие!» Когда забастовка кончилась, на последнем собрании они сами кричали: «Долой самодержавие!» Эта политическая школа, которую они прошли, для нас необыкновенно ценна, и она показывает, как нелепо ставить какую-то непроницаемую переборку между экономической и политической забастовками. Нет тут непроницаемой переборки, диалектически одно переходит в другое. Ленин всегда это подчеркивал в 1905 г. Вовсе не так важно, выставляет ли та или другая забастовка сразу политические лозунги. И полиция это по-своему понимала. Она всякие действия скопом и заговором преследовала одинаково, ставило ли это движение экономические или политические цели. Полиция прекрасно понимала, что дело не в этом, что экономическая забастовка, упершись в полицию и в штатки войска, перейдет в политическую, неизбежно примет революционный характер. Как раз иваново-вознесенская забастовка является в этом отношении очень характерной. Не даром из нее вышел первый

Совет рабочих депутатов, прошу извинения у несогласных, первый настоящий Совет рабочих депутатов.

Вот эта школа и подвела рабочий класс к той идее, которая реализовалась в октябре 1905 г., к идее всеобщей забастовки. Конечно, рабочий класс подходил к этому не стихийно: именно на основе построения, созданного иваново-вознесенской забастовкой, Московский комитет в июле начинает призывать ко всеобщей забастовке, пока на первое время без успеха. Но чрезвычайно характерно, что второй съезд железнодорожников, собравшийся 24 июля и состоявший, главным образом, из представителей служащих, т. е. мелкой буржуазии—из 16 дорог, на нем представленных, только на 6 господствовали с.-д., т. е. господствовали рабочие, а остальные 10 были в руках эсеров, освобожденцев и т. д.,—несмотря на это съезд принял единогласное постановление о подготовке всеобщей жел.-дор. забастовки и с политическими лозунгами.

Этим я вношу поправку опять в свои собственные слова. Я назвал октябрьскую забастовку стихийной. Она была, конечно, в известном смысле стихийной, и не совсем правы те товарищи, которые, пытаясь меня поправить, переводят ее из стихийной в случайную. Так, один товарищ, тогдашний член Петербургского совета рабочих депутатов, в своих воспоминаниях говорит: некоторые «историки» в кавычках называют эту забастовку стихийной, ничего тут стихийного не было, если не считать, что для нашего партийного комитета забастовка имела совершенно неожиданный характер. Ну, я уж тогда не знаю, что называть стихийной, если это так. И дело, говорит, вовсе не в стихийности, а дело в том, что заводские ребята, теперешние пионеры, наслушавшись о забастовке, дали свисток к остановке фабрики, после этого комитет взял дело в свои руки. Ну, если комитет партии после ребятки (взял дело в свои руки, то дело с комитетом обстоит плохо. Конечно не так уж плохо, не так уж критически; верно, что идея о всеобщей забастовке существовала раньше, всеобщая стачка пропагандировалась, и эта пропаганда несомненным образом дала свои всходы, свои плоды в октябрьской забастовке.

На железнодорожниках мы можем проследить это весьма последовательно. Они после этого своего постановления на съезде 24 июля все время не расставались с идеей подготовки всеобщей стачки. Отдельные линии выступают в августе, другие в сентябре, весь союз выпускает этот лозунг 4 октября. И только благодаря тому, что в большинстве, как я сказал, были эсеры, у них ничего не вышло, потому что у эсеров связей было мало. Тогда за дело взялись с.-д., и с их помощью всеобщая жел.-дор. забастовка стала реальностью. Забастовала сначала Казанская дорога, потом другие, причем чрезвычайно характерно, что начали бастовать мастерские, т. е. кто? Рабочие-металлисты жел.-дор. мастерских, это был наиболее боевой отряд рабочих-металлистов, какой существовал вообще в те времена. Они были первыми, так сказать, зажигателями, начиная с конца 90-х годов, первые выдвинули лозунг 8-часового рабочего дня. Во всех забастовках, например, в грандиозной ростовской стачке в ноябре 1902 г. вы видите их на первом месте. Так что начали рабочие металлисты,—ибо я не знаю, чем собственно отличаются рабочие-металлисты железнодорожники от металлистов вообще. Они забастовали первыми на Курской, Брестской, как называлась тогда эта дорога, затем забастовали машинисты Казанской дороги, затем стали все дороги. Если хотите, товарищи, это, конечно, было для нас такой же неожиданностью, как свисток на

Путловском заводе, о котором рассказывает этот товарищ. Я помню, как мы строили наш план выступления на осень 1905 г. Собрания нашей лекторско-литераторской группы происходили у меня на квартире в начале сентября. Я хорошо помню, как мы собирались использовать университетскую автономию для того, чтобы организовать митинги в высших учебных заведениях. Это было раньше забастовочного движения. Знать, что будет натиск на самодержавие—это мы знали, это не было новостью, но что этот натиск облечется в форму именно всеобщей забастовки,—этого мы не знали.

Октябрьская забастовка не перешла в вооруженное восстание. Многие товарищи спрашивают: как это?—Думают, что тут какая-то ошибка. По-моему, тут ошибки нет ни с чьей стороны. Дело это совершенно естественное, если принять в расчет диалектику рабочего движения в целом. В январе 1905 г. рабочие думали, что с царем можно разговаривать по-милому, по-хорошему—и жестоко в этом разочаровались. В октябре они дошли до мысли, что царю нужно показать кулак, и тогда от него чего-нибудь добьешься. Что нужно против царя пустить в ход оружие—это была идея следующего этапа, в то время доступная лишь меньшинству рабочего класса. Что было бы, если бы мы провозгласили вооруженное восстание в октябре? Произошел бы несомненный разрыв между рабочим классом и его авангардом. Массы, которые еще не расчухали значения манифеста 17 октября, остались бы вероятно спокойны. Получилась бы та картина, которую подсовывают нам в виде «декабрьского московского восстания большевиков» буржуазные историки. И, к сожалению, не одни буржуазные, кое-кто из наших заразился этим, кое у кого из наших вы можете прочесть очень лестные для вашего, товарищи-пресненцы, самолюбия, но исторически неверные сведения, будто бы восстание в декабре 1905 г. было рабочим только на Пресне, а в остальных местах рабочие с восстанием не были связаны. Но, извините, пожалуйста, а в жел.-дор. районах кто дрался, а в Бутырском районе, где мы с вами находимся, кто дрался? Как же говорить, что только в одной Пресне рабочие были связаны с восстанием, а в остальной Москве рабочие как будто бы не были связаны, а только поглядывали со стороны на восстание? Ничего подобного, в декабре 1905 года в восстании участвовала в сущности вся рабочая масса. Если она не могла проявить этого участия, то по весьма простой причине: никакой организации, почти никакого оружия не было. На каждый браунинг приходилось по 8 желающих. Представьте себе, если было бы по 80 желающих—было бы лучше от этого? В конце концов есть известные материальные возможности, и эти материальные возможности сделали то, что в восстании участвовало, примерно, по вычислениям Ленина, 8 тыс. рабочих на 180 тыс. московского пролетариата. Но только это. Что пролетариат не от трусости не пошел в восстание,—это он доказал манифестациями. Ведь эти манифестации расстреливались шрапнелью, эти манифестации разгонялись казаками и драгунами, которые рубили людей, но рабочие на это шли. Боевого жару было в декабре сколько угодно,—оружия в декабре не было, организации тоже не было. Этим объясняется срыв нашего декабрьского восстания.

Я немножко забежал вперед, я хотел вам только показать, что в октябре 1905 г. мы еще не созрели для вооруженного восстания. Даже те, кто выпустил обманчивый манифест 17 октября, спекулировали на этой несознательности масс. Я не знаю, известно вам или нет, что

настоящим вдохновителем манифеста 17 октября был вовсе не Витте, вовсе не Николай Николаевич, т. е. великий князь, а был рабочий Ушаков, типичный образец желтых профессионалистов.

Этот Ушаков ходил к Витте, к Николаю Романову (в. князю) и рассказывал им, что среди рабочих многие добиваются только того, чтобы им дали право организовать союзы. Если они это право получают, то они революционеров бросят. На этом фоне выросла демагогия как Витте, так и Николая Романова. Манифест 17-го, во-первых, был сознательным обманом, средством дезорганизовать движение и, во-вторых, это была спекуляция на том, что значительная часть рабочих может быть удовлетворится этой самой свободой. А рабочему классу нужно было время, чтобы убедиться, что никакой свободы нет. Впрочем погромы начались тотчас же, на другой день. Через две недели было совершенно ясно, что свобода выражается в том, что на улицах убивают людей без всякой церемонии, и что казаки, полиция и все прочее существуют попрежнему на своих местах и действуют.

На этом фоне нарастала волна нового рабочего движения, которое нашло свое увенчание в декабрьском восстании 1905 г., не в Москве на Красной Пресне, как некоторые пишут, товарищи-краснопресненцы, а в целом ряде крупнейших пролетарских центров тогдашней царской империи. Восстания были в Сормове, в тогдашнем Екатеринославе, в теперешнем Днепропетровске и др. В Горловке было совсем крупное восстание шахтеров, там было до 150 винтовок и до 500 шт. разного другого огнестрельного оружия. Они заставили отступить царский отряд, состоявший из двух рот пехоты. Только потом, когда последние получили поддержку, они должны были сдаться. Три дня восстание было в Ростове, где рабочие отсиживались в темернике, так же как ваши предшественники отсиживались на Красной Пресне. Восстание было в Красноярске, в Чите, в Сибири, в Новороссийске, словом в целом ряде рабочих районов были вооруженные восстания, рабочие выступили с оружием в руках. Но в одном месте они не выступили, а это место было центром, его участие в революции решало дело, это был Петербург. И вот на том, почему не вышло вооруженное восстание в Петербурге, нужно несколько остановиться.

В нашей литературе существует очень много споров о том, кто создал Петербургский совет, большевики или меньшевики. Существует мнение, что меньшевики создали первое заседание, но говорят, приводя некоторые показания свидетелей, и большевики сидели тут же у стола.

Вопрос о том, кто первый создал, кто первый сказал «а», это вопрос третьестепенный. Не это важно. Не в этом дело. Очень важную роль сыграло тогда оппортунистическое руководство. Вам известно, что во главе Петроградского совета в течение всего времени его деятельности стоял чрезвычайно умный и ловкий меньшевик, как никто умевший сочетать меньшевистскую сущность работы с революционной фразой. Звали этого меньшевика Троцким. Это был самый настоящий, подлинный меньшевик, который не желал совсем никакого вооруженного восстания и вообще не желал доводить революцию до конца, до свержения самодержавия. Для этого он построил целую теорию, так называемую, теорию перманентной революции, которую долго не понимали, но которая теперь, при свете чрезвычайно драгоценного автобиографического документа, изданного Троцким в виде его автобиографии «Моя жизнь», становится кристально ясной. При свете этой книги мы видим,

что это был за человек. Он построил такую теорию, конечно отвечающую меньшевистскому нутру: если русская революция дойдет до конца, на чем настаивал Ленин, т. е. до полного низвержения самодержавия, изгнания помещиков, национализации земли и т. д., то она неизбежно должна будет немедленно перейти в социалистическую революцию. Вы скажете: что же, так и говорят, и думают, и пишут, и Ленин писал о перерождении демократической революции в социалистическую. Троцкий только, может быть, немножко торопился. В действительности «перманентная революция» Троцкого имеет совсем иной смысл. На самом деле, как Троцкий представлял себе это дело? «Никогда вопрос не шел для нас о том, можно ли Россию прямо перевести в социализм. Такая постановка вопроса требует совершенно особого устройства головы». Другими словами, ему мысль о социализме в России казалась тогда совершенной бессмыслицей. Схема его была такой: революция доходит до своего конца, свергнут царизм и т. д. Что тогда? Тогда неизбежно будет социалистическая революция. Но без социалистической революции в Западной Европе говорить о социализме в России могут только люди с совершенно особым устройством головы. Троцкий хочет этим сказать, что так могут говорить только идиоты. Поэтому не нужно доводить до конца демократическую революцию в России, нужно удовлетвориться определенными уступками царизма и на базе этих уступок начать строить легальную, открытую рабочую партию. Вот определенная схема Троцкого. К этому он все время вел Петербургский совет.

Это ясно из его речи, произнесенной им по вопросу, кончать или не кончать забастовку, начатую для освобождения кронштадтских матросов. Он говорил, кажется 5/18 ноября, следующее: «Если смотреть так, что целью нашего выступления должно быть свержение самодержавия, то такое выступление может быть только одним, и тогда я согласен с товарищами—мы должны бороться до конца. Но наше выступление—это ряд поступательных битв, цель которых—дезорганизация правительства, приобретение симпатии новых групп и в том числе армии».

Значит, низвержение самодержавия—это не есть цель, которую перед собой ставит пролетариат непосредственно, как ставили большевики. Это—в отдаленном будущем. Сначала, нужно раскатать самодержавие. Для чего? «Не забывайте, что только недавно создались для нас те условия, при которых мы можем устраивать тысячные митинги, организовывать широкие массы пролетариата, и уже теперь мы диктуем свои условия мировой бирже». Вы чувствуете этот великопленный павильный хвост—«диктуем условия мировой бирже»? (Смех). «Необходимо, возможно полнее использовать эти условия для самой широкой агитации и организации пролетариата. Это—период подготовки масс к решительным действиям. Мы должны его растянуть быть может на месяц-два, чтобы затем выступить возможно более сплоченной и организованной массой». Когда же мы выступим? «Нам еще предстоит избирательная кампания (кампания в Государственную думу—М. П.), а она должна будет поднять весь революционный пролетариат». Избирательная кампания поднимет революционный пролетариат! Оцениваете вы эту вещь? «И эта избирательная кампания кончится тем, что пролетариат взорвет все правительство графа Витте и самого хозяина, стоящего за ним».

Это замечательная вещь, не даром Троцкий с некоторыми изменениями перепечатал ее в «1905 году», он гордится этой ревью. Действительно она для Троцкого чрезвычайно характерна. Она—сочетание подлинного оппортунизма, приспособления к избирательной борьбе в

Государственную думу и в то же время—громких фраз: «диктуем условия мировой бирже», «взорвем правительство графа Витте» и т. д.

Такой человек стоял во главе Петербургского совета, человек, который заранее решил, что доведение революции до конца—это гибель. Я не могу перед тысячной аудиторией приводить цитаты, но тут (это протоколы Петербургского совета) вы найдете целый ряд образчиков того, как Троцкий обошел революционную энергию пролетариата. У нас говорят иногда: борьба за 8-часовой рабочий день, начатая пролетариатом Петербурга в ноябре, сорвалась, и приводят это как образчик недостижимых стремлений пролетариата. Но цифры и факты показывают, что рабочие желали драться за 8-часовой рабочий день, что на Обуховском заводе большинство было за эту стачку. А что делал Троцкий, т. е. Исполком Петербургского совета? Он выпустил такой лозунг: пусть борются за 8-часовой рабочий день те, кто может, распывая таким образом движение. В результате движение разбилось. Рабочие ему в глаза говорили: вы сорвали забастовку за 8-часовой рабочий день, а не она стихийно сорвалась. Представитель Путиловского завода говорил: «Вся беда в том, что мы недружно держались. Вина тут совета, который постановил, что добиваться должны лишь те заводы, которым это под силу». На Обуховском заводе за забастовку было 2 630 человек, против—1 906.

То же, что было с борьбой за 8-часовой рабочий день, было и с вооруженным восстанием. Троцкий говорил о нем неоднократно, но что делал Петербургский совет как таковой для организации вооруженного восстания—это никому неизвестно. Раз руководство было оппортунистическим, не подлежащим никакому сомнению, что из этого не могло получиться никакого вооруженного восстания. Скажут так: было однако же восстание в Москве. Но я тут пойду не только против краснопресненского, но и против всемосковского патриотизма. Одна Москва не могла решить дела. Представьте себе, что Николай II остался бы хозяином в Питере, теперешнем Ленинграде, а мы победили бы в Москве. Что получилось бы? Получилось бы повторение истории Парижской коммуны. Он стянул бы к себе верные войска, которые у него еще были, и окружил Москву, и вместо одной Пресни была бы разгромлена вся Москва. Вот какой получился бы результат, это несомненно. Надо было бить эту гадину в голову, а голова была в Питере. Наоборот, если бы восстание победило только в Питере, то, поддержанное Москвой и другими пролетарскими центрами, оно победило бы, конечно, во всей стране.

В Питере вооруженное восстание не состоялось не только в силу объективных причин, которые нельзя было преодолеть, а главным образом в силу политических ошибок руководства. Это решило судьбу не только питерского пролетариата, а отразилось на судьбе пролетарской борьбы во всей стране. И, конечно, дело не в личности Троцкого—хотя то, что это был великодушный оратор, которому со стороны большевиков противостоял Богданов, с большой путаницей в голове и безо всякого ораторского таланта, сыграло свою роль—дело было в организованном оппортунизме.

Что касается московского восстания, на нем тоже необходимо остановиться. Какие были причины неудачи восстания здесь в Москве? Москва не могла решить революции, но она могла все-таки победить. И если бы она победила, может быть она зажгла бы петербургский пролетариат через голову руководства? Первой причиной поражения московского восстания приходится считать разрыв между военным и рабочим

восстанием. Военное восстание у сапер и в Ростовском полку произошло раньше чем выступили рабочие. Тогдашнее московское руководство не сумело во-время охватить положение, не сумело понять, что выступление ростовцев—это такой момент, которого не найдешь в другой раз, и что нужно немедленно двинуть рабочих на помощь солдатам. Ведь что было бы, если бы восстание саперов и ростовцев слилось с рабочей массой? Прежде всего в чисто военном отношении мы были бы в сущности на одном уровне с Дубасовым. У Дубасова было около 1 500 штыков и сабель, 1 500 штыков было и у саперов и ростовцев; вдобавок у них было еще 8 пулеметов, тогда как в то время в Москве всего пулеметов было 13. Так что были очень большие военные шансы.

Второй причиной неудачи было то, что три дня никак не могли перевести забастовку в вооруженное восстание. Среда, четверг и пятница—три дня не было вооруженного восстания.

И наконец третья причина та, что инициатива перешла в руки противников, в руки Дубасова, который засел в центре Москвы и получил возможность бить по внутренним линиям. Это громадный стратегический перевес. Всякий военный человек знает, что такое занимать центральную позицию и иметь возможность бить по внутренним линиям. Это дает определенный перевес. Вспомните, Фридрих II во время семилетней войны все время держался таким образом против соединенных сил Франции, Австрии и России, которых он бил поодиночке. Рабочие районы друг от друга были отрезаны,—железнодорожники не знали, что делается на Пресне, мы в Суцеско-Марьинском районе едва знали, что делается в железнодорожном районе. Рабочие, не связанные друг с другом, отрезанные, естественно должны были перейти на оборону, а оборона—гибель вооруженного восстания, как писал Энгельс, и это остается всегда верно.

Вот в какой обстановке, товарищи, потерпела поражение Красная Пресня. Собственно восстание на Пресне,—это конечно самый героический эпизод восстания, но это вовсе не единственное вооруженное рабочее выступление даже в Москве, а тем паче во всей стране. Красная Пресня представляла собой самый героический момент восстания—об этом конечно не может быть спора. И правы те товарищи, которые объясняют это тем, что вооруженное восстание нигде не было связано с рабочими массами в такой степени, как на Пресне. Оно всюду было связано с массами, но такая тесная связь, чтобы непосредственно из рабочих казарм шло вооруженное восстание, была не везде, а тут было именно так. Краснопресненские кухни—это был штаб, откуда шло все руководство. Красная Пресня—это была своего рода цитадель, где сидели резервные силы, откуда они выступали на бой. Такой тесной связи между рабочими и вооруженным восстанием, как на Пресне, не было нигде. И не даром Ленин писал письмо краснопресненским рабочим, и не даром мы собираемся дни, посвященные 25-летию юбилею, провести именно на Пресне. Это совершенно правильно. Пресне—честь и место, очень большая честь и очень большое место в этом восстании. Но вооруженное восстание 1905 г. было выступлением всей пролетарской массы всей нашей страны. Пролетариат к сожалению был разбит в этом выступлении, и это решило судьбу всей революции, как показал следующий—1906 г.

1906 г. чрезвычайно характерен, как проверка положения о гегемонии пролетариата в нашу первую революцию. В 1906 г. крестьянское движение было гораздо более интенсивно, чем в 1905 г. Некоторое

историки, механистически подходящие к явлениям, пытались цифрами доказать, что выступлений было больше в 1905 г., чем в 1906 г. Да, но таких выступлений, когда целиком были бы сбиты помещичьи усадьбы в целых уездах, как это было с Бобровским уездом Воронежской губернии—в 1905 г., не было, такой остроты крестьянское движение не достигало.

Одновременно с этим колоссальной остроты достигло движение в армии. Количество случаев неповиновения солдат в 1906 г. было в несколько раз больше, чем в 1905 г. Преображенский полк, первый полк царской гвардии, вышел из повиновения. Крупнейшие восстания моряков и солдат вне района Черного моря, в Кронштадте и Свеаборге падают как раз на 1906 г. Непролетарская революция бушевала в 1906 г. больше, чем она бушевала в 1905 г. Мелкая буржуазия подтянулась и вошла в революцию, но оказалось, что без своего вождя, без рабочего класса, она победить не в состоянии. И самодержавие летом 1906 г. чувствовало себя куда более прочно в седле, нежели оно чувствовало себя в конце 1905 г. Никакие уступки не были даны. Был посажен Столыпин, были введены полевые суды и т. д., и т. д. Самодержавие осмелело и обнаглело, потому что оно видело, что настоящий его враг, настоящий руководитель движения—рабочий класс—ушел с июля. И оно не забыло этого врага. Не случался финал революции (финалом был не январь, — финал был 3-го июня 1907 г.). С чем был связан этот финал? Этот финал был связан с арестом социал-демократической фракции Государственной думы, не какой-нибудь другой, не с арестом трудящихся, не с арестом кадетов, которые выпустили Выборгское воззвание в 1906 г., а с арестом социал-демократической партии Государственной думы. Столыпин ударил своего главного врага, ударил пролетариат. Он на этом попробовал,—встанут ли опять рабочие на защиту своей фракции, или нет? Оказалось, что сил уже не было, они не встали, и это решило судьбу революции, которая кончилась в июне 1907 г.

Я вам сказал, что наша революция 1905 г. дает материал для проверки истории Великой французской революции. Наша революция победила и шла вперед, пока побеждал и шел вперед рабочий класс. Наша революция стала терпеть поражение, когда потерпел поражение рабочий класс. Был во Франции рабочий класс? Нет. Как класс пролетариат конечно был, но как класс, осознавший себя и свои интересы, он не был представлен во Французской революции. Французская революция разыгралась на мелкобуржуазной плоскости, т. е. на той плоскости, на которой разыгралась наша революция в 1906 г. И вот вам причина того, что результаты нашей революции так прочны, и что она через 25 лет идет вверх, а Французская революция через 25 лет уже далеко спустилась книзу и забралась собственно под хвост самой себе, если можно так выразиться, поскольку хартия 1814 г. давала гораздо меньше, нежели конституция 1791 г. Вот первый урок, который мы извлекли. И сейчас рабочий класс идет во главе революционного движения во всем мире. Он ведет движение конечно и в Китае, и в Индии, и там опорными центрами являются пролетарские центры—Шанхай, Кантон, Бомбей и т. д. Сейчас идут в Китае крестьянские восстания. Не даром буржуазные газеты называют их коммунистическими, не даром они идут под коммунистическими лозунгами. Это опять-таки урок той же самой пролетарской борьбы. Про другие страны, про Европу и Америку не приходится говорить, там гегемония рабочего класса совершенно очевидна.

Особенно курьезно положение в Германии. В Германии партии, представляющие или претендующие представлять рабочий класс, составляют большинство в рейхстаге. Я не знаю, знаете вы это или нет, но в рейхстаге 576 членов, из них 320 коммунистов, социал-демократов и фашистов—гитлеровцев. Коммунисты представляют рабочий класс, социал-демократы и фашисты делают вид, что они представляют рабочий класс. Вы знаете, как официально называется фашистская партия? «Национально-социалистическая рабочая партия». И действительно, мало сознательные рабочие, преимущественно ремесленные рабочие за ней идут, в ее рядах порядочное количество ремесленного пролетариата. За социал-демократией, хотя все меньше и меньше, также идут еще рабочие. Это три партии, за которыми идут рабочие, сознательные—за коммунистами, мало сознательные—за социал-демократами и фашистами. Они составляют большинство в рейхстаге—320 чел. из 576, а в стране сидит буржуазное правительство. Это подводит нас к другому уроку революции 1905 г. Что такое гитлеровцы—фашисты—вы знаете, это нечто вроде наших зубатовцев. За Зубатовым, за Галоном тоже шли рабочие. В Германии мы имеем 8½ млн. рабочих, которые находятся в руках оппортунистов. И вот вам объяснение неудачи нашей революции 1905 г. и медленного движения революции в Германии в наши дни. Корень один и тот же. Это громадный урок, который дает революция 1905 г. нашему времени.

Борьба с оппортунизмом всякого типа—с правым и левым,—это наша основная борьба. Мы, конечно, можем ее мотивировать всячески—и хозяйственным, и международным положением, и как угодно, но не мешает ее мотивировать и исторически, ибо в конце концов исторические примеры наиболее убедительны. Оппортунистическое руководство всегда вело к гибели и к краху. Поставить оппортунистов во главе движения—это значит идти на верный разгром, на верное поражение. Вот чему учит нас между прочим революция 1905 г. Она учит нас настоящим, основательным образом ненавидеть оппортунизм, и в этом смысле она остается незабываемым уроком, незабываемым до наших дней.

О РАЗНОГЛАСИЯХ НА ФИЛОСОФСКОМ ФРОНТЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА КОМАКАДЕМИИ

Продолжение прений по докладам
тг. Милютин и Деборина¹

Адоратский. Тут кто-то сказал, что Стэн выступает в планетарном масштабе. Слушая его, мне показалось, что правда он способен на очень широкие обобщения, но он не всегда свободен от весьма ограниченных и так сказать мелкобуржуазных масштабов. Например в своей речи—может быть, это просто неудачно вырвалось—он употребил такое сравнение: нам, говорит, трудно, мы работаем, возьмем воз. По-моему, этот воз, чрезвычайно неудачно выбранный образ для того, чтобы охарактеризовать современное положение. Кто это мы? Мы—философы, или мы—партия? Ни в том, ни в другом случае это никуда не годится. Можно говорить не о каком-то инертном возе, который приходится тащить, а, наоборот, о бурном потоке, который увлекает с собой всех.

С места. Стэн-то меньше всего берет.

Адоратский. Поэтому я считаю, что то высокомерно презрительное отношение к самокритике, которое мы видели здесь со стороны ряда выступающих, совершенно неуместно. Я считаю, что совершенно правильно, своевременны, может быть даже несколько запоздалы вопросы, поставленные в порядке самокритики в докладе т. Милютин.

Я в своем небольшом выступлении хочу только несколько остановиться на том значении, которое Ленин, его работы имеют для философии, насколько мало, по-моему, использовано то, что дал Ленин в этой области и насколько недостаточно еще выполняется то, на что указывал Ленин, что нужно делать.

Я считаю, что характерным для Ленина является глубокое знание диалектики и мастерское применение ее во всех областях науки и практической деятельности, которыми Ленин занимался в частности и в чисто философских вопросах, в вопросах теории познания прежде всего. Я считаю, что Ленин по-новому осветил эту область вопросов материалистической диалектики в истории философии. Это первое.

Затем Ленин подвинул освещение ряда важнейших вопросов, связанных с естествознанием, применение материалистической диалектики к науке о природе, к вопросам естествознания. После Энгельса Ленин явил-

ся первым, который самостоятельно разобрался в этих вопросах, осветил состояние современной физики, и его работа, которая появилась 22 года тому назад, до сих пор не потеряла своего значения, она и сейчас современна.

Затем третье—вопросы исторического материализма. Иногда мне приходилось встречаться с таким странным взглядом: у Ленина, дескать, ничего нет по историческому материализму. Вот Плеханов писал по историческому материализму, а что же есть у Ленина? Это конечно совершенно неправильно. Ленинские работы в отношении теории исторического материализма содержат богатейший материал и их следует использовать самым широким образом. Наконец четвертое—диалектический материализм в политике и в тактике. Во всей практической деятельности, во всех произведениях Ленина есть эта материалистическая диалектика, и изучение ее с этой стороны, со стороны методологической представляет конечно громадный интерес, громадное значение. В этом направлении делалось очень мало.

Никто так, как Ленин, не изучал Гегеля после смерти Маркса и Энгельса. Это, по-моему, можно со всей определенностью заявить. В методах его, в подходе ко всем вопросам—наибольшая конкретность, наибольшая верность именно материалистической диалектике. Никакого разрыва между теорией и практикой, связь с массами, умение воспринимать от масс, учиться у масс (как учил делать Маркс) умению выражать самым наилучшим образом те конкретные задачи, которые вытекают из современного движения, ставить их в такой форме, чтобы они воспринимались массами,—вот в общих чертах то колоссальное теоретическое философское значение, которое имеют все работы Ленина.

Какие задачи сформулировал Ленин в области философии? Он сделал это, как вам известно, в своем письме в редакцию «ПЭМ». Что он отметил там? Он поставил прежде всего задачу борьбы с поповщиной, с идеализмом и с религией, массового распространения этой борьбы. Затем он указал на необходимость оказать помощь науке, в частности естествознанию, научить пользованию материалистической диалектикой ученых специалистов, не знающих диалектики. Ленин особенно подчеркивал необходимость изучения, истолкования и пропаганды диалектики. Для изучения материалистической диалектики он указал на следующие источники: изучать произведения Гегеля, Маркса и новейшую историю, историю войны и революции, которая дает бесконечно много образцов этой диалектики. Я думаю, что к тому, что указывал Ленин, здесь нужно присоединить и изучение произведений самого Ленина, потому что современная история именно в произведениях Ленина нашла наилучшее освещение и объяснение и потому что наряду с Марксом Ленин—величайший мастер в деле применения материалистической диалектики.

В области задач философии Ленин в своих конспектах, цитируя Гегеля, во многих местах неоднократно подчеркивал и развивал целую программу изучения истории человеческого мышления, науки и техники, диалектической обработки истории человеческой мысли науки и техники, на основе чего только и можно создать материалистическую теорию познания. В этой области с такой постановкой работы, с таким подходом сделано чрезвычайно мало. И нужно для того, чтобы выполнить те задачи, которые ставит Ленин, направить очевидно все усилия для работы в указанных направлениях.

Теперь я хочу несколько остановиться на том, что касается предисловия т. Деборина к «IX Ленинскому сборнику», о котором здесь говорили.

¹ Сокращенная стенограмма см «ВКА», кн. 40—41.

Институт Ленина, выпустивший этот сборник, редактировал предисловие. Мы считаем, что в этой статье конечно есть формулировки, которые может быть могли бы быть выражены более четко, но за формулировки отвечает автор. В целом же редакция считает, что эта статья принципиально правильна. Некоторые исправления были внесены редакцией. Тов. Деборин в своем слове шутил, что т. Милютин хочет вдвинуть диалектику в разные области исследования. Мы вот тоже, редактируя статью т. Деборина, вдвинули туда несколько таких мест, которые более резко подчеркивали материалистический характер диалектики. Сделано это было с согласия Деборина. (Смех). Вот одно из таких мест. В статье т. Деборина говорится: «Исходным пунктом в деле развития и разработки теории материалистической диалектики для него, для Ленина, как и для основоположников марксизма, являлась естественно диалектика Гегеля». Дальше цитата из Ленина:

«Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу), т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею», пишет Ленин. Материалистическое истолкование Гегеля является поэтом первой задачей, которую себе ставит Ленин в своих отдельных заметках, афоризмах и отрывках, которые мы находим в настоящем конспекте «Науки логики». На этом заканчивает Деборин.

Здесь дальше мы вдвинули следующее: «В то же время на протяжении всего своего конспекта Ленин постоянно подчеркивает идеалистический и мистический характер системы Гегеля и отмечает необоснованность и неясность целого ряда переходов одних категорий в другие».

В другом месте у т. Деборина говорилось: «Наука должна дать картину объективного движения, а логика—развития самого мышления в его необходимости, в его имманентном движении» и точка. Нами было «вдвинуто» следующее добавление: «хотя и определяемом в то же время развитием объективного мира, от мышления не зависящим». Указанными исправлениями, как видите, подчеркивается именно материалистический характер диалектики.

Теперь еще один вопрос, это вопрос о Плеханове. У т. Деборина сказано так: «Между Плехановым и Лениным существует различие, отражающее особенности исторической фазы в развитии революционного движения и классовой борьбы пролетариата». В этой общей постановке, по-моему, это совершенно правильно. Плеханов ведь был приблизительно чуть ли не на 20 лет старше Ленина.

С места. На 14 лет.

Адоратский. Он действительно принадлежал к иному поколению и против такой постановки, мне думается, нельзя возражать.

В связи с этим мне хочется сказать, что вопрос о Ленине и Плеханове, о их взаимоотношениях заслуживает самого серьезного внимания. В этой области существует, по-моему, довольно большая путаница. Встречаются иногда такие мнения, что Плеханов вообще никогда даже и марксистом не был, что он всегда был буржуазным демократом. Это конечно совершенно неправда. И мне хочется напомнить то отношение, которое было к Плеханову у Ленина. Расходясь с Плехановым самым резким образом в политических вопросах, Ленин даже в это время в полемике все время подчеркивал заслуги Плеханова в теоретической области. Так например в предисловии к книжке Каутского «О дви-

жающих силах революции» Ленин писал (книжка вышла в 1906 г в декабре месяце):

«Теоретические работы Плеханова, главным образом критика народничества и оппортунизма, остаются прочным приобретением социал-демократии всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хотя какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений»¹.

Видите, Ленин считает, что в указанных областях Плеханов дал много очень ценного и эти приобретения останутся навеки. «Но как политический вождь русских социал-демократов в буржуазной российской революции,—продолжает дальше Ленин,—как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики»². Ленин подчеркивает далее, что Плеханов своей кадетообразной политикой оказался вреднее Бернштейна, указывает, что против этой политики необходимо вести самую беспощадную борьбу и подчеркивает, что этот тактический оппортунизм есть полное отрицание основ марксистского метода. Вот подход Ленина. Мне приходится слышать такие рассуждения, что тогда Ленин из политики так писал. Он все-таки считал, что Плеханов ему впоследствии будет союзником и поэтому не хотел с ним окончательно порвать. Но в 1921 г., в конце 1920 г. в начале 1921 г., когда Плеханов уже умер, Ленин в одной из своих речей, где он выступал против эклектики Троцкого и Бухарина, подчеркивал:

«Уместно, мне кажется, заметить для молодого члена партии, что нельзя стать сознательным настоящим коммунистом без того, чтобы изучать, именно изучать то, что написано Плехановым по философии, ибо это—лучшее во всей международной литературе марксизма. Написанное Плехановым по философии должно войти в серию обязательных учебников коммунизма».

Так оценивал Ленин Плеханова. Я считаю, что этот вопрос об отношениях между Лениным и Плехановым вовсе нельзя квалифицировать как «темку», как тут т. Деборин выразился, а это есть один из очень важных вопросов истории развития марксизма.

Островитянов. Товарищи, смысл постановки вопросов философской дискуссии на президиуме заключается в том, чтобы эти вопросы были освещены с точки зрения различных дисциплин. Это необходимо, во-первых, потому, что мы все являемся представителями единого метода диалектического материализма и с точки зрения этого метода подходим ко всем проблемам, которые перед нами встают. С другой стороны, отдельные наши дисциплины нередко отрываются друг от друга, в результате чего получается, что общетеоретические, методологические дисциплины, которые должны играть ведущую роль по отношению к более конкретным дисциплинам, часто отрываются от конкретных, а конкретные дисциплины часто остаются без надлежащего методологического руководства. Целый ряд дискуссий, которые сейчас охватывают одну дисциплину за другой и сопровождаются пересмотром многих положений, которые до последнего времени считались бесспорными, это явление нужно оценивать как явление в высшей степени прогрессивное, приводящее к сплачиванию представителей различных дисциплин на основе правильного метода материалистической диалектики. По этим соображениям я считаю возможным и для себя, представителя экономических дисциплин, сказать свое мнение по вопросам философской дискуссии.

¹ Ленин, Соч., т. VIII, с. 85.

² Там же.

При разрешении вопросов, поставленных философской дискуссией, мы не можем не исходить из тех задач, которые сейчас выдвигаются перед марксистской наукой переживаемым нами этапом социалистического строительства. Я думаю, что правы были те товарищи, которые именно так пытались подойти к философским спорам.

Новый этап, в который мы вступили, есть этап развернутого социалистического наступления по всему фронту, этап нашего вступления в период социализма и вместе с тем последний этап нэпа. Он характеризуется тем, что новая социалистическая система производственных отношений, растущая в Советском Союзе в особенности теперь, с исключительной силой начинает обнаруживать свои преимущества перед капиталистической системой, что находит свое выражение в темпах развития социалистической индустрии, в развитии новых стимулов к труду (сопереживание и ударничество), в массовом вступлении середняка на путь сплошной коллективизации и связанной с этим ликвидации кулачества как класса, возросшей организованности всего нашего хозяйства и вытекающей отсюда огромного усиления роли планового начала в советском хозяйстве. Мы можем уже теперь сказать, что пролетариат овладел решающими хозяйственными рычагами советской экономики и в основном в плановом порядке руководит ею. А это означает, что законы, присущие советскому хозяйству, все в возрастающей степени начинают проявлять свое действие через сознательную волю пролетарского государства, а не стихийным путем помимо, а часто и вопреки воле и сознанию, как это имеет место в условиях капитализма.

Сознательное плановое руководство хозяйством в качестве своей необходимой предпосылки требует, чтобы теория опережала практику, чтобы законы советской экономики предварительно нами осознавались, а потом сознательно применялись к практике социалистического строительства. В силу этого в особенности на новом этапе становится совершенно нестерпимым отрыв нашей марксистской науки от политики партии, руководящей построением социализма в нашей стране, и от практики социалистического строительства. Марксистская наука должна стать важнейшим и мощным орудием перестройки всех наших отношений на социалистических началах.

Если с этой точки зрения подойти к философской дискуссии, то мы увидим, что представители философского руководства до сих пор не понимают всей глубины отрыва теоретической работы в области философии от практики социалистического строительства, до сих пор не чувствуют всей той остроты, с которой на новом этапе выдвигается задача—превратить марксистскую науку в орудие социалистического строительства, несмотря на целый ряд декларативных заявлений, которые ими сделаны. Та оценка положения дел на философском фронте, которую мы слышали в содокладе т. Деборина, которую мы видели в многочисленных статьях, помещавшихся за последнее время в журнале «ПЗМ», является совершенно неправильной. Прежде всего т. Деборин ту самокритику, которая развернулась по адресу философского руководства, объяснял попытками в корне пересмотреть ту методологическую позицию, которую оно занимало в борьбе с механистами и которая считалась и считается до настоящего времени в основном правильной. «При переходе к новым условиям,—говорит он,—в силу определенных закономерностей развития неизбежны рецидивы механизма, ползучего эмпиризма, рецидивы отрицания теории». Это одно объяснение. Другое объяснение т. Деборин находит в том, что перед нами стоит колоссальная задача

разработки материалистической диалектики, «но эта задача к сожалению не осмыслена широкими кругами нашей партии». В этом, по его словам, заключается основная беда, и в связи с этим происходит масса недо-разумений.

Получается так, что на философском фронте все было бы благополучно, если бы с одной стороны не появились рецидивы ползучего эмпиризма и отрицания теории и если бы широкая партийная масса поняла необходимость разработки вопросов материалистической диалектики. Посмотрим теперь статью «десяти», помещенную в журнале «ПЗМ», которая в сущности является платформой философского руководства,—там взято под жестокий обстрел совершенно бесспорное положение о том, что работа философов проходила в отрыве от задач социалистического строительства. По этому поводу вы видите длиннейшее рассуждение, доказывающее ту мысль, что нельзя противопоставлять борьбу с механистами задачам социалистического строительства. Таким образом выходит, что наши философы, ведя борьбу с механистами,—что конечно является их бесспорной заслугой—тем самым уже в достаточной степени были связаны с практикой социалистического строительства. Я думаю, что это есть опять-таки лишний показатель того, что хотя необходимость увязки теории с политикой партии и с практикой социалистического строительства декларирована нашим философским руководством, но вся глубина этого отрыва и необходимость крутого поворота еще не осознана в сколько-нибудь достаточной степени. Отсюда мы имеем совершенно неправильную оценку того, что сейчас творится на философском фронте.

Конечно опасность, как тут указывалось, рецидива ползучего эмпиризма и отрицания теории не исключена на новом этапе и по ней нужно бить, но, если мы стоим на позиции, что до последнего времени был глубокий отрыв теории от политики партии и практики социалистического строительства и сейчас нужно этот отрыв ликвидировать, нужно теорию сделать орудием сознательного планового руководства нашим хозяйством, то в этот момент основной упор должен быть не на опасности отрицания теории, а на ликвидации этого отрыва.

Но мало того, что философское руководство не осознало необходимости крутого поворота в работе на философском фронте. Оно не понимает той роли, которую в этом повороте должна сыграть самокритика. Отсюда вытекает и совершенно неправильное отношение к вопросам самокритики в области философской работы. Философское руководство не понимает, что невозможно совершить серьезный и глубокий поворот к задачам социалистического строительства без мобилизации вокруг этой задачи философских научных работников и всей нашей партийной общественности на основе самого широкого развертывания самокритики всех теоретических ошибок и прорывов, допущенных на предыдущем этапе.

Между тем в той оценке, какую т. Деборин дает прошлой работе в области философии, самокритикой и не пахнет. Когда я слушал содоклад т. Деборина, то у меня невольно встала в памяти притча о мытаре и фарисее. Мытарь, как известно, стоял в церкви и, бия себя в грудь, говорил: «Господи, прости мне грешному». А рядом с ним стоял другой персонаж притчи—фарисей, который говорил: «Благодарю тебя, боже, что я не такой, как этот мытарь», и далее перечислял все свои добродетели. Если передать содоклад т. Деборина в кратких словах, то он говорил примерно следующее: «Благодарю тебя, боже, что я не такой, как этот Милютин. (Смех). Я написал раньше его резолюцию, я уже

совершил поворот на философском фронте; ведя борьбу с механистами, я заранее предвидел, что это будет подготовка к борьбе с Бухариным».

Деборин. Я этого не говорил.

Островитянов. Примерно так вы говорили. Я передаю своими словами. (Смех). «Я не совершил никаких теоретических ошибок, если и были ошибки, то главным образом заключающиеся в недостаточной борьбе с ошибками других—троцкизмом, рубинщиной и т. д.; правда, я недостаточно разрабатывал ленинское наследие, но кто из вас без греха, кто может сказать, что в его дисциплине все сделано на сто процентов». Мы менее всего требуем от т. Деборина покаяния в стиле «мытаря». Тем не менее мы должны признать, что содоклад т. Деборина есть наиболее яркое свидетельство недооценки необходимости развертывания широчайшей самокритики для того, чтобы действительно совершить поворот в области философии.

В тесной связи с этим стоит вопрос о том, как т. Деборин понимает самокритику. Я не знаю, случайно у него вырвалось или нет, но он сказал, что «философия и теория вообще есть вещь такая, которая должна находиться в нескольких иных условиях самокритики. Здесь недостаточно вообще выступить и сказать то-то, а нужно доказать». Как будто бы, когда мы выступаем с самокритикой не в области философии, ничего не нужно доказывать, а можно валить с больной головы на здоровую. (Смех).

Но этого мало. Мы не только встречаемся с неправильным пониманием самокритики, с требованием каких-то особых условий в отношении самокритики, когда речь идет о философии, но мы встречаемся с замазыванием целого ряда теоретических ошибок, допущенных как философским руководством в целом, так и его отдельными представителями.

Я позволю себе коснуться области, которая ближе всего мне знакома—отношения философского руководства к рубинской дискуссии. Я не могу сказать, что в отношении этой дискуссии я сам был без греха. Но, товарищи, я должен признаться, что тут мы выступали в союзе с философским руководством. (Смех). Разница между нами заключается лишь в том, что мы честно по-большевистски и откровенно признали свои ошибки, что нашло свое выражение в статье, подписанной т. Милютиним и т. Борилиным. Борилин является представителем нашей группы. Он подписал эту статью, а в ней чрезвычайно резко критикуются допущенные нами ошибки.

Но осознали ли философское руководство теперь те ошибки, которые оно совершило в рубинской дискуссии? Нет, не осознали. Я позволю себе сослаться на то, как т. Карев в своей статье «Итоги работы и задачи в области исторического материализма» оценивает достижения и недочеты, которые имели место в этой дискуссии. Он говорит таким образом: «В области политической экономии, в имевшей место дискуссии философы наряду с защитой ряда теоретически правильных существенных положений допустили некоторые ошибки». Затем идет перечень того правильного, что было сделано в этой дискуссии, и между прочим указывается: «Правильно наряду с механистической опасностью была указана формалистическая, ведущая к идеализму опасность, правильно было выдвинуто марксистское понимание соотношения логического с историческим» и т. д.

Затем далее: «Неправильно было недостаточно резкое отмежевание от взглядов Рубина, недостаточная критика его, то, что его статьи без примечаний были напечатаны в журнале «ПЗМ», то, что вопросы экономи-

ческой дискуссии рассматривались изолированно от общих задач социалистического строительства». Я вас спрашиваю, товарищи, можно ли это считать признанием ошибок? Я думаю, что это надо считать не признанием ошибок, а замазыванием этих ошибок.

Голоса. Правильно.

Островитянов. Тов. Карев пишет, что «наряду с механистической опасностью была указана опасность формалистическая». Но как была указана формалистическая опасность? Ведь представителем философского руководства в нашей дискуссии выступал т. Карев, и когда он говорит о недостатках и достижениях, он говорит по существу о своем выступлении на этой дискуссии. Что же он говорил на той дискуссии? Удар был им направлен исключительно против механистов. А что т. Карев говорил о Рубине, что он говорил о формалистической опасности? Он говорил следующее: «Мне кажется, что, присматриваясь к тем спорам, которые сейчас ведутся в области политической экономии, мы не можем сказать, чтобы у нас были налицо готовые, до конца продуманные точки зрения. Мы можем говорить, как мне кажется, пока только о тенденциях. Конечно, с одной стороны, было бы совершенно неправильно думать, что в наших условиях невозможно появление такой тенденции, которая бы чисто формалистически стала понимать и диалектику развития категорий и диалектику развития экономических отношений. Вообще говоря, такая тенденция не исключена (разрядка наша—К. О.), она отчасти заносится к нам с Запада, отчасти может возникнуть в наших условиях». А дальше уже идет критика механистических концепций.

Итак, идет дискуссия по поводу доклада Рубина, которого мы теперь вместе с философами считаем представителем меньшевистской идеалистической концепции в области политической экономии. А т. Карев, выступая по этому докладу, посвящает формалистической опасности всего несколько слов о том, что вообще говоря в нашей обстановке не исключена возможность формалистической тенденции, которая отчасти заносится к нам с Запада, а отчасти может возникнуть в наших условиях. Разве можно понять, что тут речь идет о Рубине?

Далее есть еще одно только место в выступлении т. Карева, где он касается Рубина. Он говорит таким образом: «Несомненно, что к изучению диалектики категорий капитала мы только еще приступаем, что и в этой труднейшей работе особенно на первых порах возможно громадное количество ошибок. Я не хочу сказать, что все то, что по этой линии говорил Рубин, верно, но из тех задач, которые сейчас стоят перед марксизмом-ленинизмом, мне кажется, вытекает необходимость в первую голову приложить к изучению политэкономии метода материалистической диалектики, вытекает борьба против механистического ее понимания».

Вот все, что т. Карев сказал о Рубине.

И вот, подводя итоги этой дискуссии в статье, которая написана спустя год, в мае месяце к XVI партийному съезду, т. Карев все свои ошибки сводит только к недостаточно резкому отмежеванию от взглядов Рубина. Тов. Карев, у вас никакого отмежевания от взглядов Рубина не было в вашем выступлении. В «ПЗМ» вы печатали без всяких примечаний не только Рубина, но и всех представителей нашей группы. (Смех). Только мы сейчас открыто признаем наши ошибки, во всеулышание об этом заявляем, а вы замазываете допущенные вами ошибки. Когда т. Деборину во время его содоклада ставили в упор вопрос: да какие же в конце концов у вас были ошибки, он, досадливо отмах-

ваясь, говорил: «Ну, рубинщина была». (С м е х). Товарищи, недостаточно сказать, что были ошибки по отношению к рубинщине, нужно сказать, в чем заключаются эти ошибки. Это нужно говорить полным голосом, а не так, как это говорят Деборин и Карев.

Я хотел коснуться еще только одного вопроса—недооценки Ленина со стороны философского руководства. Опять-таки мы здесь видим, с одной стороны, замазывание допущенных ошибок, а с другой,—чрезвычайные шатания. Я думаю, что т. Деборин в своем заключительном слове не решился повторить того, что он говорил в своем докладе. Когда ему в упор был поставлен вопрос т. Милютиним о недооценке Ленина и была приведена цитата, где т. Деборин говорит относительно того, что у Плеханова преобладает еще созерцательный момент, а Ленину прежде всего революционер-практик, и т. д., он категорически отрицал какую бы то ни было недооценку, и наоборот всячески старался истолковать это место таким образом, что выходило, что не он (Деборин) недооценивал Ленина как теоретика, а что недооценивают Ленина все те, кто так толкует его фразу. После того как это место было подвергнуто основательному обстрелу на нашей дискуссии, выступает т. Новиков и со свойственным ему темпераментом доказывает, что оно неправильно, ошибочно и т. д. Между тем в последнем номере «ПЗМ» он с пеной у рта доказывал, что тут нет ничего неправильного.

С места. Вот это называется эклектикой.

Островитянов. Но, товарищи, при разрешении вопроса о том, оценивало ли философское руководство Ленина или недооценивало, помоему, мы не должны исходить из отдельных цитат. Я не решился бы определить, в какой мере сознательно философское руководство стояло на точке зрения недооценки Ленина. Но если мы посмотрим практику работы нашего философского руководства, то мы должны будем сказать, что эта практика доказывает весьма убедительно наличие такой недооценки и притом не только философского, а как правильно здесь говорили, всего наследия Ленина. В самом деле, мы уже вступили в такой этап социалистического строительства, который мы называем началом конца эпохи, а в области философии мы только еще начинаем ставить задачу разработки материалистической диалектики на «Капитале» Маркса и на наследии Ленина. Спрашивается, товарищи, а где же наши философы были в течение всех прежних этапов переходного периода, как это случилось, что большую часть переходного периода наши философы обходились без разработки диалектики на «Капитале» Маркса, без разработки богатейшего наследия Ленина? Поэтому, товарищи, я бы на месте представителей философского руководства не стал давать бой по отдельным цитатам, а для того, чтобы мобилизовать мнение всей нашей философской молодежи и самого философского руководства на ликвидацию этого наиболее опасного прорыва на философском фронте, открыто признался бы в недооценке Ленина.

Последнее замечание, когда т. Деборин говорил нам о том, что философское руководство уже совершило поворот, а Комакадемия до сих пор его еще не совершила, то тут было также отсутствие элементарной самокритики по отношению к работе наших философов. Конечно Комакадемия не совершила поворота. Но, товарищи, какой поворот совершило философское руководство после того, как им была написана резолюция о задачах на философском фронте. Экономисты поставили дискуссию в стенах Комакадемии о эпохе, а философы поставили дискуссию о производительных силах и производственных отношениях. Вот эти две дис-

куссии с необычайной яркостью показали всю глубину отрыва теории от практики социалистического строительства, который имеется в нашей теоретической работе. В то время как дискуссия по докладу Рубина происходила с таким азартом, что создавалось впечатление, что это не теоретическая дискуссия, а митинг, который решает вопрос о восстании, то на дискуссии о новом этапе мы видели скучающую публику, почти пустующую аудиторию и такой низкий уровень выступлений, что просто-напросто становилось стыдно за нашу работу. Такую же буквально картину являет собой дискуссия о производительных силах и производственных отношениях, поставленная философами. Как только философы, так же как и экономисты попытались подойти к конкретным проблемам советского хозяйства, так обнаружили свою полную несостоятельность. Я думаю, что философскому руководству, вместо того чтобы хвалиться несуществующими достижениями в отношении поворота, нужно изучить как следует этот факт и сделать из него соответствующие выводы.

Мне кажется, что вся та критика, которую мы сейчас направляем по адресу философского руководства, отнюдь не должна означать, что мы хотя в какой-нибудь степени недооцениваем той большой работы, которая им была проделана и в частности в борьбе с механистами.

Мы должны сказать, что методологическая линия, которую проводило философское руководство в борьбе с механистами, является в основном правильной. Мы должны со всей решительностью сказать, что механисты на нашей самокритике не найдут себе никакого капитала. Но вместе с тем мы не можем не сказать, что философское руководство не сумело встать на путь самокритики, не сумело осознать необходимости этой самокритики для поворота в области философии, совершило целый ряд теоретических ошибок, свидетельствующих о наличии у него идеалистических тенденций, обнаружило недооценку Ленина и отрыв от практики социалистического строительства. Если философское руководство не осознает всех допущенных им теоретических и политических ошибок, если оно не станет решительно на путь самокритики этих ошибок, то оно останется в состоянии изоляции от всей партийной ответственности, углубит эту изоляцию и не сумеет превратить философию в орудие социалистического строительства. (Аплодисменты).

Подволокчий. Товарищи! Решительное осуществление поворота во всей философской работе является центральной задачей всех философских учреждений и организаций, всех партийных философских кадров.

Необходимость поворота не вызывает никаких сомнений у философов-партийцев, работающих на этом фронте. Необходимость поворота не является вопросом спора. Суть наших разногласий заключается в понимании содержания поворота, в понимании задач философии в реконструктивный период.

Лозунг поворота во всей теоретической работе был выдвинут тов. Сталиным и Центральным комитетом нашей партии.

Необходимость поворота в теоретической работе диктуется новым этапом революции и тем отставанием теории от революционной практики, которое было характерно для всего теоретического в том числе и философского фронта.

Поворот имеет прежде всего политический характер.

Основное значение поворота заключается в актуализации, политизации всей философской работы. Марксистская философская мысль

должна быть орудием партии в деле строительства социализма, в самой решительной борьбе за генеральную линию партии. Необходимо сосредоточить внимание на разработке актуальных политических проблем, выдвигаемых нашей партией и Коминтерном, на исследовании новых общественных отношений и закономерностей, рождающихся в ходе социалистического строительства, на исследовании форм классовой борьбы в переходный и особенно в реконструктивный период. Необходимо во весь рост поставить разработку проблем исторического материализма в условиях реконструктивного периода. Применение материалистической диалектики к исследованию этих вопросов, выдвигаемых новым этапом революции, означает собою не поворот от разработки теории материалистической диалектики, как это рассматривают выступающие против нас товарищи, а напротив создает условия и выдвигает необходимость дальнейшей разработки теории материалистической диалектики на основе грандиозной по содержанию практической диалектики нашей революции и международного революционного движения пролетариата, и на этой основе—поворот в разработке самой теории материалистической диалектики, поднятие этой разработки на более высокую ступень.

В ходе осуществления поворота мы должны исправить те ошибки, которые были у философского фронта на прошлом этапе работы. Были ли эти ошибки? Да, был ряд больших ошибок.

Самым существенным, основным, определяющим все остальное, является сильное отставание философской работы от задач социалистического строительства, известный отрыв разработки теории диалектики от исследования конкретных проблем переходного периода, вопросов практики социалистического строительства, а также совершенно недостаточная разработка ленинского наследства. Важнейшей задачей является разработка ленинского наследства, теснейшая увязка разработки теории материалистической диалектики с исследованием актуальных проблем социалистического строительства. Тяжелой политической ошибкой является почти полное отсутствие работы по разоблачению методологических корней троцкизма. Мы должны были тем более разоблачать методологические основы троцкизма, что среди руководящих философских кадров мы имели товарищей, активно участвовавших в троцкистско-зиновьевской оппозиции, и что отражение этой политической позиции имело место в их теоретических работах. Тов. Карев здесь уж говорил о такой троцкистской ошибке в его работе (положение об одном основном классе в переходный период).

Тов. Островитянов остановился здесь еще на одной ошибке философского фронта—на ошибке в рублинской дискуссии. Мы ни в малейшей мере не думаем замазывать тот факт, что философы совершили в этом вопросе теоретическую и грубую политическую ошибку. Мы не дали полной квалификации методу Рубина, не вскрыли классового характера рублинщины, не выпятили всей ее опасности, не увязали критику рублинщины с задачами социалистического строительства. При этом ошибкой «ПЗМ» было то, что он помещал статьи Рубина и его сторонников без примечаний, беря тем ответственность за взгляды Рубина.

Но т. Островитянов был неправ, когда он здесь пытался отождествить нашу позицию в этой дискуссии с позицией рублинцев.

С места. Одна и та же.

Подволоцкий. Достаточно указать хотя бы на следующие важнейшие положения, чтобы заметить разницу наших позиций.

Первое: мы были единственными, которые в этой дискуссии защищали точку зрения Маркса-Энгельса-Ленина на предмет политической экономии.

С места. Правильно!

Второе: мы дали правильную постановку вопроса о соотношении логического и исторического, давая тем правильную установку в методологии политической экономии.

Третье: и рублинцы и бессоновцы разрывали производственные силы и производственные отношения... И против тех и против других мы защищали марксистско-ленинское понимание диалектической связи производительных сил и производственных отношений.

С места. Правильно!

Вместе с тем мы подчеркиваем наши ошибки в этом деле, чтобы вскрыть до дна методологию рублинщины. Это особенно необходимо сделать в связи с борьбой против формализма.

Я хотел бы остановиться еще на других недостатках нашей работы. Нужно прямо сказать, что в научной работе во всех областях сохранился самый скверный индивидуализм и связанные с этим рабски медленные темпы работы. Отказались ли мы от индивидуализма в работе, перешли ли мы к коллективным формам работы, преодолели ли мы эти рабски медленные темпы и расхлябанность, так характерные для всей теоретической работы? Нужно прямо сказать: Нет.

С места. Правильно!

Нужно в полной мере перестроить формы и методы нашей работы, перейти к коллективной работе, ввести социалистическое соревнование, мобилизовать все силы, организовать и стать во главе активности масс, добиться большевистских темпов в работе.

Необходимо также совершенно четко подчеркнуть, что в нашей работе не была развернута самокритика.

С места. Это против Деборина.

Подволоцкий. Об этом мы заявили в «ПЗМ». Недостаточное развертывание самокритики является одной из причин отставания нашей работы, недостаточно быстрого осуществления поворота.

Наконец последнее в этой связи: мы имеем недостаточно быстрое осуществление поворота на деле, недостаточно быструю перестройку рядов. Это необходимо признать...

С места. Правильно!

Подволоцкий... чтобы энергичнее проводить практическое осуществление поворота во всей философской работе.

Тут пытались изобразить дело так, что мы не то против поворота, не то сопротивляемся ему. Это неверно. Поворот в работе был намечен при нашем активном участии.

Сразу же после решения фракций Института философии и ОБМД о повороте, мы стали перестраиваться на ходу. Решение фракции было в конце апреля. И уже в мае и начале июня нами было поставлено пять докладов, отражающих этот поворот в работе: 1) Дискуссия о производительных силах и производственных отношениях в реконструктивный период; 2) доклад о ленинском философском наследстве (о «XII Ленинском сборнике»); 3) доклад о методологии троцкизма; 4) доклад о фашизме; 5) доклад о Лосеве. Кроме того было напечатано несколько статей на актуальные темы в «ПЗМ». Наконец, кампания по борьбе против теоретических основ правого уклона свидетельствует также об известном повороте в нашей работе.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ

Содержание дальнейшего осуществления поворота отражено в плане работы Института философии на 1930 и 1931 гг. Основное внимание в своей работе Институт философии сосредоточил: 1) на разработке ленинского наследия, 2) на разработке проблем исторического материализма, проблем переходного периода вообще и реконструктивного периода в особенности, 3) на критике ревизионизма и критике оппортунистических уклонов от ленинизма.

Мы всерьез беремся за практическое осуществление поворота в нашей работе. План работы Института философии—это по существу план осуществления поворота на деле.

Лозунг поворота есть лозунг дальнейшего развития теории. Поворот к разработке актуальных проблем не означает и не может означать ограничения задач теории или сведения ее к прагматизму. Напротив он означает необходимость самого мощного развития теории на основе революционной практики, в том числе и дальнейшей разработки теории материалистической диалектики на основе всего материала, который дает наша эпоха.

Новая эпоха выдвигает громадные требования к теоретической мысли во всех областях знания.

Реконструкция производственных отношений означает создание новой общественно-экономической формации. Это выдвигает перед нами ряд новых проблем в области исторического материализма и в области общественнознания вообще.

Рост социализма, создание новой социалистической общественно-экономической формации коренным образом изменяют самый характер общественных противоречий. В классовых общественно-экономических формациях основное противоречие имело характер антагонизма между классами. С уничтожением классов уничтожается антагонистская форма противоречий общественного развития. Это гениально указано Лениным в его заметках на «Экономику переходного периода» Бухарина. Перед историческим материализмом и перед теорией диалектики выдвигается серьезнейшая задача: дать теоретическое исследование этой новой формы противоречия. Без понимания смысла неантагонистической формы противоречия нельзя понять новых возникающих закономерностей, новых общественных связей и самого процесса их развития.

Далее, социализм дает новую форму, новые законы и темпы движения производительных сил, новое соотношение между производителями и средствами производства. Социализм создает новый тип производительных сил. Правильное руководство развитием нашего хозяйства возможно только при ясном знании этих законов, перспектив развития, при предвидении этого типа производительных сил, который должен создать социализм. Споры о типе предприятий у нас ставят по существу эти вопросы. Старые специалисты чаще всего ограничиваются здесь масштабами и формами, свойственными капитализму. Эти вопросы встанут еще более остро перед нами с дальнейшими успехами социализма. Теоретическая их разработка должна быть поставлена сейчас же.

Социализм означает иной характер развития и воспроизводства самих производственных отношений, иные их закономерности. Серьезнейшей задачей является исследование смены общественных закономерностей, отмирания капиталистических закономерностей и рождение социалистических. Вместе с тем изменяется соотношение между различными моментами общественных отношений.

Изменяется соотношение между индивидом и обществом, изменяется

характер соотношения свободы и необходимости. Он будет иным, чем в капиталистическом обществе, где человек не управлял сознательно своими общественными отношениями. Мы будем иметь при коммунизме иную связь надстроек: отмирают такие надстройки как политическая и юридическая, отмирает ряд идеологий (религия, идеалистическая философия, юридические и некоторые другие науки). Изменяется роль различных надстроек и характер связи надстроек с базисом. Уничтожение классов, отмирание государства, права, отмирание разделения труда, в том числе разделения между умственным и физическим трудом—создают более непосредственную связь между базисом и идеологическими надстройками и увеличивают роль идеологических надстроек. Вместе с тем все это ведет к перестройке различных форм идеологии (наук, искусства).

Нарождаются новые отрасли наук (например наука планирования), отмирает ряд прежних наук (например юридические науки), предстоит «реконструкция» наук.

Например такие науки, как политическая экономия, должны дать исследование экономики новой общественной формации, политическая экономия, исследовавшая экономику капитализма, все больше будет становиться достоянием прошлого.

Исторический материализм не должен плестись в хвосте, он должен предвидеть и отразить эти тенденции изменения различных общественных связей в своих категориях. Только тогда он даст руководящую нить для теоретической работы общественных наук. В области исторического материализма предстоит таким образом колоссальная работа. Не меньшая работа предстоит и в области разработки диалектики естествознания.

Реконструкция производительных сил выдвигает необходимость «реконструкции» современного естествознания, критической его переработки и философского его обоснования. Тов. Милютин изобразил наши задачи в области естествознания очень просто: нужно-де брать из естествознания то, что относится к диалектическому материализму и остальное выбрасывать. Но это не так просто, тов. Милютин. Кризис современного естествознания является оборотной стороной его роста и прогресса. Здесь нам предстоит критическая переработка всего современного естествознания, предстоит, да позволено будет так выразиться, методологический переворот в естествознании, подчинение естествознания методологическому руководству марксизма—и на этой основе дальнейшее развитие естествознания. Именно эту задачу выдвигал Ленин. Без выполнения ее мы не сможем в полной мере поставить естествознание на службу социалистическому строительству. Это является поэтому актуальнейшей проблемой. Можно отметить, как несомненный факт, что «реконструкция» естествознания, подчинение его методологическому руководству марксизма отстают от реконструкции производительных сил.

Современная эпоха предъявляет к науке такие требования, какие не предъявляла еще ни одна эпоха. Рост планового сознательного руководства общественными отношениями, перестройка всех общественных отношений выдвигает необходимость громадного развития общественных наук. Реконструкция производительных сил, несравненно более высокие темпы их развития, чем при капитализме, предъявляют громадные требования к естествознанию.

Сознательное руководство процессом производства и общественными

отношениями ведет к синтезу общественных и естественных наук, о котором говорил Маркс.

Мы проводим культурную революцию во всех областях знания. Культурная революция не означает только распространение знания, просвещения. Она означает вместе с тем коренную перестройку всей предшествующей культуры. Создание социализма невозможно без победы марксистского мировоззрения над буржуазным. Развернутое социалистическое наступление по всему фронту требует развернутого наступления марксизма против всех форм буржуазной идеологии.

Смена феодализма капитализмом сопровождалась в свое время целой революцией в области идеологии, переворотом в мировоззрении и методе, отмиранием схоластики, рождением новых наук. Смена капитализма социализмом сопровождается культурной революцией, сменой мировоззрения, методологическим переворотом в естествознании, отмиранием ряда форм идеологии, перестройкой наук, созданием новых отраслей наук. Открывается гигантский рост научного знания на основе диалектического материализма.

Культурная революция предполагает борьбу против всех форм буржуазной идеологии, смену буржуазного мировоззрения марксистским. Буржуазия имеет громадные кадры ученых, специалистов во всех областях знания, она использует все науки и другие формы идеологии в своих классовых целях. Идеологи буржуазно-кулацкой контрреволюции ведут борьбу против пролетариата и под прикрытием научного знания. Наряду с экономической и политической происходит грандиозная теоретическая классовая борьба, в том числе и философская борьба, разумеется подчиненная задачам политической борьбы пролетариата.

Борьба против буржуазного мировоззрения, борьба за марксизм является одной из актуальнейших задач классовой борьбы пролетариата. Борьба за марксизм означает также борьбу с ревизионизмом, борьбу со всякими колебаниями и отступлениями от марксизма-ленинизма.

Со стороны выступавших здесь против нас товарищей мы имеем непонимание теоретической формы классовой борьбы. Здесь пренебрежительно отнеслись к проблеме времени и пространства. Но это выявляет как раз забвение теоретической формы классовой борьбы. Попробуйте обойтись без разработки проблемы времени и пространства в борьбе с идеализмом, особенно с идеализмом в естествознании (вспомнить хотя бы теорию относительности). По внешности «революционно»: по-боку время и пространство, займемся только более актуальными проблемами, а на деле—это сдача позиций в области теории. Не даром Ленин с особой силой подчеркивал, что без философского обоснования естествознания мы не выдержим борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания.

Особенно ясно выявляется у этих товарищей непонимание актуальности философской борьбы, непонимание того, что философская борьба является одной из форм классовой борьбы и неразрывно связана с политикой. Ленин в споре с Потресовым, который считал пустяками чисто философскую борьбу, разъяснил, что философский спор о том, «что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклоны от него», всегда связан с политикой. Ленин поэтому с особой силой подчеркивал партийность в философии. Философская борьба отражает классовую борьбу и сама является одним из ее

моментов. Диалектический материализм—это партийная философия пролетариата, являющаяся вместе с тем объективно истинной философией.

Вскрытие с помощью диалектического материализма неправильности философских корней идеологии буржуазии, ревизионизма, уклонов от ленинизма—эта борьба в философии есть партийная борьба. Наша политика неразрывно связана с философскими основами марксизма. Все уклоны от ленинизма имеют иную методологическую базу. Наша философия партийна. Партийность философии означает борьбу за генеральную линию партии.

Поэтому необходимо бороться против недооценки философии и философской борьбы, которая имеется у выступающих против нас товарищей. Сколько бы они ни говорили о партийности философии, они не понимают всего значения для партии философии, теоретической борьбы за марксизм и марксистскую философию.

Поэтому у них нет полного отчета в том громадном, прямо скажу, политическом значении, которое имеет теперь разработка теории материалистической диалектики как философской науки, по выражению Ленина. Разработка актуальных проблем социалистического строительства у них устраняет разработку теории диалектики.

Между тем как раз наоборот: те грандиозные задачи, которые стоят перед нами в области разработки актуальных проблем, та огромная работа в области общественнознания и естествознания, о которой я говорил, культурная революция и классовая борьба выдвигают громадную роль материалистической диалектики и дают колоссальный материал для ее дальнейшей разработки. Исследование конкретных актуальных проблем социалистического строительства и разработка теории материалистической диалектики—это два момента одной задачи.

Огромная роль метода обусловлена тем, что перед нами стоит задача осмыслить тот грандиозный поворот культуры, который теперь совершается, что он должен дать руководящую нить, методологическую основу в «реконструкции» всего научного знания.

Но чтобы выполнить эту задачу, материалистическая диалектика сама должна быть разработана на основе всего материала, который дает наша эпоха, на основе тех новых связей, которые даются общественнознанием и естествознанием, всем поворотом во всех областях знания и «реконструкцией» наук. Теория диалектики должна «схватить в мысли» новую эпоху, дать синтез всего знания и революционной практики нашей эпохи, теоретически отразить в категориях новые формы связей и тем самым подняться на более высокую ступень.

Имеются попытки представить дело так, что разработка теории материалистической диалектики как философской науки есть формалистическое занятие, оторванное от актуальных проблем современности. Это глубоко ошибочный взгляд. Разработка актуальных проблем возможна только на основе применения теории диалектики, и сама теория материалистической диалектики может быть разработана лишь как синтез всего знания и революционной практики нашей эпохи.

Маркс критически переработал все, что было создано человеческой мыслью, обобщил весь опыт революционной практики, синтезировал весь огромный материал своей эпохи и на этой основе создал новое мировоззрение, новую философию. Дальнейшим развитием этого мировоззрения, марксизмом, дающим теоретический охват новой эпохи, является ленинизм. Новый этап всемирно-исторического развития: эпо-

ха империализма и пролетарских революций, социалистическое строительство, развитие марксистского общественнознания, осмысливание новой фазы в развитии естествознания получают свой теоретический охват в ленинизме. Плеханов не понял новой эпохи. Ленин осмыслил новую эпоху. Он создал новую высшую стадию в развитии марксизма.

Ленинские философские тетрадки—эпоха в философии. Весь ленинизм является действительным синтезом нашей эпохи, создает эпоху во всей науке, во всем строе нашей мысли.

Чтобы действительно понять ленинскую диалектику, чтобы понять ленинизм в философии и философскую основу в ленинизме, нужно охватить ленинизм в целом, охватить новую эпоху во всем ее богатстве. И чтобы понять ленинизм, охватить новую эпоху, нужно понять ленинскую диалектику, являющуюся основой ленинизма. Разработать ленинскую диалектику—это значит разработать теорию материалистической диалектики.

Ленин гениально указал, что разработка теории материалистической диалектики как «философской науки» является центральной задачей. Разработка ленинской диалектики, разработка теории материалистической диалектики является основной нашей задачей. Выступающие против нас товарищи не поняли этой задачи, они недооценивают философскую основу ленинизма. Они пытались, основываясь на ряде неправильных положений, имеющих у т. Деборина, доказать, что мы недооцениваем значение Ленина как философа, что мы только после недавних статей тт. Митина и Ральцевича поняли, что Ленин дает новую, более высокую ступень в философии марксизма. Это неверно. Здесь уже приводилось положение т. Деборина о том, что Ленин поднимает диалектический материализм на новую ступень. Я приведу еще лишь два места с общей оценкой значения Ленина как философа. Вот, что я писал два года назад в статьях, посвященных ленинскому философскому наследству: «Ленин не только указал на значение марксистской философии, но сам был мощным мыслителем-философом, поднявшим философию марксизма на более высокую ступень. Ленин с особенной силой выдвинул методологическое значение марксистской философии, поставил в центре внимания материалистическую диалектику... Ленинское понимание материалистической диалектики, ее основных законов (особенно закона единства противоположностей) и их связей—составляет новую ступень в развитии диалектического материализма». Год тому назад, открывая по поручению правления Института философии работу института и обобщая годичный план его работы, я говорил: «Ленин дает глубочайшую постановку основных проблем материалистической диалектики, поднимая материалистическую диалектику на новую, высшую ступень». Эта роль Ленина в философии марксизма была ясна.

На эту роль Ленина в философии мы имели прямое указание тов. Сталина, относящееся к 1924 году, еще задолго до опубликования ленинских конспектов «Науки логики» Гегеля. «Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории,—пишет тов. Сталин,—следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым

новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи». И после этого т. Митин уверяет, что он 8 августа 1930 г. «открыл», что Ленин был философ!

На деле же у Митина и у ряда других товарищей, в том числе и у т. Милютина, имеется полная недооценка философской основы ленинизма, отсутствие ленинского понимания философии. Они поступают правильно, когда подчеркивают необходимость разработки актуальных проблем, но они не понимают, что как раз разработка этих проблем выдвигает во весь рост задачу разработки ленинского философского наследства, разработки теории материалистической диалектики как философской науки. Вопрос о разработке теории материалистической диалектики как философской науки или выпадает из их статей и речей (выпал он и в тезисах т. Милютина), или на нем не заостряется внимание, он не выдвигается как центральная задача, стоящая перед философами-марксистами. Все дело сводится к исследованию частных вопросов. Они нас упрекали в «недооценке» Ленина и «переоценке» Плеханова. Но они сами уходят от Ленина к Плеханову. Ленин упрекал Плеханова как раз за то, что он свел диалектику к сумме примеров и не дал постановки теории материалистической диалектики как философской науки. Этот упрек Ленина относится и к ним.

Непонимание теории диалектики как философской науки сквозит во всей их позиции, во всех тезисах т. Милютина. Это выявляется в частности в непонимании соотношения между философией и конкретными науками, в непонимании задач философии, того, чем должна заниматься философия.

Тов. Милютин в своих тезисах предлагает философии заменить и подменить собою все конкретные науки. Он упрекает философов за то, что они не разработали тех проблем, которые должны были разрабатывать, но до сих пор не разрабатывают, экономисты, аграрники и пр. На философов возлагается ответственность за прорывы в работе Экономического, Аграрного и других институтов. Философов т. Милютин освобождает только... от разработки теории материалистической диалектики. Если бы мы пошли по пути, указанному т. Милютиним, мы превратили бы марксистскую философию в сумму выводов отдельных наук,—что и предлагали сделать механисты,—превратили бы философию в своеобразную науку наук.

Философия должна строить свои выводы, исходя из точного знания всего, что дают конкретные науки. Но философия должна синтезировать итоги работ других наук, а не заменять их. Равным образом конкретные науки могут требовать от философов разработки общей методологии и участия в разработке конкретного метода их науки, но они не могут требовать, чтобы философы заменили их в конкретном научном исследовании, собирании материалов и т. п. Это должны делать конкретные науки.

У товарищей нет понимания, что философия есть самостоятельная наука, у которой есть свой предмет. В этом вопросе они отходят от ленинского понимания философии. Отход от ленинских взглядов называется и в непонимании диалектики как теории познания, в непони-

мации необходимости разрабатывать диалектику на основе исследования всей истории человеческого знания, истории философии и т. д. Ленин, ставя вопрос о диалектике как теории познания, имел в виду, что порядок категории диалектики должен отражать исторические ступени развития познания, и что поэтому разработка категорий материалистической диалектики должна проводиться на основе исследования истории форм познания, истории наук, истории философии и т. д. Вместе с тем, объясняя развитие познания, историческую смену ступеней и форм познания из развития и смены общественных отношений, развития производительных сил, развития общественной практики, кладя практику как основу теории познания, Ленин выдвигает изучение истории познания на базе истории всего общественного развития, развития производительных сил. Он теснейшим образом увязывает теорию познания и исторический материализм. Подводя широчайший базис под разработку теории материалистической диалектики, Ленин пишет: продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке человеческой мысли, науки и техники. Правильно делая ударение на том, что к разработке теории диалектики необходимо привлечь весь колоссальный материал той практической диалектики, которой так богата наша революция, мы вместе с тем не должны забывать этого ленинского указания о привлечении к разработке диалектики всей истории мысли, науки и техники. Этого как раз и не понимают выступающие против нас товарищи. Они сужают ту основу, на которой должна разрабатываться теория материалистической диалектики. В этом мы имеем непонимание ленинской постановки вопроса о диалектике как теории познания, непонимание теории материалистической диалектики как философской науки. Здесь, если угодно, мы также имеем отход от Ленина к Плеханову.

Таким образом основной недостаток позиции гг. Митина, Ральцевича и др. заключается в том, что они оставляют в тени задачу разработки теории материалистической диалектики как философской науки, которую Ленин выдвигал как основную задачу философов-марксистов. Не понимая, что как раз поворот к разработке актуальных проблем, те колоссальные задачи, которые стоят перед нами в области теории, ставят во весь рост необходимость и создают возможность дальнейшей разработки материалистической диалектики. Они подняли этот поворот как поворот от разработки теории диалектики, встали на точку зрения эмпиризма. Но отказ от разработки теории диалектики приведет к невозможности серьезной разработки актуальных проблем, приведет к срыву поворота.

В проведении поворота мы сталкиваемся с неправильным его пониманием. Механисты остаются основной опасностью в наших рядах. Одной из форм механистического влияния являются эмпирические, можно сказать, прагматические тенденции, имеющиеся у отдельных товарищей. Отдельные товарищи не поняли, что поворот означает поворот к громадной творческой разработке нашей теории на основе революционной практики, на основе разработки актуальных проблем, выдвигаемых новым этапом революции. Они решили, что поворот ведет к сужению задач теории, к возможности отказаться от разработки таких «абстрактных» наук, как теория материалистической диалектики.

Недооценка разработки теории материалистической диалектики, недооценка теоретической классовой борьбы и в том числе философской

борьбы, является одной из форм эмпиризма. Против этого необходимо вести борьбу.

С другой стороны мы имеем фронт формализма, ведущего к отрицанию необходимости всякого поворота.

Формализм отрывает разработку теории диалектики от конкретной действительности. Если эмпиризм ведет к отрыву особенного от всеобщего, то формализм отрывает всеобщее от особенного и тем подменяет конкретное всеобщее абстрактным всеобщим. Формализм означает отрыв разработки теории диалектики от разработки актуальных проблем социалистического строительства. Необходимость борьбы против формализма была выдвинута ОВМД и Институтом философии. Еще в 1929 году, выступая по поручению правления Института философии, я прямо говорил, что у нас мы имеем опасность формализма, являющуюся теперь очень серьезной опасностью». Об этом же говорил т. Карев на заседании правления ОВМД, когда в феврале 1930 г. был поставлен вопрос о повороте. Об этом говорили и другие товарищи.

Формализм, отрыв диалектики от конкретной действительности ведет к вульгарному эмпиризму в разработке этих конкретных проблем и обратно—вульгарно эмпирическое, оторванное от разработки диалектики исследование конкретных проблем ведет к формалистическому пониманию категорий диалектики.

На основе разработки актуальных проблем, выдвигаемых нашей эпохой, нам предстоит громадная работа по разработке теории материалистической диалектики. К сожалению, мы имеем такие выступления, которые вынуждают доказывать здесь актуальность разработки теории диалектики.

Здесь т. Деборин уже говорил о новых проблемах диалектики, выдвинутых Лениным: как различие между антагонистической и неантагонистической формой противоречия, о спиралевидной форме движения и пр. Тов. Разумовский здесь пронизировал над этими проблемами, не сознавая видимо, что без разработки этих проблем нельзя будет всерьез разрабатывать проблем исторического материализма. Время мое уже давно истекло. Поэтому уже заканчивая, я лишь перечислю некоторые проблемы диалектики, которые мы должны разработать. Прежде всего проблема единства противоположностей. Я уже говорил о всей важности исследования неантагонистической формы противоречия, выдвинутой Лениным. Громздное значение имеет для разработки теории диалектики исследование противоречий современного империализма, развитых тов. Сталиным в политическом отчете ЦК, противоречий развития советской экономики и т. п.

Проблема возможности и действительности, выдвинутая тов. Сталиным, должна быть всесторонне разработана на конкретном материале нашей эпохи, на материале строительства социализма в нашей стране и сама будет служить глубокой разработкой этих проблем.

Категории формы содержания имеют огромное значение для понимания проблем политической экономики и при изучении общественно-экономической формации, при изучении смены форм и переделки содержания в переходный период и т. д.

Категории причинности, закона и др. играют огромную роль при исследовании зарождения новых закономерностей в нашу эпоху и при разработке диалектики естествознания (ибо в современном естествознании проблема связи, проблема причинности стала основой про-

блемой в связи с кризисом современного естествознания, с усилением течений индетерминизма). Причинность и целесообразность, свобода и необходимость — разработка этих проблем имеет огромное значение для исследования закономерности нашей экономики.

И такая проблема, как проблема конкретного понятия имеет теперь огромное значение. Это видно даже по нашим спорам, в которых вопрос о соотношении всеобщего и особенного, абстрактного и конкретного, играет большую роль.

Я заканчиваю. Наша дискуссия показывает тот положительный факт, что массы партийцев глубоко интересуются философией, резко ставят вопрос о повороте, об актуализации философской работы, о развертывании самокритики и развертывают самокритику. Необходимо создать все условия для развития самокритики как постоянного метода нашей работы, необходимо, чтобы самокритике были подвергнуты существеннейшие вопросы нашей теоретической работы. Активность партийных масс является залогом, что это будет сделано. Вместе с тем в процессе развертывания самокритики мы должны преодолеть как отставание теории от задач социалистического строительства, так и те ошибки, ту недооценку теории диалектики, те эмпирические тенденции, которые имеются у отдельных товарищей.

Керженцев. Товарищи, дискуссия по философии, которая сейчас развернулась, имеет то характерное отличие от других дискуссий, что в ней принимают значительное участие товарищи, которые специально в области философии не работают. Эта особенность показывает не только то, что проблемы философии, сейчас diskutируемые, являются проблемами, которые затрагивают все области науки, но это показывает также и то, что товарищи, работающие в других областях, члены партии, занятые в той или иной работе на теоретическом фронте, чувствуют определенное беспокойство за то положение, которое на философском фронте создается. Это положение характеризуется в первую очередь тем, что здесь мы особенно ярко видим тот отрыв науки от политических задач, стоящих перед партией, который испытывают и некоторые другие дисциплины в большей или меньшей мере. Вот это политическое обстоятельство, эта политическая причина и заставляет целый ряд товарищей, которые специально в области философии не работают, выступать здесь или в печати для того, чтобы выправить линию на этом ответственном участке.

Какое отношение мы видим со стороны товарищей, которые работают на философском фронте к этой дискуссии, которая сугубо окрашена политическими тонами? Это отношение очень выразительно сформулировал сам докладчик т. Деборин, который сказал, что начавшаяся дискуссия и в частности доклад т. Милютина являются «отрицанием всякой теоретической мысли». Это выражение т. Деборина было употреблено по отношению к докладу т. Милютина и по отношению к тем тезисам, которые были выставлены от лица президиума Комакадемии в начале этой дискуссии. Тов. Деборин выражает опасения, что «внезапные рецидивы механистические, рецидивы ползучего эмпиризма, рецидивы отрицания теории» и добавляет, что он не думал, что эти рецидивы так быстро обнаружатся, что это опасение так скоро подтвердится, разумея начавшуюся дискуссию в Комакадемии. Таково отношение руководителя нашего философского ин-та и философского ин-та ИКП к тем

политическим проблемам, которые стали на фронте философии. Он опасается, что здесь разрушается теория, что инициатива, которую президиум Комакадемии проявил, является походом на теорию. Если мы вспомним те высказывания, которые здесь были со стороны товарищей Стена, Карева, включая и моего предшественника на этой трибуне, т. Подволоцкого, то увидим, что они в той или иной мере повторяют эти же опасения. Они все рассматривают дискуссию, которая шла в «Правде», в «Большевике» и которая сейчас ведется здесь, как нечто, что угрожает теории. Подволоцкий только что говорил, что грозит недооценка теории. Тов. Стен повторяет, что те формулировки, которые здесь оглашены, означают ликвидацию теории, он говорит: «Существует только политика, существует только экономическая борьба и упускается из виду теория». Не правда ли, — формулировка, несколько напоминающая другую формулировку, касающуюся заплеиснения теоретических мозгов партии? Вы видите таким образом, что отклики, которые мы имеем со стороны товарищей на философском фронте, сводятся к тому, что выпрямление политической линии в их глазах означает разрушение теории, угрозу теоретическому фронту.

Тов. Карев говорит, что в дискуссии наблюдается общая болтовня, а нужно ставить конкретные вопросы такие-то, такие-то и такие-то. Совершенно правильно, надо ставить целый ряд вопросов, но общая оценка т. Карева чрезвычайно показательна, чрезвычайно типична. И мне невольно хочется сопоставить это выражение т. Карева, сказанное два дня назад, с обзором печати в «Правде». В сегодняшнем номере «Правда» касается закавказской печати, отношения части закавказской печати к воззванию ЦК от 3 сентября. Вы вероятно читали обзор печати, имеющий большое политическое значение, вы знаете, что «Заря Востока» считает, что проработка обращения ЦК должна пойти по руслу конкретных практических дел, и никаких общих проблем ставить не следует, что следует ставить лишь конкретные вопросы, а не заниматься, как т. Карев тут выразился, общими разговорами или общей болтовней.

С места. Какая тут связь?

Керженцев. Тут связь имеется теснейшая, потому что если вы вспомните этот обзор печати в «Правде», то вспомните, что «Правда» добавляет от себя; она говорит: «Обращение ЦК предлагает конечно конкретные задачи, понятно, их нужно ставить. Ни в коем случае нельзя отделяться общими решениями, но не надо выхолащивать всего ленинского большевистского нутра из обращения. А это ленинское большевистское нутро касается борьбы на два фронта, борьбы с оппортунизмом и тех основных политических задач, которые стоят в данном случае на фронте промышленности». Совершенно понятна аналогия с выступлением т. Карева (это не только Карев заявил), который говорил, что, дескать, вы ставите общие какие-то вопросы, общие политические вопросы, которые якобы загружают основные, настоящие, конкретные, нужные нам вопросы, даете общие формулировки и тем самым грозите теории. Такого рода позиция, такого рода формулировка означают по существу отклонение от тех политических задач, которые стоят на теоретическом фронте, задачи политической борьбы на два фронта.

Теперь дальше. Тов. Деборин и опять-таки целый ряд других товарищей говорят, что в выступлении т. Милютина, в выступлении других товарищей даны плохие, неточные формулировки, что товарищи неспециалисты в философии, что они хотят их учить. Вот этакий высокомерный тон! Конечно неточные формулировки были высказаны с этой трибуны

целым рядом товарищей. Но не в этом же суть. Суть не в отдельных неточных формулировках, суть в том политическом повороте, который требуется от философского фронта, как и от других фронтов, суть в том повороте, о котором Сталин говорил десять месяцев назад. К сожалению, ни на одном теоретическом фронте, а на философском больше чем на каком-либо другом, поворота, намечавшегося Сталиным, еще не произошло. В этом дело. И вот т. Стэн создает некоторую свою теорию, — он говорит, что товарищи очень часто отказываются спорить по существу, заявляя, что «у нас не теоретические разногласия, а разногласия». Это они считают каким-то колоссальным минусом, какой-то попыткой якобы существо дела закрыть несущественными фразами. На самом деле, что означает такое заявление т. Стэна? Оно означает именно уход от политических задач, стоящих перед философами, под предлогом того, что «дайте нам какие-то конкретные задачи, а вы говорите о том, что мы должны повернуть к политике и превратить философию в орудие классовой борьбы». Вот что означает позиция т. Стэна. Она означает замаскированный уход в той или иной форме от политических задач, которые стоят сейчас перед товарищами. Характерно его дальнейшее заявление. Он приводит всем известную цитату из Ленина о трех формах классовой борьбы пролетариата. И какие выводы он отсюда делает? Он совершенно схоластически рассматривает все эти три формы и хочет создать для чистых теоретиков специальное такое место, дать специальные функции. «Мы-де занимаемся только теорией, и наша теоретическая работа является тем самым работой на политическом фронте». Это не так, товарищи. Мы знаем, что в нашей обстановке сейчас это особенно сказывается, что теорию марксизма создают сейчас может быть гораздо менее, к сожалению, в наших научно-исследовательских учреждениях, а гораздо более в той практике классовой борьбы социалистического строительства, которое наша теория еще охватить не может.

С места. Правильно.

Керженцев. Вот в чем дело. Скажем, МТС, колхозное строительство, совхозное строительство, социалистическое соревнование — разве они кем-нибудь достаточно научно оформляются? Массовая борьба пролетариата в разных новых формах дает сейчас колоссальнейшее обогащение нашей теории. Этого т. Стэн никак не хочет признать. Он, резко расходясь с марксизмом и ленинизмом, считает, что теоретик есть теоретик чистой воды, который имеет специальные функции теоретические и который органической увязки непосредственно с классовой борьбой, с пролетариатом не имеет. Он занимается теорией и тем самым выполняет политическую функцию. Это неверно. Только тесная увязка теоретической работы и отдельных теоретиков с ежедневной, повседневной борьбой пролетариата, с партией, с такой увязкой создает и теоретиков ленинизма и создает действительных практиков, борцов в партии пролетариата. Тов. Стэн своими формулировками хочет создать особое привилегированное положение для теоретиков, отрывая теорию от политики и экономики, и дает совершенно неверную, ложную, лемарксистскую формулировку этого вопроса.

Тов. Карев и тот же т. Стэн выдвигают еще такое положение (и т. Подволоцкий его повторил; все три-четыре основных оратора повторяют друг друга, только одни дипломатичнее, другие более открыто, одни заплетаясь, другие более быстро): «Вы нас хотите заставить сделаться специалистами во всех областях». Тов. Подволоцкий твердит, что

мы же не можем быть специалистами во всех областях. Мы занимаемся только специальной философией, диалектика есть самостоятельная наука и пр. Прекрасно. Никто вас не заставляет сделаться специалистами во всех областях. Из этого путного ничего не выйдет.

Но о чем идет речь? Речь идет о том, чтобы философская работа шла на почве определенных, конкретных научных дисциплин, чтобы вы ушли конкретный опыт практической работы в той или иной научной области и заставили своих философов теснее увязаться с этими областями. Вот в чем дело. А этого нет, потому что вы к сожалению занимались до последних дней преимущественно чистой философией, чуждой конкретного материала, вот в чем дело. И этот упрек вам бросают.

Тов. Карев говорил еще, что дискуссия — «накладные расходы», что надо скорее к конкретным задачам и пр. и пр. Но, дорогие товарищи, конечно дискуссия — накладные расходы, это всем известно. Но отчего эти накладные расходы происходят? Ведь если бы тот поворот, о котором говорил т. Стэн, товарищи-философы совершили десять или восемь месяцев назад, этих накладных расходов не было бы. Но раз повороты у вас совершаются так медленно, что они только начинаются, начинаются весной, начинаются и летом, и сейчас мы говорим, что только начинаются, то тогда и получаются накладные расходы. Если вы так медленно повертываетесь и так медленно начинаете усваивать те задачи, которые нам нужно конкретно сейчас в области теории проводить, вот и получаются накладные расходы, и от этого возникает дискуссия, которая с большими дополнительными расходами должна направить вас как-то на те рельсы, на которых партия считает правильным поставить вашу теоретическую работу.

Теперь последнее. Тов. Карев бросил нам еще такое проницательное обвинение, что вы заставляете нас заниматься разными конкретными задачами, конкретными проблемами разными, хотите заставить нас быть специалистами во всех областях. Вы хотите, чтобы мы занимались методологией скоропортящихся продуктов и пр. Но, товарищи, по поводу скоропортящихся продуктов, я думаю, можно сказать следующее: целый ряд работ и статей и выступлений, которые были со стороны Карева и со стороны Стэна, действительно несколько напоминают скоропортящиеся продукты. (А плоды мента.) И я думаю, что если товарищи-философы, работники на философском фронте, действительно решительно повернутся к новым задачам и превратят философию в подлинное оружие большевистской партии, то тогда их произведения не будут походить на каревские скоропортящиеся продукты.

Ю днн. Товарищи, наша дискуссия идет уже около года. Можно скоро справлять годичный юбилей, а между тем поворота действительного не сделали ни на шаг, хотя философское руководство постоянно уверяет, что они уже повернулись. Надо сказать, что они действительно повернулись, но только к Митину и Ральцевичу. Серьезно, возьмите за последнее время журналы «Под знаменем марксизма». Из номера в номер большинство страниц этого объемистого, почти единственного в СССР научного по философии журнала, они посвящают Митину и Ральцевичу и время от времени Юдину. Надо сказать, товарищи, что в этом повороте «не последнюю роль играет т. С. Новиков. Я хочу все-таки пару теплых слов о нем сказать. Какова роль Новикова в этом повороте? Новиков действительно герой поворота. До споров о повороте

не слышно было Новикова, вдруг появился Новиков, как гриб после дождя.

Голос с места. Оголтелый апологет.

Ю дпн. Какова его роль? Тов. Новиков старается всячески сгладить те противоречия, те коренные ошибки, которые имеются у так наз. философского руководства. Например весной 1930 г. по докладу Новикова о методологических корнях троцкизма некоторые товарищи поставили вопрос о троцкистских ошибках председателя собрания т. Карева. В заключительном слове Новиков начинает выручать тов. Карева:—да, видите ли, понимаете ли, это так произошло, так случилось, что у Карева действительно имеется неудачное место, которое не увязывается со всей его концепцией, и т. д. Собрание тогда нажало на Новикова, он начал выкручиваться и в конце концов вынужден был заявить, что ошибка у Карева троцкистская. Весной же на одном из заседаний правления ОВМД т. Стэн сочиняет теорию, что у Троцкого нет никакой методологии. Троцкий это не Бухарин, который написал специальный учебник по своей методологии, и т. д. Мы стали жестоко критиковать это положение, так как в нем содержится желание ослабить критику троцкизма. Оно ведет объективно к ослаблению борьбы с троцкизмом. И вот Новиков в журнале «ПЗМ» (то же и в докладе) начинает «обосновывать» и «углублять» это положение теоретически. Как ни вертелся, и тут у него ничего не вышло. Так-таки Стэна и не удалось «спасти».

Наконец Новиков здесь, на этом собрании попытался еще раз спасти так называемое философское руководство, в которое он так горячо всего лишь несколько месяцев уверовал. Здесь т. Новиков начал заметать следы т. Деборина. В отношении Ленина т. Деборин кое-где «наследил». И вот Новиков выступает перед нами в роли «заметателя» этих следов. Он не говорит прямо: верно или неверно это положение, а именно заметает, смазывает, подчищает и старается сделать так, чтобы это всем понравилось. Он начал с того, что стал доказывать, что положение Деборина о Ленине как практика, в противоположность Плеханову—теоретику у Деборина случайное, простая оговорка, что оно никак не вяжется со всей концепцией Деборина, в общем стоит ли к этому придирается. Собрание опять на него нажало. Новиков начал говорить, что это ошибка, еще нажали, он говорит, большая,—и когда весь зал потребовал сказать, какая же это ошибка, он уже кончил тем, что заявил: это троцкистское положение. Надо сказать, что от этих упражнений тов. Новикова, говоря по душам, философскому руководству, конечно, не польза, а вред, потому что Новиков действительно выражает всю внутреннюю сущность, все содержание, на что способно сейчас философское руководство в повороте. Упражнения Новикова, это внутреннее и внешнее, форма и содержание философского руководства.

Товарищи, я буду в своей речи излагать точку зрения, которую разделяет и защищает по этим вопросам ячейка Ин-та красной профессуры философии и естествознания.

В нашем Ин-те в течение нескольких дней шла подобная этой дискуссия, но наши философские боги не соизволили снизойти до ячейки и спорить с нами не пришли, это ниже их достоинства. Они выпустили против нас своих функционеров, рангом пониже их. Но мы думаем, что и без них им досталось по заслугам. Наша ячейка приняла резолюцию, которая печатается в «Большевике» и к сведению кое-

кого из товарищей, пропагандирующих «позицию» «Большевика», должен сказать, что редакция в основном с этой резолюцией нашей согласна. В этой резолюции ячейка констатирует, что философское руководство не понимало и не понимает ни необходимости, ни существа поворота до сих пор.

Что делают оруженосцы Деборина? Что делает все это философское «святое семейство»? Возьмите вы Стэна. Между выступлением Деборина и Стэна с Каревым есть разница, но только в форме выступления. Деборин решил еще раз пойти ва-банк, на прямую. Карев и Стэн увидели, что напрямик ничего не выходит (и Подволоцкий с ними) и решили форму выступлений несколько изменить. Мы привыкли к тому, что когда Стэн выступает, то он бегаёт по трибуне, кричит, извергает громы и молнии на своих противников. И здесь мы этого ждали. А что получилось? Стэн присмирел. Его не узнать было. Откуда взялись такая уравновешенность, смирение. Он сегодня напоминал медведя из рассказа Салтыкова-Щедрина. Там медведя послали для усмирения внутреннего врага, от него ждали кровопролития, а он, говорят, всего лишь чижика съел. Так и с выступлением Стэна: он чижика съел, не больше. Придавая архисмиренную, архилюбящую форму своему выступлению, постаравшись обойти все острые вопросы, т. Стэн по существу продолжает старую линию, солидаризируется с Дебориным во всем. Им известно что против них высказывается партийная организация ин-та философии и экономики КА, партийная организация ИКП. Им известно также, что иваново-вознесенская организация ОВМД против них высказалась, известно, что ленинградская организация ОВМД и ленинградское отделение К. А. против них высказались, против них высказался и ряд других организаций. Им известно, что против них также высказалась партийная печать, центральный орган нашей партии «Правда», против них высказывается «Большевик», но на все это нашим философским маэстро наплевать со своей высокой философской каланчи. Они предпочитают оставаться в своем гордом философском одиночестве. Попытался ли Стэн все это продумать, проанализировать и сделать какие-нибудь выводы? Нет. Он предпочитал говорить о геологических напластованиях, о всем, о чем хотите, но ни на один из поставленных вопросов по существу он не ответил. Все, что сумел он сделать, это то, что зачислил все это движение по разряду теоретического ликвидаторства. Я еще на разборе этого положения остановлюсь. После этого вы скажете, что Стэн понимает поворот, что Стэн понимает самокритику, что Стэн говорит о признании своих ошибок? Ничего подобного.

А Карев—второй ангел хранитель тов. Деборина—что он делает? Он решил быть верным союзником Стэна во всем. Слава Стэна, как «левацкого» лидера, как идеолога левацких настроений не дает покоя Кареву. Он вслед за Стэном и Шацкиным вновь повторил здесь их идейки о теоретической гнили, о мещанстве и т. п.

Тов. Карев очень «храбрый» человек. Ему поэтому, ничего не стоит движение партийных масс, борющихся за поворот на философском фронте, за партийность в теоретической работе, объявить теоретическим ликвидаторством, мещанством, болотом и всем, чем хотите.

Так называемое философское руководство перепугалось этого массового движения. Они привыкли работать небольшой группкой избранных философов. Реконструктивный период, развернутое социалистическое строительство втянуло в теоретическую работу новые десятки тысяч

людей, причем основная масса этого теоретического актива состоит из рабочих, из людей, прошедших гражданскую войну, имеющих большой опыт партийной и другой массовой работы.

Новые темпы работы и новые люди предъявляют и новые требования к теоретической работе. Лозунг партии, лозунг т. Сталина о необходимости поворота теоретической работы к социалистическому строительству был воспринят всерьез, по-большевистски, и не на словах, а на деле потребовал осуществления поворота. Философское руководство не поняло всего этого. Оно перепугалось, растерялось, впало в панику. Стало кричать, что гибнет марксизм, гибнет наука. Стало всерьез дискредитировать это движение. Ведь никто как Карев неоднократно вот такой, как настоящая аудитория, бросал обвинение в болтливости.

Голоса. Позор.

Юдин. Они не понимают того нового, что сейчас требуется в теоретической работе, т. е. не понимают поворота, не понимают новых методов работы и не понимают того, что в теоретическую работу втягиваются вместо замкнутых групп новые десятки тысяч партийцев. Так только и можно объяснить барский анархизм Стэн и Каревых.

Голоса. Правильно.

Юдин. ... Карев, Стэн, Подволоцкий и др. здесь говорили, что они борются за поворот. Но вы видели, как они понимают и как относятся к этому повороту. Сейчас никто не осмелится говорить, что он против поворота. А т. Деборин неизменно и всюду утверждает, что о необходимости разработки актуальных вопросов, о повороте и прочем он говорил еще три года назад. И т. Стэн говорил здесь: мы всегда говорили, что надо увязывать теоретическую работу с «геологическими налостованиями эпохи». Но все эти «геологические налостования» опровергаются одним небольшим документом. Есть проект тех поправок к весенней декларации, которые внесли 4 члена О-ва воинствующих материалистов-диалектиков—Ташилин, Тимоско, Митин и Юдин, и которые были отвергнуты правлением ОВМД в конце апреля 1930 г. Эти наши поправки, думаю, что еще сохранились в философских карманах тт. Деборина, Карева и Стэна.

Первое, вносимое нами и отвергнутое правлением предложение было следующее: «Пассивность в разоблачении методологических основ воззрений троцкистско-зиновьевской оппозиции свидетельствует об известном отрыве философской мысли от актуальных политических проблем, которые стояли перед нашей партией, на прошедшем этапе развития». Сейчас они говорят, что будто бы по этому вопросу никогда не было разногласий. Неверно это утверждение. Мы с вами дрались за признание этой ошибки. Вы решительно восставали против нашей постановки вопроса, против вносимой по этому вопросу нами поправки. Вышеприведенную поправку вы отвергли. Тов. Деборин, подтвердите, что отвергли. (Деборин подтверждает.) (Смех.)

Вторая наша поправка к декларации, отвергнутая правлением ОВМД, следующего характера: «несмотря на все перечисленные успехи в деле разоблачения механистической ревизии марксистско-ленинской диалектики, несмотря на работу в деле разоблачения теоретических основ правого уклона, наряду с общим отставанием всей нашей теории от практики, наряду с тем, «что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль» (Сталин)—за истекший период развития мы имели также и недопустимое отставание философской мысли»

Тов. Деборин, подтвердите, что на правлении ОВМД отвергли и этот пункт.

Деборин. Отвергли. (Смех.)

Юдин. Третий пункт: «При всей важности громадного теоретического значения, которая имела борьба за истекший период с исконным врагом марксизма, с откровенным или полужавуализированным идеализмом, при всем громадном значении, которое имела борьба единым фронтом марксистов-диалектиков против механистического мировоззрения—недостаточно критиковались и разоблачались отдельные ошибки формалистического, а также и откровенно идеалистического порядка, которые делались отдельными товарищами в борьбе, это обстоятельство свидетельствует, что борьба на два фронта в нашем лагере была развернута совершенно недостаточно». Тов. Деборин, подтвердите, что и этот пункт вы отвергли.

Деборин. Отвергли.

С места. Что же вы молчали?

Юдин. Мы не молчали. Через несколько дней мы втроем написали в «Правде» теперь известную статью «Трех» (Митин, Ральцевич, Юдин) и буквально дословно изложили эти поправки и ЦО партии согласился с нашей статьей. Наши философские маэстро поняли, что они попали не совсем в удобное положение. Тогда они начали всюду кричать, что мы их обокрали, свою статью списали со статей Карева, Стэна, Деборина и с декларации. Они стали кричать «нас обокрали». Мы предлагали тогда: если вы всерьез заявляете, что мы свою статью у вас списали, то заявите, что вы с ней согласны. Вместо этого, как известно, они выступили со статьей в № 5 «ИЗМ» против нашей статьи. И ни по одному пункту нашей статьи они не были согласны. Здесь они разоблачили свое собственное лицемерие. А теперь Деборин, Карев, Стэн и др. всюду доказывают, что они первые поняли поворот и что разногласия идут вовсе не по вопросам поворота. Затем они доказывают усердно, что все свои ошибки уже признали. Как видите, дело обстоит далеко не так. Они не поняли поворота, они не признали ни одной из своих ошибок. Зачитанные мной поправки представляют минимум этих ошибок и тем не менее эти самокритические пункты они отвергли. А ведь эти поправки вносились 30 апреля 1930 г., и после этого Деборин, Стэн, Карев делают вид, что у них ни по троцкизму, ни в оценке отрыва философии от задач революции, ни в оценке борьбы с идеализмом никогда с нами не было разногласий. Это только показывает, что вы, товарищи, хотите замести следы.

В самом деле, чем объясняют т. Карев и т. Стэн с этой трибуны необходимость поворота? Тем, что у нас обычно называют «объективными причинами».

Ссылкой на «объективные причины» они хотят оправдать свою прошлую работу, хотят скрыть те ошибки и недостатки, которые были в их работе.

А между тем, острота положения на философском фронте объясняется и тем, что на прошлом этапе работа философов была оторвана от основных задач социалистической революции, философские руководители не понимали этих задач. Острота положения объясняется и тем, следовательно, что вы не шли вместе с партией в ее борьбе на два фронта, вы не боролись с троцкизмом. Этого-то как раз вы и не хотите понять. Вот чем обусловлена острота наших споров, вот почему ваши прошлые ошибки на новом этапе встают особенно остро. Карев и Стэн пытались замазать недостатки прошлой работы. Стэн обещал заняться критикой

ошибок, но в часовой речи он не мог выбрать 5 минут для критики своих ошибок. Карев тоже грозился, что вот он будет говорить об ошибках, но ему не хватило на это времени. Карев на фракции ОБМД весной 1930 г. говорил, что поворот вызывается, во-первых, недостатками нашей работы, а «в-третьих», как он говорил—социалистическим строительством. Когда его раскритиковали за то, что у него всегда выходит социалистическое строительство «в-третьих», он теперь метнулся в другую сторону, но как видите, не совсем удачно.

Теперь я хотел бы перейти к рассмотрению непосредственно вопросов наших разногласий. Первый вопрос—это о понимании поворота. То, что философское руководство не понимает этого поворота, прекрасно иллюстрировано здесь содокладом Деборина, выступлениями Стэна, Карева, Подволоцкого и др. Никакие софизмы Стэна насчет всемирных и межпланетных геологических напластований не помогут, они не скроют того факта, что вы против поворота, против самокритики, что вы замазываете все свои прошлые ошибки и не понимаете новых задач. Вопрос о причинах и задачах поворота в наших выступлениях неоднократно освещался, я поэтому задерживаться на нем не буду.

Следующий вопрос наших разногласий—это борьба с троцкизмом. Если слушать Карева, если слушать Стэна, то получается, что недооценили социалистического строительства... случайно, с троцкизмом не боролись тоже случайно. Тов. Карев говорит: у меня была одна случайная ошибка в теоретической работе по классам. Мы же говорим, что это не случайно, не случайно потому, что вы оторвались от социалистического строительства, оторвались от задач партии, не шли вместе с ней, а часто боролись против нее в рядах всяких оппозиций. Вы заявляете, что признаете некоторые ошибки. На словах признаете. Мы требуем от вас, чтобы вы на деле раскритиковали свои ошибки. Анализа ошибок ни Карев, ни Стэн, ни Деборин не дают, они уходят от этого. Они не хотят признать, что отрыв их работы от задач революции, отсутствие борьбы вместе с партией на два фронта объясняются, прежде всего, тем, что они не понимали линии партии, а некоторые из них боролись и продолжают бороться с линией партии. В этом корень наших разногласий. Мы к этому подходим политически. Они же этого не хотят делать. Для них все их ошибки, видите ли, просто историческая случайность.

Третий вопрос наших споров—о партийности философии. Как они понимают партийность философии? Тов. Стэн здесь обещал рассказать, как он понимает партийность философии. Но он только пообещал. Он «забыл» сказать об этом потому, что ему нечего сказать, он не согласен в этом вопросе с Лениным, с партией. Ведь неслучайно же, что Стэн нигде до сих пор не критиковал своего понимания, партийности философии, которое он дал в статье «Выше знания коммунизма», нигде не критиковал свою установку насчет того, что каждый комсомолец сам должен создавать себе теорию, на собственном опыте должен проверять линию партии и т. д. А что говорил т. Карев насчет партийности философии? Он говорил, что партийность философии состоит в том, чтобы дать наиболее общее направление, чтобы дать «методологические ключи». Тов. Карев, ваши методологические ключи мы знаем, знаем, как вы пользуетесь этими ключами. Мы говорим, что партийность философии состоит в том, чтобы философский фронт активно включался в борьбу вместе с партией за генеральную линию партии.

Тов. Карев, нечего давать беспартийную формулировку, нечего уходить в свои излюбленные пустые абстракции, скажите прямо, что значит по-вашему партийность философии. Стэн от этого вопроса пытался отделаться софизмами по поводу соотношения политики и философии. Он переврал трактовку Энгельса о трех формах борьбы пролетариата: политической, экономической и теоретической. Он эти формы борьбы сделал равноправными. Ведь это обща ваша установка о равноправии теории и практики. Марксизм-ленинизм признает примат за практикой. Вы этого не понимаете. Вы готовы примат отдать теории. Вначале теории, потом практика.

Софизмам т. Стэна насчет политики и философии могут поверить только те, кто вместе со Стэном разделяют эти взгляды. Когда Ленин говорил о политике, как концентрированной экономике, как опыте всего рабочего движения в политике, и только в этом смысле, когда мы говорили, что философия есть род, что ли, политики,—мы говорили о том, что философия также должна служить рабочему классу, его интересам, его целям, должна активно их защищать. А т. Стэн начал здесь развивать турусы на колесах за счет философии и политики, противопоставлять их друг другу, устанавливать равноправие и т. п. Он страшно боится, как бы тут не запахло политикой, он уходит от этих вопросов. Вот как обстоит дело. Ведь все время, на протяжении всех этих споров и Стэн, и Карев, и Деборин повторяют: как бы тут чего не вышло с политикой. (Смех.)

С одной стороны, они ужасно боятся политики. Чувствуют, что у них здесь не все в порядке. С другой стороны, как только им на что начнут указывать, они сейчас же стараются оправдаться и в этом старании доходят до чудес. Все, что они делают в области философии, пытаются выдать за партийную политику.

Тов. Деборин, например, говорил на одном из заседаний правления: а разве разработка проблем материалистической диалектики не есть в то же время и защита генеральной линии партии.

С места. Это верно.

Юдин, Товарищи, ведь так можно дойти до такого чудовища, что то, что Деборин в свое время написал статью «Диалектика у Канта», что несомненно так или иначе идет по линии работы над диалектикой, можно выдать за защиту генеральной линии партии. Люди с одной стороны говорят: не путай политику с философией, а с другой стороны, хотят своей работой подменить и философию, и политику, и все, что хотите.

Теперь четвертый коренной вопрос, основной вопрос наших разногласий—это о теоретическом значении Ленина. Так наз. философское руководство, а т. Карев особенно хотел свести этот важнейший вопрос в плоскость отдельных цитат и хотел цитатами все перекрыть. Мы знаем, что вы хороший мастер на цитаты. Цитат можно набрать много—тут цитатку нашел, там цитатку нашел и дело в шляпе. Беда ваша в том, что все ваши цитаты идут в одном направлении. А когда цитат этих подбирается уйма, тогда, чтобы вы ни говорили, дело уже становится не в плоскости отдельных цитат, а в плоскости направления вашей работы. И мы ставим вопрос не в плоскости отдельных цитат, а в плоскость принципиальную.

В 1922 г. Ленин в своей статье «О значении воинствующего материализма» определил задачи развития философии. Через год после того, как Ленин дал эти указания, в 1923 г., т. Карев пишет: «что

ее—теории марксизма—основная задача в предреволюционный период есть по преимуществу критическая, разрушительная задача. Поэтому, между прочим, так мало было сделано в смысле действительного развития марксистской теории со времени Маркса до наших дней; если скинуть со счетов всякие ревизии и «дополнения» в кавычках, сколько немногих марксисты поддавали под влиянием буржуазной науки и культуры, все же были свои кадры мыслителей, которые, однако, дальше обороны и нападения не шли. Это писал Карев в 1923 г., через год после ленинских указаний. От Маркса до наших дней, т. е. до Карева, в области разработки теории ничего не было сделано. Ведь так! Где Ленин, где ленинские работы, т. Карев? Их нет! Вот о чем речь идет. А в 1924 г. еще через год, т. Карев дает рецензию трем книжкам: Сталин—«Вопросы ленинизма», Деборин—«Ленин как мыслитель» и Бухарин—«Ленин как марксист». Карев последователен. Раз от Маркса до наших дней ничего не было, то понятно, что книга т. Деборина «впервые дает не только наиболее полное изложение основ нашего мировоззрения»,—вы слышите: «впервые дает»,—не только наиболее полное изложение основ нашего мировоззрения,—слушайте дальше,—«но и более верную и точную его трактовку. Еще раз горячо рекомендую книгу т. Деборина всем ленинцам, как лучшее изложение философских основ материалистического мировоззрения». Итак, Деборин впервые дает наиболее полную и точную, наиболее верную характеристику основ нашего мировоззрения! Тов. Карев, не чувствуете ли вы, что «смелость» переборщили? Если это так, то где Ленин—«Что такое друзья народа», где же Ленин—«Материализм и эмпириокритицизм», где Ленин—«Детская болезнь левизны в коммунизме», где—«Государство и революция», где все работы Ленина, т. Карев? Ведь вы это писали как раз после того, как дали рецензию на книгу Сталина «О Ленине и ленинизме». Разве это не увязывается в общую систему, что Ленина нет? К этому нужно добавить весь план работ Философского ин-та, их большие планы, политика дальнего прицела, нужно взять их работы во всей совокупности. Возьмите доклад т. Деборина на 2-й марксистско-ленинской конференции: «Современные проблемы философии марксизма». Вы чувствуете! Речь идет о современных проблемах философии марксизма. Выдвигает ли вы, т. Деборин, в этом докладе, в качестве одной из важнейших современных проблем философии марксизма разработку ленинского философского наследства? Нет. Этого у вас в докладе нет, т. Деборин. Этого в ваших современных проблемах марксизма нет. Я это утверждаю со всей ответственностью, и любой, кто желает убедиться, может проверить, что мое утверждение правильное. Я специально делал анализ его доклада с этой стороны. Тов. Деборин примерно десять раз упоминает о Ленине. Но в каком стиле он говорит? Послушайте: «Лосев, конечно, предпочитает «чистую диалектику» Плотина и Прокла материалистической диалектике Маркса, Энгельса и Ленина». Или: «Нет надобности напоминать споры насчет иероглифов между Лениным и Плехановым». Еще пример: «У Ленина так же, как я говорил» и т. д. и т. д. Вместо того, чтобы в докладе о современных проблемах марксизма проблему ленинизма в философии, проблему Ленина как теоретика сделать центральной, вместо этого Ленина берут только в качестве примеров, которые подтверждают их собственные положения. Мы говорим о Ленине, что он поднял разработку материалистической диалектики на новую, высшую ступень. Ленин первый в наше время поставил

вопрос, что диалектику надо понимать не как сумму примеров, а как науку об общих законах внешнего мира и нашего мышления. Ленин подчеркивал значение работы над диалектикой, как философской наукой.

Ленину принадлежит величайшая заслуга в трактовке основного закона диалектики—закона единства противоположностей. Ленин в своем фрагменте «К вопросу о диалектике», пишет: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики». Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно бьется около этого и борется с Гераклитом resp[ective] с гераклитовскими идеями).

«Правильность этой стороны содержания диалектики [должна] [быть] проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (например у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров (напр. «зерно», «первобытный коммунизм»). То же у Энгельса. Но это «для популярности», а не как закон познания (и закон объективного мира)» (Л. сб., т. XII). Здесь Ленин дает трактовку основного закона диалектики. Повторяю, именно в этом состоит одна из величайших заслуг Ленина. А что т. Деборин по этому поводу говорит. Как оценивает он Ленина в этом основном вопросе? Хотите, я вам приведу некоторые его высказывания по этому вопросу? (С места: «Давай, давай».) Тов. Деборин, на это я попрошу вас ответить, это коренной вопрос. В первом издании «Диалектика и естествознание», стр. 254, т. Деборин пишет: «При всей своей скромности (скромность удивительная—П. Ю.) могу сказать, что как раз трактовка диалектики не как суммы примеров, а как теории, науки об общих законах познания и действительности в нашей марксистской литературе была дана мною еще до появления «Диалектики природы» Энгельса и до появления заметок Ленина. Так что работы Энгельса и Ленина только подтвердили то, что я считал правильным. Все это вы найдете в моих работах, которые появились еще раньше работ Энгельса и Ленина». Слышите: «единство противоположностей, проблему синтеза, проблему конкретного понятия и т. д.—все это вы найдете в моей работе, которая появилась раньше работы Энгельса и Ленина», это что, товарищи? (С места: «Скромность маленькая!»). Скромность небольшая—именно трактовка диалектики не как суммы примеров. (С места: «Но это правда или ложь?») Это неправда. Вот, товарищи, в чем дело. Если утверждение Деборина верное, тогда надо сказать, что не Ленин внес новое в науку, в понимание диалектики, а Деборин. Вы, т. Деборин, берете коренное положение Ленина и, присваивая, говорите, что вы это сделали до Ленина и Ленин только подтвердил вас. И так всюду. Ответьте на прямой вопрос: в чем по-вашему Ленин пошел дальше в трактовке диалектики Плеханова и вас вместе с ним? Во всех ваших писаниях и в писаниях ваших оруженосцев ответа на этот вопрос нет. Вот почему вы не ставите в центре разработку философского наследства Ленина. Как видите, ваши цитаты не помогут вам увильнуть от этого вопроса, хотя мы знаем, что вы лучшие мастера насчет цитат, а все-таки ничего не выйдут.

Следующий вопрос наших споров—это о формалистическом, по существу своему идеалистическом уклоне философского руководства.

Они теперь, видите ли, согласны с тем, что у нас есть большая формалистическая опасность, что есть формалистическое течение, не-

которые из них говорят, что есть формалистический уклон. Но в этом уклоне состоят Тьянски, Гоникман, Дмитриев, но не Карев, не Деборин, не Стэн. Карев говорит, что ему принадлежит честь открытия формалистической опасности. Тов. Карев, вы в этом вопросе очень скромны! Вам принадлежит не только честь открытия формалистической опасности, но ее формирование. Тов. Ярославский и т. Скрыпник по-ленински подошли к вопросу о формалистической опасности. Формалистическая опасность—это есть выхолащивание действительного революционного содержания из материалистической диалектики, из учения Маркса, это есть уход от конкретной действительности. Разве это на вас не похоже? Это же портрет с вас, это же кония с вас, товарищи! Вы говорите, что и вы разрабатывали материалистическую диалектику. Да, была работа и в этом направлении, но на каких примерах переходного периода вы ее разрабатывали? Какие из проблем переходного периода вы разрабатывали? Кроме общих путаных троцкистских и правых установок вы тут ничего не делали. Карев любит козырять тем, что он «разрабатывал» диалектику. Все они, а Карев в особенности, любят поговорить о себе, он всюду рассказывает о себе, как о человеке твердых принципов, что он умеет быть последовательным и т. д. и т. п. Да, он ужасно «последовательный» человек. Например, у нас на ячейке, он заявил, что никогда от своих принципов не отказывается. Посмотрим, так ли это. Тов. Карев, я познакомлю вас сейчас с вашими высказываниями и, надеюсь, что на этот раз вам придется отказаться. Он дает рецензию на книжку Бухарина «Ленин как марксист». В своей речи в Комкадемии Бухарин говорил, что Ленин кроме вопросов империализма, кроме других вопросов, выдвинул как коренной вопрос, поставленный, но не разработанный еще Лениным, вопрос о вращении в социализм, после пролетарской революции, вопрос о двухклассовом обществе при диктатуре пролетариата. И вот, в своей рецензии т. Карев пишет. Тов. Карев, а где вы? Слушайте, это вас касается: «К этим вопросам т. Бухарин присоединит также и те, которые только намечены были В. И. и которые нуждаются в детальной разработке,—о вращении в социализм после победоносной рабочей революции, о различных типах социализма, о теоретическом анализе двухклассового общества при рабочей диктатуре и т. д.». Тов. Карев, значит вы вместе с т. Бухариным вращаете в социализм? Счастливого пути! Вы знаете, о каком вращении говорит Бухарин, о вращении кулака в социализм. Своей теорией чистого двухклассового общества Бухарин отрицает наличие других классов, кроме пролетариата и крестьянства и тем самым смазывает существование классовой борьбы. И Карев все это ставит в заслугу т. Бухарину. Карев пишет там, что «брошюра т. Бухарина заполняет важнейший пробел в нашей литературе по ленинизму». Вот вам последовательный, ни перед чем не сгибающийся т. Карев. А после этого он гнет троцкистскую чепуху насчет одного класса. Наряду с этим Карев несет явно механистическую ерунду, защищает Бухарина в вопросе о случайности. Это невероятно, но факт. Он одно время спорил с Гоникманом. Гоникман был не прав. Но как Карев спорил с Гоникманом? Слушайте: «Прекрасно метод т. Гоникмана иллюстрируется на разборе им категории случайности. В своем неподражаемом стиле он начинает с замечания об ее (случайности) «убогости» в учебниках марксизма... А и у Бухарина в § 17 «Теории исторического материализма» мы читаем, что под исторической случайностью, кроме обычного понимания слу-

чайного, понимается обстоятельство, которое не играет важной роли в цепи общественных событий, не может изменить ее ход, но оказывает на нее также известное влияние» («ПЗМ», № 4—5 за 1924 г.). По интересующему нас вопросу у Бухарина в отделе «Историческая случайность» (Бухарин случайность берет в кавычки), написано следующее: «Таким образом мы видим, что, строго говоря, в историческом развитии общества нет никаких случайных явлений... все события, начиная с самых мизерных и незаметных и кончая событиями современности,—все эти события одинаково не случайны» («Истмат», изд. 1922 г., с. 44).

Карев берет под защиту механистическое понятие случайности Бухарина. Эта статья Карева представляет редкий образец того, как можно много напутать в небольшой статье. В этой же статье Карев делает грубейшую механистическую ошибку по вопросу атрибутивности движения. Карев считает, что Спиноза совершенно правильно поступает, когда говорит, что субстанция имеет только два атрибута: протяжение и мышление. Карев забыл критику, которую дал Спинозе Дж. Толланд именно за то, что Спиноза не признавал движение атрибутом субстанции, а всего лишь модусом. Карев забыл решение этого вопроса Энгельсом, который считает, что движение внутренне присущий материи атрибут. Можно привести еще ряд примеров каревской «четкости» в теоретических вопросах. Чего стоит его утверждение, что диалектика Маркса «составляется» из диалектики Гегеля и материализма Фейербаха. «Составляется» — как это характерно для Карева. И вот, товарищи, возьмите все это, сопоставьте с тем, что он здесь говорил, и перед вами вырастет фигура последовательного... диалектика. Безусловно, это так. И все это хотят объяснить случайностью, ну просто де мол неудачно сформулировал. Нет, друзья, дело у вас обстоит не так-то уж просто. Придется поглубже заглянуть в вашу методологию. И окажется, что не все у вас в этом отношении обстоит благополучно. Именно туда надо обратиться к вскрытию причин ваших «случайных» ошибок. Формалистический или идеалистический, как хотите называйте, уклон, который возглавляет философское руководство, не случаен. Это есть результат вашей методологии. Вы отрываете теорию от практики, философию от политики. Вы не всегда шли вместе с партией, а некоторые из вас и до сих пор не совсем согласны с линией партии, только об этом до поры до времени молчат. «Оттеночки» у вас всегда были и сейчас они есть. Несогласие с линией партии вас заставляет уходить в абстракции, отрываться от действительности и в пустых схоластических вывертах искать утешения. Поэтому в известной мере у вас вырастает формалистический уклон, уход от действительности. Формалистический уклон, в свою очередь, фундаментирует этот аполитизм. Тов. Деборин любит говорить о всяких синтезах. Критику бессодержательной абстракции т. Деборина о синтетических спиралевидных и т. п. «ужасных» вещах называют походом против теории вообще. Извините, товарищи, умеете диалектически ставить вопрос о всеобщем и единичном, умеете это единичное диалектически связывать со всеобщим, и тогда вас за это не будут ругать. А что делает т. Деборин в своем перспективном «спиралевидном» докладе на 2-й конференции? У него два всего-навсего упоминания о связи теоретической работы с задачами социалистического строительства, с конкретными задачами нашей эпохи. Причем эти упоминания могут быть годными для любой эпохи и любой страны. «Наша эпоха раскрывает

новые типы связей, новые формы взаимоотношений, между явлениями в общественной жизни прежде всего». И еще одно место, повторяющее это, и больше ни слова о том новом в общественной жизни, что обуславливает нашу работу. Ни малейшей попытки анализа новых «форм» и «связей». Разве это не эмиграция от действительности, разве это есть — «увязка» с задачами социалистического строительства? Разве это не иллюстрация того, как выхолащивается из диалектического материализма его революционное существо? Разве это не формализм?

А наряду с этим, или именно поэтому, вы гегелевскую диалектику берете не критически, не перерабатывая ее материалистически, как учили Маркс, Энгельс и Ленин, допускаете целую систему формалистических, идеалистических ошибок, не критикуете их, не понимаете действительного характера материалистической диалектики, вы, созерцательные материалисты, поэтому вы и кричите, что время Фейербаха еще придет. Все это увязывается в теснейшую связь с вашей эмиграцией от конкретной действительности. Таков формалистический уклон.

Теперь, товарищи, я хочу перейти к вопросу о том, что же необходимо для поворота. Здесь никакие софизмы ни Карева, ни Стэна, ни Деборина не помогут. Есть только один путь для решения вопроса — это необходимо признать, что отставание от актуальных задач социалистического строительства было не случайным, а связано с вашими методологическими и прочими ошибками надо признать что вы не боролись вместе с партией на два фронта, не боролись с троцкизмом. Это не случайная историческая ошибка, это исторический факт, проливающий свет на всю вашу методологию. Надо признать, что вы не боролись с формализмом, и не случайно, надо признать наличие формалистического по существу идеалистического уклона и что вы его прикрываете, и что вы принадлежите к этому формалистическому уклону, это надо признать как факт. Надо признать, что вы недооценивали и не дооцениваете Ленина как теоретика, иначе ничего не выйдет, и надо объяснить, почему вы недооцениваете, а не просто отделаться от вопроса, как Деборин в вопросе с рублинщиной. Объясните, почему. Тов. Островитянов хорошо выявил этот вопрос. Он правду говорил, что у вас и у Рубина общий методологический принцип, у вас и у него формализм. У Рубина этот формализм законченный. У вас уклон в том же направлении, что и рублинщина, вы идете туда, куда пришел и Рубин. Придете ли вы целиком к Рубину — от вас будет зависеть. Надо признать, что вы не понимали и не понимаете роль Центрального Комитета, как теоретического центра, не понимаете, что решения съездов партии имеют и величайшее теоретическое значение. Возьмите, к примеру, решения XVI съезда о середняке, превратившемся в опору с переходом в колхоз. Это действительно мастерское применение материалистической диалектики, и здесь дан превосходный пример того, как надо распознавать переходы одного качества в другое. А что вы сделали со своими методологическими ключами, хотя бы полслова, хотя бы намек о том новом, что мы действительно имеем в отношениях между классами? Ничего, ни до, ни после XVI съезда, ничего не дали.

Голос с места. Пишется.

Юдин. Возьмите работы т. Сталина. Это подлинная разработка материалистической диалектики. Тов. Сталин в духе классиков марксизма разработку диалектики ведет, не отрывая этой работы от революционных задач пролетариата и не противопоставляет одно другому. Его разработка ряда категорий материалистической диалектики действительно двигает

науку дальше, например разработка ленинского учения о звене, о единичном и всеобщем; разработка проблемы противоречия (единство противоположностей) на примерах анализа противоречий капиталистического строя. Возьмите дальше, проблему возможности и действительности, которую он поставил на XVI партсъезде, и т. д. Вся эта работа ведется на основе изучения опыта всего революционного движения, на опыте всего социалистического строительства. А вы что сказали в этой области? Возьмите дальше проблему и о сущности явления, разработанную Сталиным на основе разоблачения методологии всяких уклонов, когда он вскрывает левую видимость и правую сущность. Это действительно мастерское применение и разработка диалектического материализма. А вы что? Общие разговоры? Революционная теория марксизма должна вооружать на борьбу массы рабочих и крестьян. Работы Сталина действительно вооружают миллионы на борьбу. А ваши работы? Голос. Они выше действительности.

Юдин. Вот в этом-то и дело.

Поэтому наши почтенные философы и не понимают движения, которое происходит за поворот к актуальным задачам социалистического строительства. Они не понимают, что их работы не удовлетворяют партийную массу, потому что они пусты, абстрактны. Они, работы ваши, не вооружают на подлинное социалистическое строительство. Поэтому масса не удовлетворяется вами, а вы этого не понимаете и объявляете это движение теоретическим ликвидаторством. Нам нужна теория, которая действительно вооружает массы на социалистическое строительство. И надо признать, что вы не понимали и не понимаете до сих пор роли партии и ЦК, их решений, как действительно подлинного диалектического синтеза теории и практики. Надо признать ошибки, которые вы наделали на повороте. Нужно признать ошибочными номера 2—3, 4, 5, 7 и 8 «Под знаменем марксизма», потому что эти номера идут в полном соответствии с установкой — противиться повороту, зажимать самокритику, глушить самокритику. Товарищи, несмотря на то, что в среде философского руководства господствовали троцкистские установки Карева, Стэна и др., несмотря на это их практика в связи с поворотом, непонимание поворота, сопротивление ему, зажим самокритики и т. д. выглядит на деле правооппортунистической. Так часто бывает, что левая фраза сопровождается правым делом.

Разработка вопросов материалистической диалектики — это действительно центральная задача, но они не понимают того, что сейчас все вопросы и вопросы естествознания и вопросы разработки материалистической диалектики упираются в социалистическое строительство. Проблема социалистического строительства — это фокус всех вопросов. Они думают, что если заняться переходным периодом — реконструктивным периодом, то это значит стать на путь голого эмпиризма. Опасность ползуемого эмпиризма, конечно, есть. Нужно решительно бороться с ней, но не менее решительно надо бороться и с пустой всеобщностью, ничем не наполненной всеобщностью. Разработку ленинского философского наследия надо сделать главной задачей, чтобы вокруг этого вертелась вся научная и учебная работа. А что было до сих пор? Институт красной профессуры в течение 4 лет (курс был 4-летний) 90% работы уделял Гегелю и Канту, причем обычно не доходили до учения о понятии у Гегеля, и тт. Стэн и Карев ушли из ИКП, кажутся, без понятия. (Смех.)

Товарищи, материалистическую диалектику надо изучать на Гегеле, перерабатывая его, как Ленин учил, материалистически. Но не только на Гегеле надо сидеть, необходимо изучать Маркса, Энгельса, Ленина и современную действительность. А вы на 90% всю работу посвящали Гегелю и Канту,—так было, и т. Деборин не будет этого отрицать. Вы руководили этим делом, отрицать этого не будете.

Деборин. Доходили до Ленина.

Юдин. До наших дней не доходили. Какой же тут Ленин. Надо связать всю работу с актуальными проблемами социалистического строительства. Партийность философии следует понимать так, чтобы включиться в борьбу за генеральную линию партии, включиться в эту борьбу активно. Вот это будет подлинное, ленинское понимание партийности философии, а не ваши пустые беспартийные рассуждения об общих «методологических» ключах. С идеализмом необходимо бороться как с основным врагом марксизма. Эта борьба должна быть значительно сильнее, чем до сих пор. С механизмом нужно бороться, как с главной опасностью, но не надо делать так, как делали до сих пор, когда перед глазами были только механисты и больше ничего и был только один фронт. Много вы сделали по борьбе с механистами, но вы упустили другое, что нужно было бы сделать. Механисты попытаются примазаться к тому большому движению, которое сейчас поднялось. Они попробуют подsunуть нам свои антимарксистские установки. Они это попытаются сделать, иначе они не были бы механистами. Но мы им дадим по рукам. Будем решительно с ними бороться как с ревизионистами, как с врагами марксизма.

Заканчивая скажу, что только большевистское, подлинное большевистское признание своих ошибок, их критика, вскрытие причин этих ошибок поможет вам, т. Деборин и т. Карев действительно стать на путь поворота. Тов. Деборин, если вы сейчас в своем заключительном слове целиком и полностью откажетесь от своего содоклада как ошибочного и раскритикуете эти позиции, которые имелись в вашем докладе, тогда мы поверим, что вы действительно хотите делать поворот. Если же вы будете и дальше упорствовать, будете делать поворот на основе старой линии, то поворот будет сделан, партийная линия будет проведена, но только без вас и против вас. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Тимирязев. Тов. Милютин и в своих тезисах и в своей речи бросил упрек философскому руководству в аполитичности. Упрек совершенно правильный, и он прежде всего вытекает из отрыва философских исследований от живой конкретной работы над строительством социализма.

Я отчасти коснусь того, о чем уже говорил т. Юдин, только потому, что этот вопрос связан с ролью философии в естествознании, а об этом я и позволю себе говорить сегодня главным образом. Речь идет о возможности и действительности. Я приведу несколько отрывков из работы т. Деборина: «Энгельс и диалектика в биологии» («ПЗМ», № 1—2 1926):

«Действительность есть сущность, поскольку она исключает явление, но которая именно постольку заключает в себе явления, как реальную возможность. Возможность на этой ступени тождественна с действительным, но вместе с тем имеет тенденцию обнаружить и свою противоположность. Поэтому возможность есть внутреннее, но обнаруживающееся, внутреннее, становящееся внешним. Например семя есть реальная возможность дерева; стало быть дерево в семени есть еще внутреннее,

становящееся вследствие своего развития «обнаруженным» внешним. Или: нэп есть реальная возможность социализма. Социализм в нэпе есть «внутренняя» сторона, еще не развившаяся, но в процессе дальнейшей эволюции становящаяся внешним, т. е. осуществляющимся...»

В заключительной части той главы, откуда взята эта цитата, т. Деборин говорит:

«Вместе с тем здесь крайне важно то, что развитие противоречий происходит на основе одной определенной возможности. Определенная возможность, например возможность победы социалистических элементов нашей экономики над капиталистическими на известной ступени ее развития может превратиться, перерасти в абсолютную необходимость, в объективную неизбежность».

Товарищи, разве это ленинская формулировка?

Голоса.—Нет.

Тимирязев.—В ответ на эту формулировку, данную т. Дебориним, позвольте привести отрывок из речи т. Сталина, где как раз указывается, что нельзя отождествлять возможности с действительностью. Вот то, что говорил т. Сталин в своей речи о правой опасности на пленуме МК:

«Ленин вовсе не говорит, что нэп дает нам социализм в готовом виде: Ленин говорит лишь о том, что нэп обеспечивает возможность построения фундамента социалистической экономики. Между возможностью построения социализма и действительным его построением существует большая разница. Нельзя смешивать возможность с действительностью. Именно для того, чтобы эту возможность превратить в действительность, именно для этого Ленин и предлагает в своей большой цитате электрификацию страны и подведение технической базы современной крупной промышленности под промышленность, сельское хозяйство и транспорт, как условие для окончательной победы социализма».

Насколько это важный вопрос, ясно из того, что Сталин на XVI партийном съезде вновь к нему возвращается и несколько раз со всей решительностью подчеркивает, что нельзя смешивать возможность с действительностью, что из этого смешения происходят все и всяческие «теории» самотека и «мирного вранья». Как мы сейчас видим, отсюда же происходят и в области биологии такие теории, с которыми мы согласиться не можем.

С места. Механистические!

Тимирязев. В том числе и механистические, товарищи, это очень важный вопрос, почему я и считаю нужным обратить на него особенное внимание. Я не хочу упрекать ни т. Деборина, ни его учеников в том, что они на основании спутывания возможности и действительности выявили себя как правые оппортунисты. Но, товарищи, нужна большая осторожность в формулировках, потому что эти формулировки могут привести к очень нежелательным для партии последствиям.

С места. Примените это к себе.

Тимирязев. Мы об этом поговорим потом. Вы кричите сейчас: примените критику к своим ошибкам. С удовольствием! Я предлагаю это сделать в ближайшем будущем, но может быть не в таком большом собрании. Давайте сделаем это в Ин-те философии.

В чем, собственно говоря, корень тех ошибок, о которых я только что говорил? В том, что они вытекают из теории преформизма. По т. Деборину социализм вырастает из нэпа как из семени вырастает дерево

с роковой необходимостью. Эта никуда негодная в области общественных наук преформистская теория в настоящее время очень усиленно поддерживается в школах т. Деборина...

С места. Неправда!

Тимирязев. ... и приводит к очень печальным последствиям.

Теперь, товарищи, поставим себе вопрос: что происходит на фронте естествознания? Тут я буду немного спорить с т. Милютиним. Тов. Милютин указал на достижения в области естествознания, а об ошибках он немного смазал. Поэтому я считаю, что т. Ярославский был прав, когда открыто признал, что на фронте естествознания неблагополучно. Давайте теперь поставим вопрос, — отчего неблагополучно? В области естествознания неблагополучно потому, что у нас наблюдается недооценка Ленина как философа и в частности как философа в области естествознания. Я позволю себе привести одну цитату, но я грошу, чтобы тут не было криков о том, что всякую цитату можно так вырвать, что из нее может получиться все, что угодно. Я заранее говорю, что эту цитату я постараюсь сейчас же подтвердить фактами, а против фактов спорить будет уже трудно. Вот что мы читаем в резолюции по докладу «Задачи марксистов в области естествознания» (на второй конференции марксистско-ленинских, научно-исследовательских институтов): «марксизм в общественных науках имеет уже свою историю, он продолжал после Маркса-Энгельса теоретически разрабатываться и практически проверяться в действительности, получив в связи с революцией огромный размах под руководством Ленина. В естествознании же после Энгельса марксизм почти не разрабатывался, и только у Ленина мы имеем, сравнительно немного, правда, гениальных страниц». Товарищи, меня может быть и обвинят сейчас в механизме, в том, что я свожу все к количеству, но все-таки я скажу, что не немного страниц, а достаточно и даже очень много!

С места. А о качестве?

Тимирязев. А о качестве мы сейчас поговорим. (Смех.) Опять-таки, я не буду обвинять авторов этой резолюции в том, что они здесь сознательно недооценили Ленина. Но почему это вышло? Это вышло не случайно, и если мы возьмем факты, то факты нам показывают, что действительно недооценка Ленина как философа в области естествознания была.

Что находим мы в книге т. Гессена «Основные идеи теории относительности?» Я не буду говорить сейчас об отдельных ошибках, на которые уже отчасти указывал и т. Рудаш и т. Ярославский, а поставлю тот же вопрос: есть в этой книжке изложенные взгляды на пространство и время наших основоположников — Энгельса и Ленина? Нет! Что это, недооценка Ленина как философа? Я думаю, да.

Варьяш. А почему нет?

Тимирязев. Мне могут возразить, что вопрос о теории относительности — вопрос новый и что Ленин не высказывал своих взглядов на этот вопрос. Тогда, товарищи, я позволю себе приоткрыть немного завесу для тех из вас, кто специально теорией относительности не занимался. Что мы находим у Эйнштейна и как раз в тех его трудах, где он устанавливает основы своей теории? Эйнштейн не скрывает того, что в основном весь принцип был разработан Махом и что он сам сделал только одно — дал этой теории математическую формулировку. А у Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» мы как раз находим критику тех самых воззрений Маха, которым Эйнштейн придал математическую форму. Изменяет ли математическая формулировка суще-

ство дела? Я сошлюсь опять-таки на Ленина. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин, нападая на тех, кто понятие причинности заменяет понятием функции, отмечает, как не имеющие никакого значения для сути всего спора о законе причинности, соображения о том, что понятие о функции может быть облечено в математическую форму. Ленин говорил, что философский подход к теории причинной связи вовсе не зависит от того, как глубоко пошло наше сознание причинной связи в отдельных случаях и можем ли мы выразить эту связь с помощью математической формулы. Важна философская сторона.

Вот тут-то, товарищи, я боюсь, что все будут недовольны тем, что я скажу. Тов. Ральцевич в своей статье высказался за индетерминизм. Мне скажут, что т. Ральцевич уже поправил эти ошибки. Будем однако откровенны, хотя он и выступил с поправкой месяц спустя, но все-таки это вышло не особенно гладко и поправку нельзя признать удовлетворительной. Тут-то мы и подходим к самому важному, за что на меня вероятно жестоко нападут. Я скажу, что так решительно обвинять, как обвинял и т. Деборин и его ученики т. Ральцевича в этой ошибке, им не следовало бы, потому что индетерминизм т. Ральцевича находится в очень тесной связи с теорией объективной случайности т. Деборина. (Смех.) Здесь у т. Ральцевича общая ошибка с т. Дебориным.

С места. С этого и нужно было начинать. Тогда яснее было бы. О своих ошибках скажите.

Тимирязев. Меня тут опять приглашают говорить о своих ошибках. Я уже сказал, что сделаю это тогда, когда речь будет идти о моих ошибках.

Еще два слова о формализме. Тут давались такие замечательные философские определения того, что есть формализм, что просто, как говорится, некуда дальше идти. Но давайте вернемся к докладу и содержанию. Тов. Милютин в своей речи сказал: «Вдвинуть диалектику в нашу работу по строительству социализма». Многие эти слова повторяли, я сам повторил сегодня эти слова, потому что я считаю, что этот термин не плохой. Но допустим на минуту, что эта плохая неудачная формулировка. Вы помните, какой шум поднял т. Деборин? Что значит — говорил он — «вдвинуть диалектику», и вы помните, какой смех стоял у нас здесь. Я теперь ставлю вопрос, были ли у нас такие простячки, которые не поняли смысла того, о чем говорил т. Милютин только из-за того, что они услышали непривычные слова. Все поняли очень хорошо о чем шла речь и только прикинулись непонимающими, я думаю из-за того, что слово сказано непривычное. Товарищи, вот это образец самого настоящего формализма. И во время серьезной дискуссии в спору о словах прибегать не следует.

Алевин. Товарищи! Нас, диалектиков-естественников, на этой дискуссии щадили. Я считаю, что напрасно. И у нас, естественников-диалектиков, есть много промахов, недостатков, ошибок. Но если мы сравним количество ошибок с количеством активно работающих естественников-диалектиков, то должны будем сказать, что мы пока еще сравнительно прилично, преодолевали затруднения. Если вы присмотритесь к нашему журналу «Естествознание и марксизм», к вышедшим пяти книжкам, то вы должны будете признать, что ему многого недостает. Недостает в первую очередь актуальности, недостает теоретической разработки тех проблем, которыми интересуется сейчас наша жизнь, которыми полна наша жизнь. Мы разрабатывали до сих пор

в значительной степени такие проблемы, которые являлись важными и для предыдущего времени, являются таковыми и для настоящего и для будущего времени, но это проблемы не непосредственно связанные с теми большими теоретическими задачами, которые стоят перед нами в текущий период. Правда, уже наметилось начало поворота, но это лишь робкий шаг. В обществе биологов-материалистов весной этого года был поставлен диспут на тему «Генетика и реконструкция животноводства». Это был большой диспут, проходивший на высоком теоретическом уровне и учитывавший в первую очередь реконструкцию нашего животноводства. По окончании диспута была принята резолюция, пересланная в Наркомзем и те учреждения, которые были представлены на этом диспуте. Из теоретической борьбы, которую мы вели с замаркистами, мы здесь сумели сделать непосредственные практические выводы для реконструкции нашего животноводства.

Каковы же наши достижения? Я их коснусь вкратце, чтобы затем перейти к главному, к нашим недостаткам. В первую очередь мне хотелось бы отметить, что мы уже приступили—правда, совсем еще слабо—к разработке самой материалистической диалектики, т. е. к сознательному, последовательному применению метода диалектического материализма в естествознании как в области частных проблем, так и в области принципиальных обобщений. Мы начали разрабатывать этот метод на конкретном материале, стали его применять к конкретным теориям. Мы приступили к материалистически-диалектической разработке проблемы части и целого, внутреннего и внешнего, случайности и необходимости, причинности и целесообразности, проблемы самодвижения. Здесь нам ценнейшие указания дает Ленин в опубликованных сборниках. В отношении их изучения и использования мы однако еще почти ничего не сделали. Не извлечено еще все для нас, естествовников, ценное в этих сборниках.

Товарищи! я вам перечислил ряд проблем теоретического естествознания, в которых у нас уже есть небольшие достижения, но ведь мы уже двинулись настолько вперед, что все это нам теперь кажется уже привычным. Нам кажется само собою разумеющимся, что мы разбираем проблему внутреннего и внешнего, случайности и необходимости, причинности и целесообразности, притом на уровне данных современного естествознания. Хотя мы сделали и ничтожно мало, все же безусловно ценные достижения налицо.

Второе, чего мы достигли, это некоторый перелом на научных съездах в отношении борьбы с идеалистическими течениями, у нас представляемыми Любищевым, Соболевым, Вернадским и т. д.

Третье—это наша успешная борьба с механизмом и биосоциологием. Фактически это была борьба против упрощенства, против вульгаризации науки.

Вот, те небольшие достижения, которые мы имеем. Теперь, когда жизнь выдвинула требование четкого поворота в нашей работе, необходимо не забывать и о тех опасностях, с которыми нам необходимо бороться. Одна опасность заключается в том, что мы либо ударимся в узкую специализацию, либо будем витать в области общих абстрактных фраз и общей формальной критики, как это замечательно ярко показывает совершенно неверная статья т. Максимова в отношении критики ошибок Серебровского. Вы, т. Максимов, сути этой проблемы не понимаете. С другой стороны, мы видим и такое явление, что това-

рищи настолько увлекаются какой-нибудь специальной стороной вопроса, что теряют перспективу общего.

Другая опасность, это упрощенство в теории, с одной стороны, хвостизм, т. е. некритическое отношение к некоторым стихийно-диалектико-материалистическим системам—с другой.

Теперь, товарищи, разрешите остановиться на наших ошибках. Нам необходим быстрый и четкий поворот, который был бы таким, чтобы в отношении его политического толкования не было бы ни малейшей двусмысленности. Между тем двусмыслица создалась. Мы ее создаем. Она нашла свое выражение в этой дискуссии, она выражается в том недоверии, которое в отношении нас проявляет партия в своих центральных журналах и центральных органах. Такая трещина, как здесь было сказано, действительно создалась, ее отрицать нельзя. Мы должны эту трещину не замазывать, а позаботиться о том, чтобы она быстро исчезла. Мы должны твердо и решительно, вместе с партией, дружно и единым фронтом взяться за выполнение тех задач, которые ставит перед нами партия.

Каковы наши недостатки? Во-первых, наше отставание в области естествознания и философии от актуальных задач классовой борьбы, которая развернулась сейчас на основе решительного большевистского наступления на кулака и буржуазные элементы города. Благодаря нашему отставанию в этом отношении мы очутились в некоторой изоляции, отрицать которую мы не можем, ибо это означало бы закрывать глаза на действительность. Во-вторых, мы, естествовники-диалектики, слишком мало внимания уделяли применению исторического материализма в таких важных областях, как евгеника, как критика буржуазной расовой гигиены и т. д. В-третьих, мы сильно отстаем от задач нашего промышленного и сельскохозяйственного строительства. В-четвертых, чрезвычайно слабо развита массовая пропаганда. В-пятых, мы отстаем в критике новейших буржуазных течений в области теоретической биологии на Западе. Есть целый ряд новых эклектических систем, чрезвычайно быстро распространяющихся на Западе. Особенно опасны как раз те теории, которые содержат в себе зерно диалектики, ибо и ее стараются использовать в целях идеализма. Я имею в виду например английское течение, называемое *emergent evolution*, т. е. имманентно-творческой эволюции, а также так называемую структурную теорию («Gestalththeorie») и др. течения, которые содержат в себе диалектические элементы. Если их перенять без материалистической критики, то они нас приведут в лагерь идеалистов.

За отсутствием времени пару слов скажу о наших конкретных ошибках. Здесь говорили об ошибках т. Гессена. Тов. Гессен, к сожалению, не получил слова, но он меня уполномочил заявить, и я заявляю, что т. Гессен свою ошибку осознал и давно осознал. Гессен признает, что место в его книге, где говорится, что «материя есть синтез пространства и времени», конечно неверно. Но эта неверная формулировка отнюдь не вытекает из основной концепции его книги.

Я мог бы привести много наших ошибок. Что касается ошибок в работе Серебровского, то я должен сказать, что Серебровский затронул важнейшую теоретическую тему, от которой нельзя отмахнуться словами, как это сделал Максимов в своей рецензии, ссылаясь просто-напросто на слова Энгельса. Вопрос сейчас стоит не о естествознании 1876 г., а о естествознании 1930 г., когда реконструкция животноводства и растениеводства требует строжайшего развития точ-

ных методов генетики. Некоторые товарищи хотят решить проблему социальной евгеники, проблему генофонда ссылками на Энгельса и требуют «синтеза ламаркизма и дарвинизма». Как этот невозможный синтез осуществить, об этом ничего не говорится.

Были ошибки и у т. Левита, но я вынужден кончать и не могу перечислять всех ошибок. Я мог бы назвать серию таких ошибок, которые мы признаем и которые мы будем исправлять на ходу наряду с продолжением творческой работы.

Горин П. Мы не отрицаем огромных заслуг в той работе, которую проделали философы в разоблачении механистов, выражавших мировоззрение мелкобуржуазного оппортунизма. Однако мы не можем признать достаточной ту практическую помощь, которую нам оказали наши философы в разоблачении механистических тенденций в современной марксистской исторической науке. Правильнее сказать, дискуссия о механистических тенденциях в современной исторической науке прошла без практической помощи коммунистов-философов. Это нельзя считать нормальным, так как дискуссия, развернувшаяся вокруг брошюры т. Дубровского об общественных формациях, по существу была обсуждением вопросов о закономерностях в историческом развитии и в частности о закономерностях переходных периодов. Оппортунистические рецидивы в работе т. С. Дубровского, подменявшего революционное развитие общества эволюционистским, не случайно стало предметом жаркой дискуссии у историков. Мы полагаем, что участие философов в этой дискуссии оказало бы нам несомненную пользу. Несомненная польза была бы и для них самих, так как дискуссия позволяла бы им ряд социологических гипотез проверить на конкретном историческом материале; то, что наша дискуссия об общественных формациях проходила без участия философов, было большим минусом, ибо какова цена философии, если она оторвана от конкретности и историзма, если она свои выводы будет делать не на основании обобщения богатого исторического конкретного материала, как это делал Маркс, Энгельс и Ленин, а на основе «чистой» логики. Я думаю, что опыт недавно прошедшей дискуссии о формациях в дальнейшем более тесно увяжет историков с философами и поможет сделать марксистскую философию мощным оружием в нашем социалистическом строительстве.

Недостатки философской работы мы чувствуем и на других участках. Мы например должны признать явно недостаточным ту борьбу, которую ведут философы с реставрацией богдановщины. Нам предстоит упорная борьба с оживлением богдановских настроений, и мы надеемся, что на сей раз философы окажут свою помощь. Подводя же общий итог работы на философском фронте, я уверен, что происходящая сейчас дискуссия явится мощным толчком к преодолению прорыва на этом фронте. Заявление Сталина на конференции аграрников-марксистов, закрепленное рядом практических мероприятий, проводимых в настоящее время ЦК ВКП(б), является лучшей гарантией, что наш марксистский научный фронт займет то место, которое ему надлежит занимать в деле социалистического строительства. Такой лучшей гарантией перелома на научном фронте в первую очередь я считаю усиление наших научных учреждений значительным количеством лучших партийцев. Это несомненно является лучшей гарантией перелома в области марксистской научной работы. Именно крепкий партийный коллектив, который сейчас оформляется и у философов, не-

сомненно будет гарантией реализации перелома и выполнения тех задач, которые стоят на философском фронте.

Говоря о ближайших задачах теоретической работы коммунистов, я хотел бы отметить и опасные тенденции, которые лучше заранее предупредить, чем потом, имея уже готовые плоды, разоблачать. Я имею в виду наблюдаемый подчас нигилизм в нашей теоретической работе, попытку всю теоретическую работу свести к изучению только сегодняшнего дня. Такая постановка вопроса конечно в корне неверна. Иллюстрацией такого вульгарного понимания революционной теории могут служить те выдержки из «Зари Востока», которые «Правда» приводит в сегодняшнем номере. Обращение ЦК, несомненно имеющее историческое значение, в газете «Заря Востока» было снижено, как правильно это квалифицируется «Правдой», до узкоделаческих задач. Есть ли сейчас тенденции принижения роли революционной теории? Я имею в виду те социальные сдвиги, которые несет с собой реконструктивный период. Не нужно забывать, что реконструктивный период производит небывалую ломку социальных устоев. Ведь нигде в мире промышленность не впитывала с такой быстротой миллионные массы. Ведь общеизвестен факт, что нашей промышленности не хватает рабочей силы, что на наши фабрики и заводы подчас пролезает вчерашний кулак. В массе же пополнение рабочего класса идет за счет крестьянства, не потерявшего еще своей связи с землей и не понимающего пока, что отрыв его от крохотного земельного участка является лучшей гарантией улучшения его существования. Учитывая все сдвиги, которые несет реконструктивный период, партии надо особенно бдительно отнестись к тем элементам, которые несут опасность принижения роли революционной теории, пренебрежения к теоретической работе. Не следует закрывать глаза, что в связи с быстрым ростом рабочего класса нам предстоит большая политико-воспитательная работа. Нам нужно помочь выкорчевать его мелкобуржуазные предрассудки, показать новым кадрам, пополняющим рабочий класс, весь исторический смысл происходящих событий. Нам нужно добиться, чтобы, делая трактор или простую гайку, рабочий понимал бы специальный смысл этой работы, что он является участником той борьбы за социализм, за которую в течение десятилетий гибли сотни и тысячи лучших представителей рабочего класса. Нам нужно помочь ему осознать, что его работа у станка—это огромная революционная работа в деле уничтожения мирового капитализма. А понять все это он сможет только на основе широкой исторической перспективы. Вот почему ошибочно и глубоко неверно, если мы всю нашу политико-воспитательную работу ограничим только задачами сегодняшнего дня. Такое делчество будет политически вредным. Борьба за революционную теорию не может не быть постоянно в поле нашего зрения. Ленин неоднократно предупреждал, что «без революционной теории не может быть революционного движения», что без революционной теории рабочий класс в лучшем случае поднимется до уровня трэдионионизма. В связи с исполняющимся в декабре 30-летием «Искры», пожалуй, будет не вредно вспомнить, как он понимал задачи социал-демократии. «Социал-демократия,—писал он в первом номере «Искры»,—есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача—не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому дви-

жению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности»¹.

Борьба за революционную теорию всегда была в центре внимания нашей партии и не может встречать к себе другого отношения в наши дни. Недаром ЦК нашей партии всегда зорко следит за малейшими попытками ревизии ленинизма, беспощадно разоблачая всяческие оппортунистические вылазки. Именно беспощадным разоблачением оппортунистических вылазок и объясняется, что в архитрудных исторических условиях наша партия ведет успешную борьбу за социалистическое строительство. Об этом неслучайно недавно напомнил нам в этом же зале Сталин. «Известно,—говорил он,—что теория, если она является действительно теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет и не может не иметь громадного значения в деле нашего социалистического строительства». Для того же чтобы наша теория была действительно революционной теорией, необходимо, чтобы она базировалась на конкретном изучении прошлого и настоящей действительности под углом зрения классовых задач пролетариата. Только пользуясь марксовым методом абстрактного мышления, основанного на критической разработке обширного исторического материала, мы будем в состоянии углублять классово ленинское наследие. В связи с этим перед нами наряду с задачей необходимости теснейшей увязки теории и практики стоит задача и качества нашей научной работы. Не нужно забывать, что нередко наш партийный актив перерастает наших профессионалов-литераторов. Неправильно думать, что критическое изучение Гегеля или Плеханова уже ни к чему. Именно только через критическое изучение Гегеля, Плеханова и др. мы сможем по достоинству оценить гигантскую роль Ленина. Я думаю далеко не из любви к древней культуре Маркс в свое время штудировал даже Аристотеля и читал Гомера и Софокла. Это помогло ему лучше понять историческую миссию капитализма. Я думаю, что мы также не поймем гениального наследия Ленина, если ограничим его изучение рамками—Ленин-Плеханов, а не проследим, что нового внес Ленин в историю философской мысли вообще. Тут-то, пожалуй, нашим философам придется спуститься даже глубже Плеханова.

Неслучайно нигилистическое отношение к истории было характерно для оппортунистов, в то время как Маркс, Энгельс и Ленин этим вопросам уделяли исключительное внимание, дав ряд ценнейших исторических работ. Всем известно, что только тщательнейшее критическое изучение Лениным истории развития капитализма в России, революции 1905 г. и Парижской Коммуны, помогло Ленину в выработке тактики большевиков в 1917 г. Наоборот, пренебрежение к глубокому историческому исследованию или в лучшем случае выхватывание отдельных исторических фактов для вольной интерпретации сегодняшнего дня всегда было особенностью оппортунистов: Бернштейна, Троцкого, Каутского и др. И это явление далеко неслучайное. Непонимание закономерностей исторического развития целиком вытекает из эклектической философии оппортунизма. Об этом лучше всего свидетельствует сам же Л. Троцкий в книге «Моя жизнь», так трактуя о философии истории: «Широко говоря,—пишет он,—весь исторический процесс есть преломление закономерного через случайное. Если пользоваться языком биологии, то можно сказать, что историческая закономерность

¹ Ленин, Соч., т. VI, с. 12.

есть естественный подбор случайностей». Неудивительно, что в результате такого фаталистического толкования закономерностей исторического развития Л. Троцкий оказался за пределами нашего Союза.

Подводя общий итог вышесказанному, я думаю, что наши современные задачи в области теоретической работы можно формулировать как необходимость теснейшей увязки теории и практики и углубления качества нашей научной работы. Само собой разумеется, что беспощадная борьба с малейшими попытками ревизии марксизма-ленинизма всегда должна быть в центре нашего внимания, ибо мы никогда не должны забывать, что мы прежде всего партийные работники.

В заключение пару слов о т. Деборине. Следует признать правильными замечаниями т. Скрынника, об ошибках т. Деборина, в особенности ошибочность предисловия т. Деборина к его старым статьям. Правда, часто бывает труднее переучиваться, чем учиться заново, но т. Деборину придется признать правильность ряда сделанных здесь замечаний и более критически подойти к своему прошлому. Именно беспощадное критическое отношение со стороны т. Деборина к своим прошлым ошибкам позволит ему успешнее помогать выполнению задач нашей партии в области философии. И я думаю, что в этом отношении оглашенный здесь ответ т. Ленина на запрос т. Ярославского по поводу т. Деборина заслуживает особого внимания. Позволю себе только напомнить, при каких обстоятельствах было дано согласие Ленина, чтобы т. Деборин был преподавателем в Свердловке. В то время я был студентом Свердловского университета и по поручению нашей студенческой организации вел переговоры с тт. Ярославским и Преображенским, бывшими в то время секретарями ЦК, о возможности привлечения к работе Свердловского у-та ряда преподавателей, в том числе и т. Деборина. К подбору преподавателей относились очень строго. В массе своей преподавателями в Свердловке были руководящие партийные товарищи. Тов. Ярославский высказался тогда за привлечение Деборина и это было санкционировано т. Лениным. С тех пор т. Деборин несомненно не только близко подошел к нам, но даже принят членом партии. Этого мы не можем не учесть. Но мы не можем признать, что Деборин изжил все свои ошибки. Вот почему мне кажется, что ленинское замечание о т. Деборине не лишено значения и в наши дни. Думаю, что т. Деборин постарается осознать ошибки, которые ему здесь указывались. Это явится лучшей гарантией, что т. Деборин пойдет по пути более тесной увязки философии с нашими задачами социалистического строительства. Партийный же коллектив в этом должен оказать ему товарищескую помощь. Вот почему я считаю, что неправы те товарищи, которые вообще ставят вопрос об отстранении т. Деборина от работы в области философии.

Та шилли. Тов. Тимирязев, выступая здесь, должен был держать ответ—научила ли его чему-нибудь борьба с механистами (в лагере которых он занимает место руководства). Научило ли его чему-нибудь положение на философском фронте и развертывающаяся на нем большевистская самокритика? Можно со всей определенностью констатировать, что т. Тимирязев за это время ничего не понял в положении на философском фронте и ничему не научился. Он применил здесь старые методы—методы аллилуйщины. К сожалению, нельзя не отметить, что и так называемое философское руководство тоже вступило на путь аллилуйщины. Тов. Тимирязев заявлял, что выступает здесь потому, что философское руководство недооценивает Ленина и особенно потому,

что оно недооценивает его в области естествознания. Что верно, то верно. Но, т. Тимирязев, к вам в этом случае применимо больше, чем к кому-либо—«врачу—исцелился сам!» Нет большей недооценки Ленина как защита механистической методологии. С кем вы идете, т. Тимирязев? Что же вам неизвестно, как смотрит на Ленина Л. И. Аксельрод? Отмежевались ли вы от Аксельрод? Отмежевались ли вы от т. Сарабьянова, который стал на защиту неероглифической теории Плеханова против Ленина? Нигде вы не отмежевались, а здесь вы выходите с миной ортодокса поправлять философское руководство. Вы должны понять или хотя бы почувствовать, что последние политические события и оживление правых обязывают вас более четко выявить свое отношение к механистической методологии. А что вы делаете? Вы снова берете под защиту бухаринскую постановку вопроса о случайности. Ваше выступление в целом есть попытка под флагом критики философского руководства, прикрываясь защитой Ленина, протащить свой механистический хлам. Это по существу есть новая вылазка механистов. И в связи с этим нельзя не отметить того факта, что философское руководство ослабило удар по механистам, оно проходит мимо новых вылазок механистов. Такое отношение к механистам, теоретически ничем не оправдываемо а политически на данном этапе особенно вредно. Перехожу к нашей дискуссии.

На настоящем этапе философской дискуссии мы имеем нечто новое. Мы уже не слышим недоуменных вопросов—«что за поворота от нас вы требуете». Не так уже слышны возгласы со стороны философского руководства «Самокритика... Но... но». Знаменитое слепковское «но!» Не слышно криков, обвиняющих нас «в равнении на флюгера», в конъюнктурном марксизме и т. д. Под огнем большевистской самокритики эти лозунги спрятаны. Центр спора с проблемы поворота в общей ее постановке передвинулся на более конкретное понимание содержания поворота и способов его осуществления. И меня, по правде сказать, удивляет, что т. Деборин снова поднимает вопрос о том, кто раньше сказал о необходимости поворота? Меня также удивляет, что «философ поворота», т. Стэн, передержался на этой проблеме. Центр проблемы поворота теперь в том, что вы сделали за 8 месяцев в реализации поворота и консолидации философских кадров для этого дела? И как бы т. Карев ни резонировал здесь, что они «бывшее» «философское руководство»—вам от этого вопроса не уйти. И вот, товарищи, когда вы так поставите вопрос, то вы увидите, что в новых высказываниях и в деле философского руководства старина слышится, которая может быть резюмирована в двух положениях, проходящих красной нитью через все их высказывания. Первое—поворот на основе старой линии, который включает в себя формалистический уклон. Спрашивается, что же это за поворот? Второе—философское руководство в лице Стэна и Карева заявило, что оно против большевизации их философской работы, ибо нельзя иначе понимать их нападки на заявление т. Митина о необходимости большевизации работ философского руководства.

Что философское руководство аллюдирует в отношении реализации действительного поворота, это прощупывается по трем следующим направлениям:

Во-первых, в направлении понимания разработки центральной основной задачи настоящего времени—проблема разработки материалистической диалектики, во-вторых, в направлении выяснения истинного отношения философского руководства к Ленину как философу, что рельеф-

но находит свое выражение в проблеме—Ленин и Плеханов, в-третьих, в направлении понимания соотношения политики и философии в проблеме—партийность и философия. Не имея времени остановиться на всех этих направлениях, я остановлюсь на первом.

Как же понимает философское руководство задачу, которую поставил и определил Ленин еще в 1922 г. для журн. «ПЗМ»? Для разработки материалистической диалектики Ленин рекомендовал для данного этапа следующий путь: «Должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял в своем «Капитале» и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом... (Ленин рекомендовал изучать диалектику на Марксе, философское руководство часто это забывало). Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятию диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами в применении диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много». Из этой цитаты, прежде всего следует сделать такие три вывода: первый—Ленин отмечает здесь наличие материалистической диалектики у Маркса. Это элементарно, но это именно отрицается т. Бухариным и т. Каревым. Бухарин писал: «Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в действии, т. е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого и его такого же теоретическо-систематического, обоснования. Это и даётся теорией равновесия» («Атака», с. 118). Теория равновесия по Бухарину освобождает мировоззрение от телеологического привкуса.

Карев писал: «Маркс был великим знатоком Гегеля, и смешно думать здесь о каком-то перевороте в марксизме в результате усвоения нашим поколением богатств «Науки логики», но теории диалектики, абрис, который собирался, но не успел дать Маркс, мы до сих пор не имеем, надо разрабатывать ее, надо искать» («ПЗМ» № 4—5 за 1924 г., с. 247). Бухарин говорил, что мы не имеем систематического теоретического изложения материалистической диалектики, Карев же заявляет больше того, что мы не имеем контуров, первых набросков материалистической диалектики, и Карев, подобно Бухарину, начинает искать и находит. «По определению Энгельса и Ленина,—говорил он,—гегелевская философия была материализмом, поставленным на голову. Материалистическим в ней был именно метод» («ПЗМ», № 8—9 за 1925 г., с. 8). В гегелевской диалектике материалистическим был именно метод. Карев, найдя это положение, ничтоже сумняшеся, спешит дополнить Маркса Гегелем. Так, в «Большевике» (№ 10 за 1924 г., с. 56) он пишет: «Увлечение Гегелем-диалектиком было совершенно законной и необходимой реакцией на оппортунистическое пренебрежение им большинства теоретиков II Интернационала. Но вместе с тем как революционные марксисты во главе с Лениным искали в Гегеле дополнение (!) к Марксу (какая недооценка Маркса, какая клевета на Ленина!)... меньшевики искали в Гегеле противоядие марксовской теории государства (Кунов), а буржуазные апологеты—орудие

против марксизма в самом его фундаменте». Итак, товарищи, азбучный вывод, вытекающий из ленинской постановки, Бухариным и Каревым отрицается, именно с их точки зрения Маркс и Энгельс не имели материалистической диалектики. Бухарин, обманутый, как говорил Ленин, Богдановым, спешит дополнить марксову диалектику теорией равновесия. Карев, обманутый Гегелем, спешит дополнить марксову диалектику гегелевским методом. Оба по сути дела ревизуют марксизм и ревизуют его в основе, именно в методе. Кто же, т. Стэн, не только забывает марксизм, но и ревизует его? Не надо забывать, товарищи, что бухаринская установка широко раскрывает двери механизму, а каревская — формализму.

Второй вывод, вытекающий из ленинской установки, — это тот, что при разработке материалистической диалектики Ленин в отличие от философского руководства рекомендует в качестве исходного и опорного пункта не диалектику Гегеля, а марксову диалектику. У нас же на практике нашей учебы центр тяжести был на Гегеле, до Маркса и не добрался. С этим надо покончить.

И наконец третий вывод из ленинской установки в разработке материалистической диалектики, который особенно полезен для Стэна. Ленин и в разработке материалистической диалектики остался величайшим диалектиком. Верный своему приему выделения основного звена в цепи, он на данной стадии разработки материалистической диалектики ориентирует нас на Маркса и на современность, на актуальные проблемы переходного периода. Философское же руководство, метафизически противопоставляя разработку материалистической диалектики повороту к актуальным проблемам переходного периода, ориентирует эту разработку на «феноменологию духа» Гегеля и на первобытное мышление.

Заканчивая, скажу, что поворота нет и нет доброй воли к его реализации. Философское руководство занимается клеветой, приписывая нам желание «похерить» Гегеля. Мы боремся не против Гегеля, а за марксистско-ленинский подход к нему. Мы боремся против формализации марксизма-ленинизма дополнениями Гегеля. Мы за ленинское понимание разработки материалистической диалектики. У нас же за клеветническими обвинениями нас в теоретическом ликвидаторстве происходит действительная ликвидация революционно-критической действенной марксистско-ленинской теории. Перед вами два выбора: или продолжать свое беспринципное резонирование и фразерство по поводу поворота, или же набраться «физической силы ума» и твердости характера, признать свои ошибки, исправить их и перевернуть вместе с философскими кадрами новую страницу поворота. Выбирайте!

Арисьян. Товарищи, если присмотреться к тому положению, которое у нас сейчас имеется на философском фронте, то можно сказать, что здесь как и во всех других областях борьбы партии мы имеем двойное отклонение от генеральной линии нашей партии, от правильной ленинской линии. С одной стороны, мы имеем правоопортунистическое отношение к повороту на философском фронте, который совершается и должен быть совершен. С другой стороны, мы имеем также «левацкое» отношение к этому вопросу. Правоопортунистические позиции по существу занимает наше философское руководство, которое задерживается на пройденном этапе, превращает все слабые стороны пройденного этапа в принципиальные положения и грозит тормозить этот поворот, фактически свести развитие марксистской мысли с того пути, на который она должна стать. Но вместе с тем мы имеем здесь также и «левацкие» группировки, о которых нужно говорить, ибо если мы не будем вести соответствен-

ную борьбу с этими группировками, то мы ослабим борьбу с философским руководством, ослабим борьбу с теми, которые тащат нас назад.

Обращаясь к позициям нашего философского руководства, надо отметить, что, правильно ухватившись за основное звено борьбы за марксистско-ленинскую философию, за материалистическую диалектику на прошлом этапе, ведя в основном правильную теоретическую линию, оно вместе с тем допустило ряд грубых ошибок, извращений, без решительного признания и преодоления которых оно не может занимать правильные позиции и на данном этапе. Между тем все выступления товарищей в последние месяцы и в частности содоклад, представленный т. Дебориным, здесь свидетельствуют о том, что наши товарищи, руководители философским фронтом, не намерены этого делать и, вообще говоря, не понимают, в чем основное звено поворота. Поэтому мне кажется, что вполне правильно поступила ячейка Ин-та философии Комкадемии, признав содоклад т. Деборина непартийным и осудив его.

Основным недостатком, принципиальным пороком в нашей философской работе за прошлый период (да и до сих пор) является то отставание, тот отрыв от практики, который ныне так болезненно дает себя чувствовать во всех областях теоретической работы. Вернее будет сказать, что нигде это отставание теории так явно не перерастало в отрыв от партийной практики, от практики социалистического строительства, как именно в области философской работы. Это обстоятельство чрезвычайно угрожающе: поэтому партия через свой ЦО считает необходимым предупредить наш философский фронт относительно тех последствий, которые неминуемы, если положение не будет исправлено самым решительным и коренным образом. И этот отрыв теоретической работы от революционной практики пролетариата, от практической борьбы пролетариата за строительство социализма, отрыв, частично загнавший нашу теоретическую работу в тупик, отрыв, грозивший свести нашу теорию с пути марксизма-ленинизма, — особенно остро сказался на том историческом перевале, на который вступила наша революция ныне. И когда партийные организации бьют по этому поводу тревогу, когда партия со страниц ЦО указывает на эту серьезнейшую опасность, выступают товарищи Деборин, Карев, Стэн и другие с клеветническими заявлениями, что мол «идет наступление на теорию» и что им, якобы, приходится защищать марксистско-ленинскую теорию от нападков на нее со стороны «ползучих эмпириков», «эклетики» и т. д.

Что при этом повороте оживают всякие чуждые элементы, всякие враждебные генеральной линии партии в области теории тенденции, которые, часто прикрываясь словесным признанием теории, на деле стремятся провести чуждую большевизму установку на эклектизм, ползучий эмпиризм и т. п. — это конечно верно, с этим бороться надо, и партия решительно борется с этими тенденциями, но просто преступно со стороны наших «руководителей» подозревать наши партийные организации и ЦО в фактической пропаганде ползучего эмпиризма, в недооценке марксистско-ленинской теории. Тг. Деборин, Карев, Стэн и другие должны понять, что настоящий этап революции ставит перед нашей теорией специфические задачи, что, проделав определенную работу, мы должны перестроить принципы нашей теоретической работы, подняв ее на более высокую ступень для того, чтобы двигать вперед теорию. Товарищи должны понять, что главную опасность на настоящем этапе борьбы за марксистско-ленинскую философию представляет та по существу правоопортунистическая позиция, которую заняло наше «философское руководство». Главную

опасность для нашей теории представляет тот разрыв, который образовался между нашей философской теоретической работой и практикой революционной борьбы пролетариата.

Тов. Деборин здесь говорил, что он раньше всех понял необходимость увязки теоретической работы с практикой социалистической революции.

В таком же духе выступали и товарищи Стэн и Карев. Особенно т. Карев здесь стремился показать, что он вполне осознает те особенные задачи, те новые проблемы, которые ныне становятся перед философами-коммунистами. Но основной мотив всех выступлений этих товарищей за последнее время сводится к тому, что эпоха ставит перед коммунистами-философами как центральную задачу разработку теории материалистической диалектики и что им приходится по существу отставать это перед блоком различного рода эклектиков, позитивистов и т. д. Они никак не могут понять, что расхождения между нами и ими идут не по этой линии, а по линии вопроса о путях и методах разрешения этой задачи, о путях и методах дальнейшего развития нашей философской мысли.

Ленин неоднократно указывал на то, что учиться марксизму и тем более двигать марксистскую теорию вперед, невозможно книжным путем без органического сочетания теоретической работы с революционным практическим изменением мира. Если же оглянуться на ту традицию, которая создавалась у нас за последние годы в области философской работы, то приходится констатировать определенный разрыв между нашей теорией и социалистическим строительством, определенный разрыв между ней и нашей партийно-политической практикой.

Опасность здесь усугубляется тем, что наши руководящие товарищи не понимают и как будто не хотят признавать этого. Больше того, они делают даже попытку теоретически доказать нормальность такого ухода теории в себя, такого академизма и аполитизма в теоретической работе. В самом деле, т. Деборин здесь говорил, что та теоретическая борьба, которую они вели в течение ряда лет с механистами, уже сама по себе есть борьба политическая, борьба за генеральную линию партии. Не говоря уже о том, что в этом утверждении грубо, механически отождествляются политика и теория (в чем т. Стэн обвинял своих и т. Деборина противников), в нем дается оправдание тому факту, что наша философская мысль в лице группы руководящих тт. разрывала в последние годы с действительной партийностью. Надо прямо сказать, что такая непартийная, аполитичная, академическая установка, которую имеют и отстаивают наши товарищи из философского руководства, очень симптоматична. В истории бывало не раз, что те или иные интеллигентские группы, те или иные «критически мыслящие личности» находили под сенью «чисто теоретической работы», в эмпириях «чистой теории» убежище от той ожесточенной непосредственной классовой борьбы, которая велась вокруг них. Надо прямо сказать, что в значительной мере это имело и имеет место и у нас на философском фронте, и если это положение не будет разоблачено и искоренено, то оно будет являться величайшим тормозом для развития марксистско-ленинской теории, величайшей опасностью для ее чистоты. Ведь имеющий место отрыв философии от политики, от практики борьбы за строительство социализма, за генеральную линию партии против всяких отклонений от нее и являясь наиболее действительным путем проникновения враждебных марксизму-ленинизму влияний. Ведь это является тем основным каналом, по которому проникает в нашу среду формалистический, идеалистический уклон.

Сошлюсь для иллюстрации только на один факт, на наше отношение к Канту и кантианству.

В свое время механист Боричевский выступал на страницах «ВСА» со статьей, в которой он огульно охалвал Канта, называя его невеждой, мистиком и т. д. Тов. Деборин написал ответную статью и в этой статье счел возможным ограничиться доказательством, что Кант не был мистиком и что он знал больше Боричевского. Затем уже сравнительно недавно т. Деборин выступил с пространной статьей по вопросу о диалектике у Канта на страницах «Архива Маркса и Энгельса». В этой статье т. Деборин, увлекшись исканьем диалектических моментов в учении Канта, в значительной мере абстрагируется от агностицизма Канта, на который особенное ударение делают Энгельс и Ленин. В статье же «Маркс и Гегель» т. Деборин пишет о Канте в восторженном тоне, выставляет его чуть ли не величайшим революционером мысли в новое время, якобы покончившим с метафизикой, с основными понятиями религии, совершенно забывая, что Кант дал новое «критическое» обоснование тех же основных метафизических религиозных понятий, игнорируя то важнейшее обстоятельство, что кантовский критицизм подводил более утонченную философскую базу под религиозную идеологию. Здесь не место для детального теоретического разбора этих вопросов. Я здесь хочу только обратить внимание на ту установку, которая дана т. Дебориным в отношении Канта, а следовательно и кантианства. Ведь ясно, товарищи, что такая установка особенно вредна в наших условиях, на данном этапе нашего развития, когда формализм становится серьезной опасностью, когда формализм становится основным теоретическим каналом, по которому пробиваются идеалистические, буржуазные влияния на марксизм. Ведь, т. н. рубинщина, не только в области экономической теории, есть в значительной мере именно неокантианство, наряженное в диалектическую и марксистскую фразеологию. Разве можно давать такую установку в отношении критицизма, когда кантианство является теоретическим знаменем современной контрреволюционной социал-демократии? Надо признать, что за так называемым «синтетическим охватом» Канта в значительной мере проглядели метафизический характер его концепции, проглядели ту огромную реакционную роль, которую играет в настоящее время кантианство как в области специальных естественно-научных и обществоведческих дисциплин, так и во всем идеологическом арсенале буржуазии и ее приспешников в целом в борьбе с революционным пролетариатом, в борьбе с марксизмом.

В области исторического материализма, если присмотреться внимательно к нашей литературе, можно найти сколько угодно формалистических концепций. Не говоря уже об известных работах т. Тумянского, Ефимова и др., у которых механический материализм во многих пунктах чудно переплетается с формалистически-идеалистическими положениями и обратно, формализма достаточно много и там, где его в нашей среде не принято обыкновенно искать. Возьмите например статью т. Удальцова о классах в I кн. «Архива Маркса и Энгельса». Разве это не образец чисто формалистической трактовки этой важнейшей для нас категории исторического материализма? Повторяю, при внимательном отношении можно найти немало по существу формалистических, но прикрытых революционной фразеологией работ по вопросам исторического материализма у наших товарищей. С этими идеалистическими тенденциями в наших теоретических сферах, как и с открыто идеалистическими учениями, у нас или совсем не велась никакая борьба, или же ве-

лась очень незначительная и ничтожная борьба. Ведь это же факт, что мы долгое время ложно ориентировались нашим руководством в отношении рублинщины, ведь это факт, что мы проглядели такого маститого нашего врага-идеалиста, как Лосев. Это надо открыто признать, сознать до конца, если мы действительно думаем совершить поворот на философском фронте.

Эта слабость нашей борьбы с идеализмом приобретает особенно угрожающий характер, особенно опасное значение в настоящее время ввиду того, что религиозные воззрения и их теоретико-познавательная база, идеализм, в различных своих вариациях ныне оживляются. В частности в нашей стране на фоне обострения классовой борьбы это важнейшее оружие в руках капиталистических классов в борьбе с развернутым социалистическим наступлением пролетариата.

Именно поэтому на данном этапе нашей революции борьба с идеализмом и со всеми его отражениями в нашей среде приобретает особенно острое, актуально-политическое значение. Лозунг борьбы на два фронта в теории вообще, в философии в частности, составляет одно из основных звеньев поворота на философском фронте. Поэтому кажется смешным, когда т. Карев пытался здесь смазать явную слабость и неудовлетворительность борьбы с идеализмом указанием на то, что в продолжение почти 13 лет после Октябрьской революции нашими философами написано около десятка статей против некоторых направлений современного идеализма.

Возвращаясь к основному вопросу, в заключение я должен подчеркнуть, что основной вопрос поворота на философском фронте сводится к установлению действительной связи нашей теоретической работы с практикой социалистического строительства, с практикой международной революционной борьбы пролетариата.

Надо самым тесным образом связать нашу теоретическую работу с практическими задачами соцстроительства и борьбой за генеральную линию партии.

В заключение несколько слов о самокритике.

Тов. Деборин здесь бил себя в грудь, убеждая аудиторию, что он 100%-й сторонник самокритики. Однако все то, что он говорил и писал за последние месяцы, весь его содоклад, представленный президиуму Комакадемии, и особенно все практическое поведение его и его сотрудников за последнее время служат ярким доказательством обратного.

Живой иллюстрацией этому служит отношение, проявленное «философским руководством» к известной троцкистской работе т. Карева. Член партии, т. Карев, в момент самой ожесточенной борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией выступает против партии, он не находит ничего лучше, как теоретически обосновывать враждебную ленинскому троцкистскую установку по вопросу об отношении пролетариата к крестьянству. Тов. Карев дает теоретическое обоснование троцкистскому пониманию переходного общества. А как относятся к этому факту товарищи из «философского руководства»? Они палец о палец не ударяют для разоблачения антиленинской, антипартийной концепции т. Карева, они и не думают вести партийную борьбу на философском участке, наоборот, они объективно помогают Кареву, популяризируя его как философа, и замалчивают антиленинскую суть его выступления. Но ведь ясно, что если т. Деборин того времени и имел некоторые основания для такого непартийного поведения, то другие наши товарищи, как и т. Деборин впоследствии, обязаны были это сделать. И вместо того,

чтобы честно, по-партийному, признать эту свою крупнейшую политическую ошибку, товарищи из философского руководства находят возможным после долгого молчания выступить с замаскированной защитой этих позиций Карева в первом тексте ответа «десяти» на выступление ЦО, а после указания нашей ячейки на недопустимость, антипартийность такого поведения, трусливо выпустить соответственное место из статьи, и все-таки открыто не осудить этой ошибки, не отмежеваться от нее так, как полагается партийцам.

Суть дела заключается в том, что ни т. Деборин, ни его соратники не рассматривают философскую работу как одну из областей партийной работы, не понимают сути большевистского отношения к теории, не понимают большевистской непримиримости в борьбе за генеральную линию партии. Нам нужна не такая беззубая, академическая «самокритика», а нам нужна решительная большевистская самокритика, не смотря на лица, как основной метод нашей работы, как политическое оружие в теоретической борьбе за чистоту марксистско-ленинской философии. Этого вот не понимает т. Деборин, иначе он не клялся бы в любви к самокритике, с одной стороны, и не выступал бы развязно непартийно против самокритики, ведущейся на страницах ЦО и в наших парторганизациях.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ДЕБОРИНА

Деборин. Товарищи, первый отклик мой принадлежит выступлению т. Ярославского и т. Скрышника. Тов. Ярославский и т. Скрышник говорили здесь об одной моей статье, напечатанной в 1908 г. в «Голосе Социал-демократа». Тов. Ярославский считал ее почти целиком. В этой статье я тогда, в 1908 г., отождествил богдановскую философию с философией большевизма и позволил себе ряд политических выпадов против большевиков. Эти выпады целиком вытекали тогда из того, что я находился в лагере противников большевиков — в лагере меньшевиков. Хотя это само собой разумеется, но я должен здесь со всей силой подчеркнуть, что я целиком согласен с самым резким осуждением, с самой резкой квалификацией, какую только большевик-ленинец может дать этой статье, никаких на этот счет расхождений у меня с т. Ярославским или с т. Скрышником нет. К этому я прибавлю, что я отношусь не только к этой статье, но и ко всему своему меньшевистскому прошлому с той же оценкой и с тем же осуждением, с каким т. Ярославский и т. Скрышник отнеслись к этой статье.

Разрешите теперь перейти непосредственно к той дискуссии, которая здесь имела место, и к тем вопросам, которые на ней стояли. Мне кажется, что необычайный интерес, который проявлен к этой дискуссии, свидетельствует об огромном значении и роли философии у нас.

В настоящий момент философская дискуссия приобретает еще более острый характер в связи с теми внутрипартийными событиями, которые мы в настоящее время переживаем. Текущий политический момент характеризуется тем, что внутри партии сложился антипартийный право-«левый» блок из элементов правого оппортунизма и «левых» загибщиков. Нет никакого сомнения, что партией, — как это показала история развития всех уклонов, всех течений, которые выступали и боролись против генеральной линии партии, — и этот беспринципный оппортунистический блок будет разгромлен. Современный момент чрезвы-

чайно обостренной классовой борьбы и развернутого наступления социализма по всему фронту требует, как никогда, железного большевистского единства нашей партии и принципиальной ленинской четкости в области теории и практики.

Мы, поэтому, считаем необходимым, чтобы товарищи, которые в прошлом допускали ошибки «левого» порядка (я имею в виду тт. Стана и Карева), со всей содостью и большевистской прямоотой отмежевались от право-«левого» блока.

Переходя к ошибкам так называемого «философского руководства», я должен начать прежде всего со своего содоклада. Мой содоклад я считаю ошибкой, ибо я опять продолжал ту линию, которая выражалась в том, что я главным образом пытался критиковать те или иные ошибки отдельных товарищей в их выступлениях, но не ухватился за тот политический смысл, который имели все их выступления за последнее время, начиная с апреля—мая 1930. Вместо того, чтобы заострить в своем содокладе все внимание на политическом смысле момента, в чем и заключался гвоздь вопроса, я в своем содокладе уделил все свое внимание философской полемике с т. Милутиным, позволяя себе при этом неподходящий тон и обвинения, которые в целом не содействуют действительности. Суть дела заключается в том, насколько наша философская линия в прошлом была связана с актуальными задачами, с актуальными вопросами, которые выдвигаются партией, и каково было наше участие в боевой защите генеральной линии партии. Речь шла и должна была идти не о тех или иных теоретических ошибках, которые допускались докладчиком или товарищами, выступавшими против нас, а суть дела заключалась и заключается именно в политическом смысле и характере того поворота, перед которым мы стоим.

Деятельность философского фронта и «философского руководства» на прошлом этапе складывалась из следующих основных моментов: 1) борьба с механистами—это признается всеми одинаково правильным, 2) борьба с методологическими основами правого уклона, 3) борьба за материалистическую диалектику, за ее разработку, что тоже признается правильным; 4) борьба за методологическое овладение естествознанием и пятый момент, который был упущен, но который фигурирует все же в целом ряде резолюций,—это то, что «философское руководство» шло по линии все большего, и большего усвоения и осмысливания Ленина.

Если взять, с одной стороны, механистов, а, с другой стороны, нашу линию, то механисты целиком и полностью отгаивают ошибки Плеханова. В этой борьбе механисты как раз противопоставляли себя нам. Они нас считают ревизионистами за то, что мы противопоставляем Ленина Плеханову. Вот что писал т. Сараяннов в своей книге—«В защиту философии марксизма»:

«Деборинцы вынуждены противопоставлять одних классиков диалектического материализма другим, как в свое время ревизионисты II Интернационала противопоставляли Энгельса Марксу; как Богданов и пр. эмпириокритики противопоставляли Энгельса Плеханову, так ныне деборинцы проделывают ту же процедуру с Плехановым и Лениным. Нечего и говорить, что по существу вопроса, по всем основным проблемам марксистской философии между Лениным и Плехановым, как их учителями, нет ровню никаких разногласий».

Дальше у Сараяннова следует обычное, откровенное извращение

Ленина, попытка доказать, что Ленин стоял на точке зрения плехановских иероглифов, попытка доказать, что мы возвращаем и извращали Ленина, поскольку мы в этом вопросе, как и во многих других вопросах, противопоставляли Ленина Плеханову. Таким образом, механисты по всем вопросам никакой разницы между Плехановым и Лениным не видят, в основном воспроизводят в области философии плехановские ошибки, и нас квалифицируют как ревизионистов именно за то, что мы противопоставляем Ленина Плеханову там, где это нужно.

Я хочу этим подчеркнуть еще раз, что если нами и были допущены те или иные отдельные ошибки, то все же не следует забывать, что мы шли по линии охвата, понимания, приближения и т. д. к Ленину; это является одним из существенных ингредиентов так называемой старой философской линии. И тем не менее, товарищи, несмотря на то, что эти основные элементы старой линии не могут быть вычеркнуты, а речь может идти только о дальнейшем их развитии,—в каких формах, об этом сейчас говорить не буду,—мы допустили в своей прошлой работе целый ряд политических ошибок.

С места. И теоретических.

Деборин. Эти ошибки диктовались,—нужно это признать, эти ошибки (ошибки в отношении троцкизма, ошибки в отношении рубинщины, и целый ряд других ошибок, о которых я вкратце скажу) вытекали из основного порока, которым страдала наша линия. Этот основной порок—известный отрыв от актуальных задач социалистического строительства. Мы действительно страдали не столько формализмом, сколько академизмом.

Отставание всей теоретической мысли от революционной практики, констатированное т. Сталиным на конференции аграрников-марксистов, в одинаковой степени относится и к философскому участку фронта. Из этого отставания теории от нашей революционной практики, из разрыва между теорией и актуальными задачами социалистического строительства вытекают, как мне представляется, все те ошибки, которые были сделаны нами в прошлом, и в особенности те ошибки, которые были сделаны нами за последние месяцы.

Прежде всего о повороте и самокритике. Поворот должен был заключаться в обращении лицом к актуальным задачам, в соответствующей перестройке рядов в целях освещения и изучения актуальных проблем социалистического строительства, с одной стороны, и решительного проведения партийности в области философии, с другой стороны.

Проблема партийности философии действительно недостаточно ясно осознавалась многими и в частности «философским руководством», которое не сумело из правильного понимания партийности философии сделать определенные практические выводы в своей работе. Смысл поворота заключается именно в этих основных узловых звеньях, в этих основных узловых линиях, т. е. прежде всего в необходимости обратиться лицом к актуальным задачам социалистического строительства, с другой стороны, к тем задачам и к той борьбе, которую ведет партия повседневно.

В связи с этим естественно встал вопрос о необходимости широко развернутой самокритики. Проблема самокритики, которая встала перед нами, философским руководством не была понята полностью и сразу во всем объеме.

Так называемое «философское руководство», как я уже говорил,

увлеклось критикой тех или иных ошибок, действительных ошибок, которые сделали критики. Но как я уже говорил, не в этом заключалась суть дела—гвоздь вопроса. И вот, увлекшись этой стороной дела, так называемое «философское руководство» сделало в дальнейшем ряд ошибок. Прежде всего основная ошибка заключалась в том, что философское руководство не оказалось способным возглавить самокритику, не оказалось способным взять на себя инициативу самокритики.

Сделали это другие, которые выступили на страницах нашей печати с жесткой критикой по адресу философского руководства. И вот, опять-таки и здесь, увлекшись не той стороной дела, которая являлась самой важной и основной, «философское руководство» сделало грубейшую политическую ошибку, напечатав письмо десяти на страницах «ПЗМ». Это была крупная ошибка, ибо это выступление объективно означало противопоставление себя центральному органу партии, в котором было напечатано выступление «трех» и с которым в основном центральный орган согласился.

Вся наша работа в прошлом страдала, с одной стороны, известным отставанием от актуальных задач социалистического строительства, с другой стороны,—недостаточной и малой политической заостренностью работы философского фронта. И вот отсюда, как определенное следствие, вытекают все те ошибки, которые были сделаны нами на прошлом этапе нашей работы. Самой крупной ошибкой, которая означает прорыв в нашей философской работе, прорыв в нашей линии, которая в основном была правильной,—это то, что нами не была дана развернутая критика троцкизма. Конечно это обстоятельство нельзя рассматривать как какое-то простое случайное упущение, которое связано было с отвлечением сил на борьбу с механистами.

(Этот факт является также выражением того отставания философского фронта от актуальных задач, которые мы подчеркнули выше. В решительной борьбе, которую партия вела против одного из опаснейших врагов партии, философский фронт не поставил своих кадров на службу партии. Нельзя скрывать от себя также и того, что это отсутствие борьбы с троцкизмом приобретает особое значение для так называемого «философского руководства» еще и потому, что в рядах руководящих кадров были товарищи, которые делали политические ошибки, обнаруживали политические колебания или шли одно время с троцкистско-зиновьевской оппозицией, как например т. Карев. На «философском руководстве» и в первую очередь на тех товарищах, у которых были в этом отношении политические ошибки, лежала обязанность организовать борьбу с троцкизмом и заставить все кадры выступить с боевой защитой генеральной линии партии. Этого не было сделано и это конечно нужно признать одной из самых крупных ошибок «философского руководства».)

То же самое относится к вопросу о Рубинщине. Рубинщина есть сложившийся формалистически-идеалистический уклон.

Голос. Антимарксистская идеология.

Деборин. Это антимарксистская идеология. Формализм в системе Рубина получил некоторую законченность. Этот формализм означает разрыв или отрыв логического от исторического, самостоятельное движение категорий вне зависимости от реальных отношений действительности, отрыв вместе с тем от практических задач, от конкретных задач социалистического строительства. Я имею в виду не только одного Рубина, а имею в виду всех тех, кто в свое время шел вместе с Рубиным,

весь рубинский фронт. Что касается формализма вообще, то не надеюсь по этому поводу делать научных изысканий...

Голос. Вы требовали.

Деборин... потому что у Маркса и Ленина мы имеем в этом отношении вполне законченные взгляды, и поэтому достаточно заглянуть в сочинения Маркса и в сочинения Ленина, чтобы узнать, что такое формализм. Маркс говорит:

«Отвечаясь от всего конкретного, мы приходим к тому, что у нас остаются лишь логические категории, вещи представляют только узоры, для которых логические категории служат канвой. Весь реальный мир тонет в мире абстракций и логических категорий».

Эти соображения Маркса дают нам подход к тем вопросам, которые у нас стоят и будут стоять. По поводу «феноменологии духа» Маркс писал, что в этой «феноменологии» оставлены в стороне материальные, чувственные, предметные основы различных образов, отчуждаемых самосознанием. Поэтому вся разрушительная работа привела, в сущности говоря, к консервативной философии, так как подобная точка зрения предполагает, что предметный, чувственный, действительный мир побежден, коль скоро он превращен в мысленную вещь, в простую определенность самосознания». Отрыв абстрактных форм мышления, логических категорий от действительности, подмена логическими категориями материальной действительности,—вот одна из существеннейших сторон формализма. Формализм придерживается формальной схемы и пользуется ею для установления внешнего порядка. Логическая система в действительности же должна быть не чем иным, как отражением реального мира и его движения.

Ленин говорит, что логические формы и законы не должны стать пустой оболочкой. Он хвалит Гегеля за то, что тот понял, что логические формы и законы не являются лишь пустой оболочкой, а отражают объективный мир и его движение. И вот, когда эта пустая оболочка сама становится содержанием, то мы имеем явный формализм. Когда эта логическая оболочка, т. е. форма, ставшая самостоятельным содержанием, не отражает движения внешнего объективного мира, не связана с этим внешним миром, не является выражением отношений реального мира, то в этом случае мы вступаем на путь чистейшего формализма.

Чем опасен вообще формализм? Формализм опасен тем, что отвлеченные абстрактные категории, которые должны являться и являются выражением реальных отношений, поглощают конкретное своеобразие, поглощают специфический характер тех или иных реальных явлений; логические абстракции принимают в этом случае внеисторический характер. Вот в чем опасность формализма. Опасность его заключается в том, что абсолютизируют логическое, логическое превращается во внеисторическое и таким образом конкретный материальный мир и его отношения в нем исчезают.

Итак, возвращаясь к Рубину, надо признать, что его концепция в свое время не получила должного отпора со стороны философского фронта. Объясняется это опять-таки теми же самыми недостатками и ошибками, тем же основным пороком, о котором я говорил. Крупной ошибкой является та позиция, которая была занята «ПЗМ», когда он печатал статьи Рубина и его единомышленников без примечаний. Хо-

тя в вопросе о предмете полтэкономии философами, в лице Карева, была занята правильная позиция, тем не менее ни товарищем Каревым, ни другими работниками философского фронта не было дано полной оценки методологии Рубина как формалистической и идеалистической, не были вскрыты классовые ее корни и сама критика рубинщины не была увязана опять-таки с актуальными проблемами.

Само «философское руководство» отличалось известной замкнутостью, в результате чего получился отрыв от молодых философских кадров. На предшествующем этапе, когда все вместе шли против механистов, отстаивая единую линию, считалось самым важным сохранение единства фронта против общего противника; поэтому самокритики у нас не было. Это часто бывает, что, когда идут единым фронтом против общего противника, то замалчивают ошибки своих товарищей по борьбе. Это конечно имело место и на философском фронте.

И вот получилось, что философское руководство за последние месяцы в особенности, не поняв в должной степени своевременно всего объема и всего характера поворота, не осознав полностью политического смысла этого поворота, вступило в конфликт с нашими молодыми философскими кадрами, что является, конечно, для меня лично, в моей работе тоже одним из самых тяжелых переживаний, потому что вся моя деятельность была посвящена воспитанию молодых философских коммунистических кадров. Этот разрыв тоже свидетельствует конечно о неблагополучии в нашей собственной работе.

Вот вкратце те основные ошибки политического характера, которые я считаю необходимым здесь подчеркнуть.

Были сделаны в нашей прошлой работе, как здесь уже говорилось, наряду с политическими ошибками и теоретические ошибки.

Конечно я совершенно несогласен с той частью только что оглашенной резолюции, в которой говорится о том, что у Деборина имеется «гегелианский уклон», у Деборина одним словом имеются все мыслимые уклоны. Я думаю, товарищи, увлекаться не надо. Легче на поворотах.

Здесь например было объявлено чисто формалистическим произведением мое «Введение в философию диалектического материализма». Но, товарищи, Ленин знал эту работу, и на основании этой именно работы он рекомендовал меня в Свердловский университет в качестве преподавателя диалектического и исторического материализма и в Ин-т красной профессуры, не считая, повидимому, эту работу формалистической, ибо если бы Ленин считал эту работу формалистической, то как же формалиста он мог бы рекомендовать в качестве марксиста? Так что, товарищи, не увлекайтесь.

Разрешите мне вернуться прежде всего к тем теоретическим ошибкам, о которых здесь говорили. Я уже сказал в нескольких словах, каково расположение сил на теоретическом, на философском фронте в смысле понимания проблемы «Ленин и Плеханов». Я сказал и утверждаю это со всей ответственностью, что механисты целиком отстаивают ошибки Плеханова против Ленина, и мы в этом смысле вели с ними борьбу. Они нас квалифицируют и квалифицировали печатно и устно во всех выступлениях как ревизионистов, поскольку мы отстаиваем позицию Ленина и взаимоотношение между Лениным и Плехановым понимаем иначе, чем они.

Здесь товарищам указывалось на ту ошибку, которую я сделал в своей книжке «Ленин как мыслитель», где я писал: «Плеханов преж-

де всего теоретик. Ленин же прежде всего практик, революционер, вождь. Они друг друга дополняют». Отсюда, из этой ошибки (а я сейчас скажу об этой ошибке) был сделан вывод, который я тоже не принимаю, вывод относительно недооценки мною Ленина вообще. Свою ошибку я признаю, ибо действительно эти формулировки несомненно такого характера, что означают принижение или умаление Ленина как теоретика и как бы признание превосходства Плеханова в этом отношении над Лениным. А главное, что еще усугубляет эту ошибку,—это именно та фраза, в которой сказано, что эти оба мыслителя дополняют друг друга. Эта вторая фраза еще усугубляет неправильность и ошибочность первой фразы первого положения, ибо действительно, если так написать,—а оно у меня так написано,—то это означает признание Плеханова теоретиком, а Ленина практиком, революционером, вождем.

Я просмотрел все свои формулировки прежде, чем явиться перед вами, и считаю, что конечно эти формулировки совершенно ошибочны, и я просил Госиздат, где верстается новое издание этой книжки, к сожалению, не просмотренной и переработанной, о том, чтобы приостановить работу для того, чтобы сделать возможные еще исправления и изменения. Так что эту ошибку я признаю; в таком виде эта фраза означает недооценку Ленина как теоретика и как мыслителя.

Кроме этой книжки «Ленин как мыслитель» у меня есть целый ряд статей о Ленине, и имеется, как известно, мой доклад во Всесоюзной академии наук, где я доказывал и доказываю, что Ленин в области теоретического естествознания дал гораздо больше, несравненно больше, чем все крупнейшие теоретики—физики и философы, вместе взятые,—и я надеюсь, что это доказал. Так вот, если взять всю сумму того, что мною написано о Ленине, тогда вы поймете, что вышеприведенная формулировка—случайная ошибка и что она противоречит всей моей концепции, всей моей установке в отношении Ленина. Поэтому говорить о недооценке мною Ленина как мыслителя вообще совершенно неправильно, если не захотеть приписать и записать человеку то, чего у него нет.

Я не могу пройти мимо и того предисловия к «Ленинскому сборнику», о котором здесь тоже шла речь.

Хотя т. Адоратский старался передать факты так, как они были, и тем самым, так сказать, выступить в защиту меня, я должен сказать, что я не согласен с той точкой зрения, которую здесь проводил т. Адоратский в отношении Ленина и Плеханова. Я не согласен потому, что его точка зрения, относительно которой он полагает, что она сходится с моей точкой зрения, совершенно другая, она не идет по той линии, по которой иду я. Может быть со временем, когда эти вопросы будут подвергнуты обстоятельному обсуждению в нашей печати, в наших органах, может быть тогда меня убедят в том, что моя точка зрения неправильная, но сейчас, товарищи, я не могу так легко отказаться от тех или иных взглядов до тех пор, пока я их не осознал и не понял.

Товарищи, по вопросу о Ленине я указывал на то, что у меня эта формулировка насчет новой ступени, эпохи и пр. не случайна, что она связана у меня с целостным пониманием Ленина. В доказательство этого я приведу следующее место из других моих работ о Ленине. Я писал так:

«Великий мыслитель тем и велик, что он выдвигает новые прин-

щины, новые методы знания, диктуемые развитием общественной жизни». «Ленин самый крупный мыслитель современной эпохи, ибо мыслителем с нашей точки зрения является тот, кто в данную историческую эпоху выражает ее существенные «черты», ее движение, ее потребности, кто поднимает сознание на высшую ступень, кто ведет за собой массы к лучшему будущему, кто развязывает назревшие революционные силы, и кто осуществляет ту действительность, которая уже реальна, но которая еще должна быть освобождена от старой оболочки, ее окутывающей и связывающей».

Я привел только одну цитату в доказательство того, что та ошибочная формулировка насчет Плеханова и Ленина случайна и что вместе с тем у меня есть целостная концепция в понимании Ленина.

Что касается других ошибок, которые я могу сегодня указать, ошибок других товарищей из так называемого «философского руководства», то само собой разумеется, что та уже всем известная ошибка т. Карева насчет того, что «для переходного периода от капитализма к социализму существует, строго говоря, лишь один основной класс — пролетариат», что эта ошибка является ошибкой троцкистского порядка, она диктовалась непониманием роли крестьянства. Хотя т. Карев отказался от этой ошибки, но не дал развернутой критики этой своей ошибки, а ошибка редакции «ПЗМ» заключалась в том, что напечатала эту статью без примечания.

Есть и другие ошибки у т. Карева. Он сделал ошибку насчет характеристики метода Гегеля. Можно сказать, что эта ошибка формалистического порядка, но он от этой ошибки отказался и попытался в другой работе развернуть свое понимание гегелевского метода в смысле марксистском. Так что отдельные ошибки формалистического порядка были сделаны, но эти ошибки не составляют, как я уже говорил, уклона, или системы ошибок.

Я приведу еще ошибки т. Луппола, на которых я хочу тоже в нескольких словах остановиться. Тов. Луппола критиковали, но я должен сказать, — не для того, чтобы полемизировать с т. Ральцевичем, который критиковал эту книгу, — что они как-то подходили не с той стороны. Прежде всего я считаю ошибкой ту часть книги Луппола, которая посвящена проблеме пролетарской культуры. Я считаю ошибочной точку зрения т. Луппола, поскольку он занимает позицию полного отрицания пролетарской культуры.

Есть ошибки и другого порядка. Есть ошибки, которые можно считать формалистическими, но которые правильнее могут быть охарактеризованы как схематическое применение диалектики. Он пишет: «Войны империализма и пролетарских революций претерпевают лобовитную диалектическую эволюцию. Как в частности обстоит дело с Россией? Сперва — империалистическая война как продолжение политики буржуазии государственными средствами. Затем, как антитезис — превращение, стихийное для одних, сознательное для других — империалистической войны в гражданскую. Наконец синтез — перерастание гражданской войны, которую быть может правильно было бы назвать классовой войной, в войну революционную, т. е. вновь во внешнюю войну». (Смех). Такого рода диалектика конечно нас удовлетворить не может. Я считаю схематическим такое понимание диалектики, когда мы определенную диалектическую схему накладываем на исторические или какие-либо иные события.

Так как я почему-то несу ответственность вообще за все науки, в том числе и за естествознание (смех), то должен сказать в нескольких словах и по вопросу о естествознании. Кстати сказать, в той резолюции, о которой здесь говорили, я решительно никакого отношения не имел и не имею. Эта резолюция была принята по докладу О. Ю. Шмидта, и я даже членом этой комиссии не был. Так что напрасно все валют на мою несчастную голову. (Смех). Я принимаю то, в чем я действительно повинен, и не могу принять того, к чему я отношения не имею. Я конечно, не несу ответственности за естествознание вообще, я даже не несу ответственности за «Естествознание и марксизм». Членом редакции я не состою, никакого отношения к этому журналу не имею. В порядке самокритики я мог бы конечно очень жесткую критику навести на журнал «Естествознание и марксизм».

Голос. Почему же не говорите?

Деборин. Не могу обо всем говорить. Достаточно, если я на это указываю. Журнал «Естествознание и марксизм» идет по той же линии значительного отрыва от актуальных проблем, по которой шли все. (Смех). Но когда мы наводим критику, критику жесткую и т. п., не надо забывать и о достижениях. То же самое в отношении естествознания. Сказать, что только недостатками исчерпывается то, что сделано в области естествознания, было бы совершенно неправильно. Так подходить нельзя. Я например должен сказать, что все споры вокруг эволюционной теории, которые велись и ведутся, имеют огромное значение и подняли у нас теоретический уровень в сравнении с Западной Европой, в смысле понимания и разработки эволюционной теории, на гораздо более высокую ступень. Но вместе с тем надо отметить недостаточную увязку работы естествовников с проблемами социалистического строительства и недостаточное заострение полемики против идеализма.

То же самое я должен сказать в отношении книги Гессена. У т. Гессена была ошибочная формулировка, которая неправильно определяет соотношение материи, пространства и времени. Говорят, что и тут я повинен.

Голос. Нет?

Деборин. Да, я дал согласие со своей стороны на издание книжки Гессена, потому что считаю книжку Гессена полезной и в общем верной. Конечно эта формулировка неправильная, вероятно есть еще и другие неправильные отдельные формулировки, но в общем надо признать, что эта книжка является положительным явлением. Поэтому вообще быть против издания этой книжки у меня не было никаких оснований, поскольку я ознакомился с общей установкой автора. Правильно, что вообще следовало и следует относиться гораздо строже как к своим работам, так и к работам других, может быть к работам других еще более строго, потому что больше всего бьют часто за чужие работы. (Смех).

Так что из того, что я привел, можно говорить об отдельных формалистических ошибках, о некоторых формалистических тенденциях, но нельзя говорить о формалистическом уклоне. Это не доказано, а раз не доказано, то нельзя принять резолюции в таком духе. Сейчас необходимо сформулировать наши задачи в серьезном документе для того, чтобы можно было сплотить, мобилизовать, вокруг этой линии огромное большинство наших философских кадров.

Из основных положительных задач, которые сейчас стоят перед нами, нужно прежде всего отметить всестороннюю интенсивную разработку философии Ленина не на основании только его чисто философских работ, а на основании всего его литературного наследия, на основании всей его деятельности. Вот то центральное, основное звено, которое сейчас перед нами будет стоять в ряду положительных задач. Если я отвергаю обвинение в недооценке Ленина как теоретика, то конечно, со всей силой нужно признать, что наследство Ленина недостаточно разрабатывалось. В конце концов имеется всего только две—три книжки о Ленине. Я должен сказать, что это дело трудное, и охватить Ленина вообще во всем объеме—это колоссальная задача, но тем не менее это сейчас основное, что стоит у нас и должно стоять в порядке дня: необходима мобилизация кадров для этой ударной задачи, для всесторонней разработки философского наследия Ленина, для всестороннего освещения того нового, что Ленин внес в философию диалектического материализма как по сравнению с Плехановым, так и по сравнению с Марксом и Энгельсом, потому что Ленин жил в другую эпоху, и вот эта эпоха, выразителем которой он является, ставила перед ним новые задачи, которые непосредственно перед Марксом и Энгельсом не стояли. Если здесь не останавливаться подробно, а только бросить мысль, то можно сказать, что ленинский фрагмент «К вопросу о диалектике» имеет такое же значение для теории материалистической диалектики, как предисловие Маркса к «Критике политической экономии» для материалистического понимания истории.

В этом отношении он также является гениальным продолжателем Маркса и Энгельса. Что касается Плеханова, то у него вообще не было четкой установки в отношении теории диалектики. Об этом я неоднократно говорил и писал. Плеханов не понял основного значения для марксизма и для классовой борьбы как раз разработки революционной диалектики. Ленин говорил, что революционная диалектика является основным звеном в марксизме, и поэтому нужно разрабатывать эту диалектику со всех сторон, и поэтому она имеет сугубое политическое значение на каждом этапе нашего развития. Разработка теории материалистической диалектики должна вестись в основном (об этом я говорил в своем докладе) на ленинском и марксовском материале, с одной стороны, на революционной практике нашей партии, — с другой, и на всем том, что дала и дает нам вся новая эпоха, — с третьей стороны. Это конечно, отнюдь не исключает и более широкого исторического подхода к разработке материалистической диалектики, ибо теория диалектики связана неразрывно с историей человеческого знания и общественной практики.

Вторая основная задача—это разработка проблем переходного периода. На этом участке мы больше всего отстаем, и поэтому нужно бросить силы прежде всего на этот участок. По этому вопросу я тоже отсылаю к тому, что было мной сказано в содокладе.

С другой стороны, вся работа должна идти по линии решительного разоблачения маскировок, которые ведут к искажению и извращению марксизма-ленинизма. Наряду с открытыми вредительскими, контрреволюционными теориями, которые легко раскрыть в том смысле, что здесь мы имеем дело с открытым врагом, имеются более тонкие формы маскировки в области теории, которые требуют особой бдительности. В настоящее время особая бдительность и четкость теоретических и

политических установок на идеологическом участке диктуется крайним обострением классовой борьбы, которое является выражением наступления социализма по всему фронту. Необходимо усилить борьбу с социал-фашизмом и начать серьезную работу по линии борьбы с идеологией национал-фашизма.

Антирелигиозная пропаганда, о которой здесь совершенно справедливо говорил т. Ярославский,—этот участок фронта должен получить отражение прежде всего в том документе, который будет нами принят и, с другой стороны, в той практической дальнейшей работе, которая будет проводиться.

Необходимо укрепление связи философского фронта со всеми другими теоретическими фронтами—экономическим, историческим, с фронтом естествознания. Во всех этих положительных задачах должен ярко сказываться поворот, т. е. поворот в смысле проведения дальнейшей самокритики, с одной стороны, поворот в смысле обращения к актуальным задачам, с другой стороны, и поворот в смысле проникновения всей нашей работы партийностью. Философский фронт должен принимать активное участие в повседневной борьбе партии, под ее руководством, за генеральную линию партии против всех уклонов.

Необходимо также в дальнейшем поставить иначе вопрос относительно кадров. Интенсивная подготовка кадров, перестройка в этом отношении нашего руководства и привлечение к философской работе всех молодых сил,—это является одной из актуальнейших задач, которая должна стоять перед нами.

Резюмируя сказанное, я считаю необходимым подчеркнуть, что механистическая методология является на данном этапе главной опасностью. Но вместе с тем необходимо вести борьбу с формализмом, с формалистическими тенденциями, ибо формалистические тенденции в основном имеют стремление в будущем перерасти в теоретическую эмиграцию от конкретных условий действительности. Вот в чем основная опасность формализма. Поэтому с формализмом, с формалистическими тенденциями (а они у нас есть) необходимо будет вести решительную борьбу. Но при этом надо помнить, что мы не должны упускать из виду имеющихся симптомов развития эмпиризма и недооценки теории, которые у отдельных товарищей имеются. Это конечно также опасное явление.

Что нам дала вся дискуссия не только в этом зале, но вообще вся та дискуссия, которая ведется уже в течение нескольких месяцев? Эта дискуссия, с одной стороны, показала нам огромный интерес к проблемам философии, сознание того, что это есть один из основных, один из самых важных участков всего нашего идеологического фронта. Так как философскому участку приходится «писать законы» в общем и целом для всех дисциплин, то представители последних принимают в дискуссии активное участие. Эта дискуссия вместе с тем вскрыла наши недостатки и ошибки, и на этих ошибках и недостатках надо учиться.

Я уверен дальше, что основным достижением нашей дискуссии будет такой поворот, при котором философский фронт сумеет в полном боевом и большевистском единстве со всей партией сокрушить все враждебные марксизму-ленинизму силы, что философский фронт отдаст себя целиком на службу партии и будет со всей решительностью бороться за генеральную линию партии против всяких уклонов, откуда бы они ни исходили. (Аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. МИЛЮТИНА

Милютин. Товарищи, мое заключительное слово в значительной степени облегчено той дискуссией, которая прошла в течение этих вечеров у нас. Выступления целого ряда представителей научных дисциплин—экономики, истории, естествознания и т. д., ряда товарищей, как тт. Ярославский, Скрышник и др.—поставили и дали оценку тем задачам и той работе, которая проводилась на философском фронте. В общем и целом как эти задачи, так и оценка философского руководства совпали с той установкой, которая давалась в моем докладе, и с той резолюцией, которая мною предложена президиуму Комкадемии. В этом отношении моя задача облегчается также и тем заявлением, которое сделал т. Деборин сегодня в отношении своего содоклада, указав, что этот содоклад, во-первых, являлся ошибочным, и во-вторых, недопустимым по форме и не отвечающим действительности. Вы сами понимаете, что после такой характеристики содоклада очень трудно отвечать на целый ряд положений, которые были выставлены в этом содокладе. Но я полагаю, что если бы сопоставили содоклад т. Деборина с сегодняшним его заключительным словом, то несомненно целый ряд положений, которые выставил т. Деборин в своем содокладе, нашли бы решительное возражение в его сегодняшнем заключительном слове. Но здесь мы не имеем выступлений ряда других товарищей—мы не имеем нового выступления т. Стена, мы не имеем аналогичных заявлений т. Карева. Мы не знаем, насколько они так сказать произвели переоценку своих выступлений, а главное своей линии, которую они проводили. Остаются ли они на своих старых позициях, или действительно они пересматривают эти позиции, переоценивают свои утверждения, переоценивают свою линию? Этого мы не имеем, и поэтому приходится в моем заключительном слове дать и оценку выступлений тт. Стена и Карева.

Прежде всего центральным вопросом являлся вопрос о теории и практике, и я должен заявить, что и в заключительном слове т. Деборина, признавшего политические ошибки и категорически признавшего политические ошибки так называемого «философского руководства», все-таки был произведен отрыв этих ошибок от теоретических ошибок.

Голоса с места. Правильно.

Милютин. А это является неправильным. По ленинской теории, теория связана с практикой. Здесь, если политики делают ошибки, да еще люди, практикой которых является теоретический фронт, идеологический фронт борьбы, то как же они, делая политические ошибки и делая политические выводы в отношении этого, как они могут здесь отрывать эти политические ошибки от теоретических ошибок, от теоретических установок?

В этом отношении, повторяю, попытка защитить, отчасти скрыть свои старые теоретические позиции не должна быть нами допущена таким путем. Товарищи признали политические ошибки по целому ряду пунктов и прежде всего ту крупнейшую политическую ошибку, как сказал т. Деборин, что они не участвовали, не подходили к области социалистического строительства, к области борьбы партии с разного рода оппортунистами, правыми, «левыми» и т. д., а ведь это связано с тем, что в области идеологической борьбы, в области теоретической постановки они делали неверные установки по целому ряду теоретических проблем, в области троцкизма, в области рублицины

и т. д. Это не только политические ошибки, это не только политические промахи,—это является и теоретически ошибочным, принципиально ошибочным.

Товарищи, здесь я должен сказать следующее. Товарищи говорили, что основной ошибкой у Стена, у Карева и отчасти у т. Деборина в том его содокладе, который он теперь аннулирует, было то опасение, что мы теорию принизим. Подобные утверждения являются сущими пустяками, ведь основная ошибка была именно в том, что наше философское руководство, наша философская работа не была спаяна с практикой, а не наоборот. И если люди не понимают, что тот поворот, те усилия, которые мы делали, заключались в том, чтобы их повернуть на эту дорогу связи с социалистическим строительством, а они отбрыкивались от этого, то это является непониманием тех задач поворота, которые стоят на философском фронте. И разговоры о том, что наша дискуссия, наши устремления могут привести к опасности, что всякую теоретическую работу мы будем трактовать как формалистическую, как формализм,—это сущие пустяки. Любую теоретическую выдержанную работу, по какой бы отвлеченной теоретической проблеме она ни была, мы ее будем приветствовать. Тов. Деборин неправильно утверждал, что в проекте резолюции не было такой проблемы, как разработка теории материалистической диалектики. На первой странице у меня это сказано:

«Разработка теорий материалистической диалектики является обязанностью не только какой-либо отдельной группы специалистов-философов, или того или иного отдельного института, но задачей всех наших марксистско-ленинских научных учреждений». У меня это черным по белому сказано.

Товарищи, я должен здесь отметить еще одно выступление—это выступление т. Тимирязева. Я думаю, что это выступление никого из нас не удовлетворило. В этом смысле механисты,—а т. Тимирязев является видным представителем механизма,—остались на своих старых позициях, за которые их били, и по праву били. В этом отношении они до того еще устойчивы в своей заскорузлости, что они не отгородились даже от Аксельрод, не поняли своих ошибок, целого ряда крупнейших принципиальных основных ошибок, которые они делали в области понимания материалистической диалектики в разработке марксизма, ленинизма и т. д. В этом отношении механисты остаются на своих старых позициях. Сдвига у них не чувствуется. И им солидаризацией с самокритикой не удастся прикрыть своих правооппортунистических позиций, за это их надо будет разоблачать со всей решительностью.

Здесь я должен только отметить, что т. Деборин в расхождении с действительностью говорил, что я когда-то механистов защищал. Это неверно. Ни на первой, ни на второй конференции этого не было. Это неверно уже просто потому, что еще в 1912 г. мною во 2-м номере «Просвещения» была помещена статья против Богданова, и я получил письмо от Ленина в ссылке с полным одобрением,—он редактировал эту статью. С представителями механизма—а механизм уходит безусловно в богдановщину—у меня была всегда принципиальная борьба. Но что верно, так это то, что я на первой и второй конференции выступал против Деборина. Это верно потому, что те опасности, на которые я в своем докладе указывал, были для меня уже несколько раньше ясны. Теперь же началась развернутая критика философского

руководства не только с отдельных фронтов, но и с общего фронта всех научных дисциплин. И вот теперь только они вняли и признали свои ошибки. В этом свете забавно выглядит то, что нам приписывают задним числом, что мы были попутчиками. Помилуй бог, попутчиками мы не были в этой борьбе против механистов, механизм основное оппортунистическое течение, он является ошибочным, отрицающим по существу философию марксизма-ленинизма, и в этом отношении с механистами нужно дальше вести решительную борьбу, но это мы делали сами по себе, а ошибки Деборина и Ко падо также вскрывать, а не замазывать.

Товарищи. Я бы хотел сказать, что мы поворота не сделаем до тех пор, пока ясно и точно не скажем о тех задачах, центральных задачах, которые в современный период у нас стоят. В этом отношении т. Деборин неправ был в своем заключительном слове, когда говорил, что сегодня мы производим главным образом отрицательную работу, а не положительную. Это неверно. Нельзя отрывать точно так же эту отрицательную работу от положительной работы. Больше того, только на основе положительной работы мы можем оценивать и признание ошибок и необходимость поворота.

В чем сейчас центральная задача данного периода? Ведь вот Стэн, Карев и т. Деборин—они же обошли центральные вопросы современного периода, обошли и замолчали. Ведь весь вопрос заключается в том, что мы сейчас подошли вплотную к социализму. Против чего борются все оппортунисты, правые, «левые» и двурешники, которые сейчас имеются? Они отрицают, возможность построения социализма у нас, осуществление социализма в одной стране. Вся наша установка политическая, экономическая ведет к этому, к этой цели, к этой задаче, мы мобилизуем все силы, боремся с трудностями, несем колоссальные лишения для осуществления этого. Все оппортунисты не признают этой задачи, борются против этой задачи. Весь объективный ход, вся наша борьба подвела нас к разрешению этой задачи. Не только социалистическое строительство мы производим, но мы подошли вплотную к социализму, входим в социалистический строй. Мы осуществляем сейчас пятилетку, мы ставим всю нашу экономику на базу обобществленных средств производства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Это означает поворот в области техники, это означает поворот в области всей надстройки нашего общества, это означает новые закономерности нашего общественного развития, которые нужно освоить, осознать теоретически и разработать. Вот наша задача, и кто этого не понимает, тот не понимает поворота, который нужно сейчас производить. И сейчас правые и все оппортунисты потому и идут по другому пути, что они идут от этой задачи, они отрицают эту задачу, отрицают эти закономерности, держатся за закономерности периода с капиталистическими тенденциями развития, с капиталистическими закономерностями, с классовым расслоением капиталистического характера. И повторяю: кто этого не понимает, тот не понимает сущности нашего поворота, который нам необходимо сейчас произвести. В этом вся задача. И, повторяю, когда т. Карев выступал, его речь была интересна, была выслушана со вниманием, но эта речь примерно могла относиться и к первому периоду нэпа, и к военному коммунизму, и раньше еще. Те задачи, которые им поставлены, не учитывают той конкретной революционной действительности, в которой мы живем сейчас, строим, боремся. И он не учел прошлого.

Мы имеем и выступление Стэна, который начал с планетарных задач; он забыл с воздуха опуститься на грешную землю, боясь залачкаться на ней. Когда мы будем теоретически разоблачать троцкизм—с чего нам нужно начать? Разве не с этих прежде всего задач? А правый оппортунизм? Разве их философия не есть философия приспосабливаемости к капиталистическим тенденциям, имевшимся у нас? Разве их политика преодоления трудностей, которые у нас имеются, не принципиально отличается от той политики, которую мы ведем; разве их установки о положительных задачах не тянут нас назад и разве благодаря этому они не смыкаются с реставраторами капитализма у нас в СССР, с вредителями и т. д.? И борьба на идеологическом фронте должна быть боевой революционной борьбой именно по этим проблемам, по этим задачам. Тогда она будет настоящей борьбой, а не ученической.

Второе, товарищи, что точно так же совершенно обойдено нашими оппонентами. Ведь мы сейчас переживаем новые условия в нашей международной обстановке, и мы должны осознать это с полной ясностью и определенностью не только в области экономики, не только в области политики, но и в области идеологии, в области идеологической борьбы. Ведь для нас должно быть ясно, что сейчас передышка кончается. Борьба с мировым капитализмом вступает в новую фазу, идет подготовка к открытой борьбе. То, что мы сейчас имеем наступление мирового капитализма в смысле криков насчет советского демпинга, то, что мы имеем мероприятия сколачивания разного рода блоков и союзов капиталистических держав, то, что мы имеем стремление проведения своей агентуры сюда, внутрь страны, в виде вредительских организаций,—это связано одно с другим. Это связано с тем наступательным периодом, в который вступил капитализм по отношению к СССР.

Но разве это ограничивается только экономической и политикой, разве мы не видим и на идеологическом фронте такое же наступление, разве капитализм не будет точно так же стараться обманывать народные массы, как он старался уже с помощью крестового похода папы обмануть и выдвинуть этот фронт? Тов. Деборин забыл сообщить, что президиум Комакадемии постановил обязать Ин-т философии выступить по этому поводу. Ничего не было сделано. Тов. Деборин сообщил неверные сведения, что будто бы мы не напечатали какую-то резолюцию И-та философии в «В. К. А.». Но этот вопрос не стоял на обсуждении президиума, так что это фактически неверно. Но то, что было постановление, обязывающее Ин-т философии выступить по поводу этого—напского, так сказать—наступления, этого крестового похода, и что Ин-т философии этого не сделал—это было. И когда сейчас мы делаем поворот, как можно обойти эти задачи, как не понять этой современной конкретной действительности, накладывающей на всех нас обязанности жесточайшей борьбы против этого наступления? Это значит не гонять, в чем должен совершиться поворот, это значит выхолостить из этого поворота революционное значение.

Мы не хотим только формального признания ошибок и книжного поворота. Мы хотим действительного поворота в нашей теоретической работе. Может быть, мы окажемся недостаточно сильными, недостаточно повернемся—это другое дело. Ведь дело в том, что до сих пор делали в этом отношении принципиальные ошибки, и мы требуем здесь изменения политики, требуем партийности, а не только общих признаний, как мы часто теперь слышим, что «мы ошибаемся», «мы за

генеральную линию вообще», «будем идти вместе», «единство» и т. д. Но в чем это конкретно будет выражаться, позволить спросить? Вот этой конкретности мы и требуем. Ведь формалистические тенденции, которые признал т. Деборин,— правда мимоходом, посвятив этому по сравнению со всем докладом очень незначительное количество времени,— ведь формалистические тенденции именно и заключаются в этом. И они у Карева, у т. Деборина и у других товарищей. Так что, мне кажется, что здесь придется сказать, что это не было случайными ошибками, это несомненно была уже система определенных ошибок, т. е. определенный уклон, как т. Деборин согласился, говоря, что если система ошибок, то это есть уклон. Был неправильный уклон, надо в нем и признаться. Это не было только случайностью. Как же так в этой политике не было крупнейших ошибок, как же можно сказать, что это просто так навеяно, аллах его знает, откуда? Мне кажется, что такая постановка будет неправильной, нужно признать ошибочным этот уклон, нужно оный уклон исправить. Это пужно сделать, здесь мы все всячески поможем, потому что мы ведь действительно теоретическими силами страшно слабы; никто против этого не возражает, не закрывает глаза на то, что наши теоретические работы страшно слабы. Но если мы верно пойдем задачи этой работы, сконцентрируем на этой работе наши силы и внимание, мы сумеем бороться. Когда мы заостряем внимание на том, что имеется недооценка не вообще Ленина, а недооценка Ленина как философа, как теоретика, а т. Деборин признал в своем произведении только случайными опечатками, которые он исправил сейчас типографским путем. И тут т. Деборин напрасно ссылаясь на то, что это только опечатка, что даже его предисловие к Ленинскому сборнику т. Адоратский защищал. Тов. Адоратский уполномочил меня здесь заявить, что он отнюдь не защищал предисловия т. Деборина к этому сборнику. (Смех). И действительно, те замечания, те сообщения, которые т. Адоратский сделал относительно исправлений этого предисловия, не оставляет ни у кого сомнения, в чем соль и суть тех ошибочных установок, которые у т. Деборина были.

Я же буду говорить о том, что я лично продолжаю оставаться несогласным с т. Дебориным в трактовке разницы между Лениным и Плехановым, и как бы т. Деборин тут ни приводил разные теории относительно разных эпох, но ведь если он признает, что ленинская теория отделена от плехановской теории целой эпохой, то по существу это покрывает теоретические ошибки Плеханова. Ведь в этом вся соль, и тут никакое историческое забвение не должно нам служить поводом к прикритию этих ошибок. Мне представляется, что разница не только в разных эпохах, а разница и в тех теоретических ошибках, которые у Плеханова как у теоретика были. Постановка т. Деборина продолжает оставаться в этом вопросе неправильной.

Поэтому, товарищи, поворот, который мы должны совершить, мы можем совершить только на основе марксистско-ленинской теории, разработки этой теории, пропаганды ее, применения этой теории ко всей нашей действительности. Поэтому эти задачи нами поставлены во главу угла резолюции.

Если эти задачи не связать сейчас с конкретной действительностью, если их разменять только в общих положениях несколько отвлеченного характера, то мы действительно, настоящего поворота не совершим. Я думаю, что эта дискуссия, которая у нас прошла, по-

казала, что эти задачи осознаны раньше, чем философы это осознали, осознаны работниками других дисциплин и той частью философских работников, которые были связаны с этой действительностью. Осознание и сооставление революционной нашей практики социалистического строительства с той теоретической работой, которую вело философское руководство, осознание этих ошибок, указание их и то отношение, которое сейчас признается ошибочным в области самокритики, и отношение к раскрытию этих ошибок—крайне было показательно именно в смысле отставания нашей философской работы от практических задач и вопросов. Осознание ошибок и признание необходимости ведения теоретической работы в связи с теми задачами, которые я обрисовал, даст возможность действительного объединения тех сил, которые должны быть брошены на разработку этих вопросов. В этом наша задача. В этом задачи, которые перед нами ставит партия и которые мы обязаны выполнить. Позвольте на этом кончить. (Аплодисменты.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ТРОЦКОГО *

Кравчук. Товарищи, т. Новиков поступил в общем правильно, увязав критику методологии троцкизма с критикой методологии правого оппортунизма, поскольку в основном их методология тождественна, хотя между ними имеется спецификация. Тов. Беленкин неправ, направляя исключительно на различия методологии «левого» и правого оппортунизма. Указание на тождественные в основном методологические принципы «левого» и правого оппортунизма и на их тождество социально-классовой природы — объясняет нам и то, что в настоящее время троцкисты «критикуют» генеральную линию нашей партии оружием, взятым из арсенала правого оппортунизма.

Доклад т. Новикова очень содержателен и богат фактическим материалом. Но докладчик не поднялся на определенную высоту, подошел к вопросу ползуче-эмпирически. Это его существенный коренной недостаток. Необходимо было подвергнуть философские основы троцкизма диалектико-материалистической критике и с помощью этого показать его несостоятельность на конкретном материале.

Тов. Новиков не подверг критике философские высказывания Троцкого, мотивируя это отсутствием у него философских работ. Хотя Троцкий и не специалист по философии, однако он неоднократно касался и этих вопросов.

Новиков. Правильно!

Кравчук. И необходимо всегда исходить из философских корней. Надо было с этого начать и т. Новикову. В чем же заключаются философские «прищипы» троцкизма, которые смазывает Новиков? Согласно философии Маркса — Ленина нельзя сводить высшие формы материи к низшим. Низшие формы материи снимаются высшими, ставшая побочными формами материи (Энгельс). Химические закономерности не тождественны механическим, хотя включают их в себя в снятом виде. Более высшие качественные закономерности, физиологические не тождественны механическим, химическим, хотя в снятом виде в себя их включают. Принципиально также и с социальными закономерностями. И тот, кто не усматривает существенных, качественных различий в едином материальном мире, тот нивелирует качественное своеобразие, сводит все богатство конкретных форм к механическому процессу, к голому перемещению предметов в пространстве и времени. Отсюда — все кошки серы. Для того отрезан путь к правильному познанию и дей-

ствию. Тот ничего общего не имеет с методологией диалектического материализма.

Высказываясь по вопросам философии, Троцкий решительно заявляет о том, что «химия для объяснения своих явлений не обращается к какой-либо новой над-механической и над-физической силе, а сводит существо химических процессов к механическим и физическим свойствам частиц»¹.

Это чисто механистическое миропонимание. Троцкий не в силах понять, что химические процессы не сводятся к механическим, что они имеют свои имманентные закономерности. «В таком же отношении, — продолжает философствовать мистер Троцкий, — стоят биология и физическая химия. Физиологические процессы сводятся в последнем счете к химическим, как эти последние к механическим и физическим... «В принципе нам ныне для объяснения всех «физиологических» явлений достаточно физики и химии»². Такие воззрения отстаивают и «наши» философы-механисты (А. К. Тимирязев, Варьяш и т. д. и т. п.).

Троцкий стоит на точке зрения сведения психических явлений к физиологическим и т. д. «Психология сводится для нас в последнем счете к физиологии, как эта последняя к химии, физике, механике». Дальше он указывает, что «такова школа академика Павлова; так называемая душа есть для нее сложная система условных рефлексов, целиком коренящаяся в первичных рефлексах физиологии, которая в свою очередь, через могучий пласт химии пропускает свои корни в подпочву физики и механики».

Точно такие же механистические воззрения он «развивал» и в других своих работах. В «Новом мире» № 1 за 1927 г. был помещен (когда-то!) его доклад «Культура и социализм», в котором он изрекал аналогичные высказывания. «Рефлексология Павлова идет по путям диалектического материализма... Простейший рефлекс физиологичен, а система рефлексов дает «сознание»... Обобщения завоевываются шаг за шагом: от слюны собаки к поэзии, т. е. к ее психологической механике (а не общественному содержанию), причем путей к поэзии еще не выдать»... Это явно вульгарное, механистическое воззрение на процессы сознания. И любопытно, что Троцкий большой поклонник Фрейда, идеи которого, по его мнению, совместимы с диалектическим материализмом. «Попытка объяснить психоанализ «несовместимым» с марксизмом и попросту повернуться к фрейдизму спиной слишком просто или, вернее, простовато».

Троцкий идет дальше. Он за принципиальную сводимость социальных отношений к физиологии, химии, механике. Говоря о рефлексологии, он продолжает: «То же самое можно сказать по социологии». «Общество такой же продукт развития первичной материи, как земная кора или амеба». И здесь он делает оговорку: «Но это, конечно, не значит, что каждое явление химии непосредственно может быть сведено к механике, еще менее того, — что каждое общественное явление может быть непосредственно сведено к физиологическим, а далее — к химическим и механическим законам. Такова, можно сказать, предельная цель науки»³. Но эта оговорка не изменяет сути дела. Здесь указывается на принципиальную возможность сведения

* Продолжение прений по докладу т. Новикова, зачитанного 12/VI 1930 в Философском институте Комкадемии на тему «Методология троцкизма и «левых» загибов». См. «ВКА» кн. 40—41.

¹ Троцкий, Менделеев и марксизм, 1925, с. 10.

² Там же.

³ «Менделеев и марксизм», с. 11. (Подчеркнуто мною. — Кр.).

социальных явлений к физиологии, химии, механике. В другом месте находим еще более решительное заявление: «Жизнь человеческого общества в последнем счете сама представляет сочетание химических процессов. С другой стороны, общество состоит из человеческих индивидуумов, психический механизм которых распадается на систему рефлексов». Это на редкость ярко выраженное буржуазно-механистическое миропонимание. Это решительно противоречит диалектическому материализму.

Для нас уже ясно, что материалистическая диалектика ничего общего не имеет с методологией троцкизма. В воспоминаниях о Ленине Троцкий писал, что Ленин велик тем, что прекрасно пользовался диалектикой. Ленин диалектик по своей внутренней сущности. Но кроме диалектических процессов мысли—интуиция помогала Ленину и т. д. Это троцкистское противопоставление диалектических процессов мысли какому-то интуитивным процессам, которые не подчиняются диалектике⁴. Это идеалистическое понимание действительности. Это пример того, что механистическая методология перерастает в идеализм.

В этой связи необходимо вспомнить, как господин Троцкий оценивал диалектику Ленина. В «Наших политических задачах» Троцкий имел бесстыдство заявить о методологии Ленина: «И это марксизм! Констане нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм... это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предьявить свою партийную совесть»⁵. Тогда, в 1904 г., Троцкий не считал Ленина диалектиком. «Диалектике нечего делать с Лениным. Он обращается с марксистскими положениями, как не с читаемыми статьями «Уложения о наказаниях»⁶. И это писал господин Троцкий про величайшего в мире диалектика-материалиста! Не ясно ли, что Троцкий не понял и никогда не поймет диалектики!

Несколько слов о соотношении сущности и явлений. Согласно диалектическому материализму наше познание не исчерпывается познанием явлений. Явления суть внешние обнаружения, раскрытие, реализация внутреннего, сущностных сторон действительности. Между ними нет непроходимой пропасти, это диалектическое взаимоотношение противоположностей. Сущность познается через отдельные явления, но не прямо, непосредственно, а опосредствованно... Сводить познание к познанию явлений—это плоский, поверхностный эмпиризм. Троцкий в целях отгораживания от агностицизма заявил, что человеческое познание исчерпывается познанием явлений. Никакой сущности нет. Это дырка от золотого кольца. Такое понимание ничего общего не имеет с марксизмом, это плоский, дурной эмпиризм, позитивизм, который с необходимостью перерастает в рационализм, которым так богато «мироозрение» троцкизма.

Из механистической методологии троцкизма вытекает соответственное понимание категорий исторического материализма. Подобно всем ревизионистам (Каутский, Гильфердинг и т. д.) Троцкий суживает марксизм к своеобразно им понятому историческому материализму. По его мнению марксизм—это общественный метод. Отсюда понятно его стрем-

ление «дополнить» марксизм фрейдизмом и прочей буржуазной чертовщиной. Известно его заявление: марксизм—это теория, ленинизм—это практическое применение марксизма...

Производительные силы, по Троцкому,—это нечто промежуточное между обществом и природой, это какая-то пограничная категория. Причем под производительными силами он понимает технику плюс «хозяйственная сноровка человека, его историческое умение обеспечить свое существование»⁷. Это доподлинно каутскианское понимание производительных сил. На самом деле производительные силы—это социальная категория, представляющая собою диалектическое единство исторически-определенных средств производства и рабочей силы. На точке зрения отождествления производительных сил с техникой стоит и т. Бухарин. И это вполне понятно.

Понятно и почему господин Троцкий отождествляет классовые противоречия общества с «борьбой человеческого вида за существование, все больше и больше подчиняя себе природу». Здесь мы видим непосредственное перенесение дарвинизма на область общественных отношений. Механистическая методология перерастала в идеализм, в субъективизм, вследствие чего троцкизм превращался в образец эклектизма. Эклектичность сущность троцкизма была отмечена неоднократно т. Лениным.

В данной связи представляет методологический интерес взгляд Троцкого на соотношение производительных сил и культуры. Ему был задан этот вопрос, на который он ответил. «Культура ли двигает технику или техника культуру?» спрашивает одна из лежащих предо мною записок. Такая постановка вопроса неправильна. (Подчеркнуто мною.—Кр.) Техника не может быть противопоставлена культуре, ибо является ее основной пружиной. Без техники нет культуры. Рост техники двигает культуру вперед. Но поднимающаяся на технике наука и общая культура оказывают могущественное содействие росту техники. Тут диалектическое взаимодействие»⁸.

Это сплошной букет эклектики, путаницы. Конечно производительные силы (или как Троцкий их называет: техника) являются составным моментом совокупной общественной культуры; но отделяться взаимодействием—это эклектизм. Ленин высмеивал субъективистов-народников, которые вертелись в кругу взаимодействия.

Несколько слов о «теории перманентной революции» Троцкого. Тов. Новиков обстоятельно разобрал несостоятельность этой пресловутой «теории». Однако неверно думать, что в настоящее время Троцкий коренным образом ее пересмотрел, поскольку говорит о союзе пролетариата с крестьянством. Это неправильно. Никакого пересмотра нет, хотя бы потому, что он отрицает революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, а ведь основным вопросом этой революции является аграрный вопрос или вопрос о невозможности построения социализма даже на отдельном материке и т. д. и т. д.

Вот, товарищи, в общих чертах замечания о механистической методологии троцкизма. В настоящее время Троцкий «критикует» генеральную линию нашей партии оружием правых оппортунистов. Это понятно, поскольку в основном методологические принципы тождественны, это понятно, поскольку и «левые» и правые оппортунисты отра-

⁴ Троцкий «О Ленине», с. 105.

⁵ «Наши политические задачи», с. 160.

⁶ Там же, с. 164.

⁷ «Культура и социализм», с. 167.

⁸ «Новый мир» № 1, 1927.

жают интересы нанманов и кулаков, а через них и интересы международной буржуазии.

Последний вопрос. Почему до сих пор не было методологической критики троцкизма? Тов. Новиков указывал, что дело не только в том, что среди философского руководства были отдельные троцкисты (хотя и это играло некоторую существенную роль). Но т. Новиков дает совершенно, решительно неправильное объяснение, заявив, что было некогда, заняты были механистами (как будто методология троцкизма в основном не механистическая), или что в партии не было достаточной силы, философские кадры не созрели. Это совершенно неправильно. Основная причина—и этого Новиков не понял и не поймет—почему не было со стороны философов критики методологии троцкизма, в том, что философские кадры были оторваны от конкретных проблем. (Новиков в Исторического материализма!). Философские кадры были, но философские кадры стояли далеко от конкретной, повседневной действительности. Это основная причина. Это не ликвидировано еще и до сих пор. Это необходимо подчеркнуть со всей решительностью.

Карев. Прежде всего я хотел сделать замечание организационного порядка. Здесь товарищи высказывали такого рода соображения, что этот доклад, который мы сегодня обсуждаем, не охватывает собой всей совокупности вопросов, которые следовало бы поставить в связи с критикой троцкизма, в связи с характеристикой и критикой его методологических основ. Это совершенно верно. Мы думаем, что этот доклад является вводным в целом ряде докладов, которые, вероятно, мы поставим только осенью (так как до осени повидимому нам не удастся их поставить), причем тогда они должны будут дать более или менее исчерпывающую характеристику метода Троцкого. Я думаю, что те доклады, которые мы будем ставить осенью, будут посвящены прежде всего рассмотрению учения Троцкого в целом ряде отдельных конкретных вопросов,—того, какова его методология в разрешении целого ряда политических проблем, в частности было бы чрезвычайно существенно и важно, если бы были поставлены специальные доклады об учении Троцкого о перманентной революции, по вопросу об отношении Троцкого к пролетарской культуре и т. д. Кое-что по этому поводу сказал т. Новиков в своем докладе. Но этого мало. Специально следует поставить проблему понимания Троцким искусства и дать критику взглядов Троцкого в этом отношении. Затем следовало бы разобрать ряд соображений Троцкого, относящихся к фрейдизму, тем более, что мы имеем любопытное совпадение симпатий к Фрейду и у Троцкого и у Бухарина. Это тем более важно сделать, что критика фрейдизма в последнее время несколько заглохла, а известное оживление фрейдистских настроений мы имеем. Таким образом, повторяю, я считаю, что этот доклад является вводным для того, чтобы поставить впоследствии целый ряд докладов на ту же тему, которые дали бы развернутое освещение вопросов, которые связаны с учением Троцкого в различных вопросах—общее-философских, с одной стороны, охватывающих социально-исторический процесс,—с другой.

Затем я хотел сделать несколько замечаний по поводу тех вопросов, которые здесь ставились, уже в связи с содержанием критики методологии Троцкого.

Прежде всего я хотел бы отметить вот какое обстоятельство. Характеризуя метод Троцкого, конечно следует исходить из той его харак-

теристики Лениным в одном письме в период войны, в котором Ленин говорит, что и Троцкий, и Раковский, и Роланд-Хольст отличаются тем, что они по-разному подменяют эклектизмом революционный марксизм. Важно подчеркнуть этот эклектизм Троцкого в его методологии, так как только он позволяет нам объяснить весь диапазон колебаний взглядов Троцкого. Если вы возьмете взгляды Троцкого на различных этапах развития, то вы увидите, как благодаря их эклектической природе в различных исторических условиях выступают на первый план различные составляющие их моменты. Скажем, если вы возьмете до-революционного Троцкого, то вы увидите, что у него в период подъема революции на первый план выдвигался субъективизм и волюнтаризм, наоборот, в период собирания революционных сил, в момент известных затруднений, у него скорее выступали механистические и фаталистические воззрения. Поэтому для правильного исторического освещения эволюции Троцкого, для объяснения тех исторических этапов, которые проходили Троцкий в своем развитии, необходимо подчеркнуть эклектическую природу его методологии.

Затем, если вы захотите разобрать своеобразие эклектизма Троцкого, то вы увидите в нем переплетание двух сторон. С одной стороны, мы имеем субъективизм и волюнтаризм, о котором здесь товарищи говорили достаточно много. Из того совершенно правильного положения, что пролетарская революция характеризуется в отличие от буржуазной революции огромным значением сознательной организованной деятельности рабочего класса, потому что одно из важнейших различий перехода от феодализма к капитализму и перехода от капитализма к социализму заключается в том, что победоносная пролетарская революция возможна только как руководимая организованной борьбой рабочих масс, сознательно строящих социализм, в то время как капитализм стихийно развивается в более или менее готовых формах—в недрах феодального общества,—из этого положения Троцкий (что характерно для всей его методологии) делает совершенно чудовищные субъективистские выводы, которые приводят его к забвению связи партии с массой класса—руководителя, к забвению проблемы союзников в его борьбе. Поэтому Троцкий отрывается от реального движения масс и поэтому же у него приобретает, по сути дела, авантюристический характер и сама постановка проблемы руководства революцией.

Характерно, товарищи, что наряду с этим субъективизмом мы имеем у Троцкого чрезвычайный формализм, который сводится к тому, что он подменяет проблему перехода от одного периода работы и борьбы к другому организационными схемами, администрированием и прочее. Это именно те черты, которые были отмечены Лениным в критике позиции Троцкого во время дискуссии о профсоюзах. В связи с этим необходимо отметить, что субъективизм и формализм приводят Троцкого к совершенному забвению им постоянной необходимости конкретного анализа. Троцкий автоматически переносит шаблоны с одной стороны на другую, с одних исторических условий на другие исторические условия. По сути дела в основном до-революционный Троцкий характеризуется тем, что он пытался перенести позиции с.-д. каутскианского центризма на русские исторические условия. Это была русская разновидность каутскианского центризма.

Этот шаблон, этот схематизм у Троцкого особенно сказывается в трактовке им проблемы отношения к крестьянству, в его теории перманентной революции.

Я хочу добавить к тому, что говорил т. Новиков в этом отношении, следующее. Тов. Новиков говорил нам о том, что в последних своих выступлениях по поводу теории перманентной революции Троцкий подчеркивает значение связи с крестьянством. Верно, что Троцкий в своих последних статьях пишет о значении крестьянства. Мы знаем, что политически троцкисты пытались сомкнуться с кулацким движением, пытались изобразить его, как якобы движение недовольства всего крестьянства против диктатуры пролетариата и т. д. Это совершенно верно. Но было бы неправильно думать, что мы в данном случае имеем отличие в существе дела от старой позиции Троцкого в отношении к крестьянству. Нет. Если Троцкий сейчас и говорит о необходимости связи с крестьянством, то связь эту он мыслит не как связь, на основе которой происходит социалистическое переустройство деревни. Он подчеркивает иногда момент связи с крестьянством, но он отрицает возможность в союзе с крестьянством социалистического переустройства деревни, ее производственных отношений. В этом отношении никаких изменений в теперешней позиции Троцкого по сравнению с прошлой его позицией конечно нет. Схематизм и эклектизм, типичный для Троцкого прежних времен, типичный для перерастания троцкизма в чистос.-д. течение, остается и здесь. В этом отношении мы не можем сказать, что у Троцкого имеется что-нибудь новое. Троцкий здесь строит свою старую схему. С его точки зрения пролетариат в союзе с крестьянством не имеет возможности построить социализм в нашей стране. Но так как необходимо каким-либо образом добиться сохранения советской власти, то отсюда Троцкий делает тот вывод, что это сохранение возможно обеспечить только путем экономического соглашения с международным капитализмом. Он об этом буквально пишет в одной из своих последних статей «Пятилетка и безработица». Он там прямо говорит о соглашении с международным капитализмом.

Новиков. О международной контрактации.

Карев. Да, о международной контрактации. Он говорит, что более вероятно, чем построить социализм в союзе с крестьянством, добиться соглашения с международными капиталистами. Для того же, чтобы добиться этого соглашения, он выдвигает курьезный план, который заключается в том, что нам необходимо предложить западноевропейской с.-д., не обвиняя ее в социал-фашизме, тактику единого фронта. Социал-демократы должны убедить свою буржуазию, что безработица может быть ликвидирована, если буржуазия будет давать нам заказы. Таким образом, по мнению Троцкого, можно попытаться добиться соглашения с западноевропейскими державами.

Нечего говорить, что это — перепев чисто с.-д. тактики. Тут мы имеем чисто с.-д. понимание тактики единого фронта, как тактики соглашения с вождями с.-д., а не как тактики союза с широкими с.-д. массами против предательства вождей. Это полное непонимание характера новейшей эволюции социал-демократии. Троцкий отрицает значение крестьянства, как союзника в деле построения социализма, и в то же время он рекомендует предложить социал-фашистам тактику единого фронта. Спорить против такого чисто меньшевистского рассуждения конечно не приходится. Но и здесь мы видим тот же старый троцкистский тезис, что, опираясь на союз с крестьянством, невозможно победоносное социалистическое строительство. Так что в этом отношении, как мне кажется, ничего нового у Троцкого сейчас нет.

С одной стороны, мы имеем у Троцкого элементы субъективизма

и волюнтаризма, с другой стороны, мы имеем забвение диалектического понимания необходимости «конкретного анализа конкретной ситуации». Наконец мы имеем у него такое понимание исторического процесса и его движущих сил, которое совершенно неправильно характеризует значение классовой борьбы в историческом процессе, неправильно представляет развитие производительных сил общества, как основы развития общества. Вы имеете по целому ряду пунктов у Троцкого забвение классовой борьбы. В понимании культуры, как говорил т. Разумовский, Троцкий отрицает вообще возможность пролетарской культуры. Эта точка зрения побита сейчас жизнью, потому что в настоящее время сказать, что пролетарская культура не существует, — это чистая нелепица, так как фактически ее элементы уже есть в наличии. Факт существования пролетарской культуры есть исторически доказанный факт. Здесь у Троцкого мы имеем несомненно забвение классовой стороны дела.

Мы имеем это и в понимании Троцким изменений в общественной психологии, потому что Троцкий здесь иногда прибегает к фрейдизму. Это оборотная сторона медали того же забвения классовой стороны дела, потому что фрейдизм есть биологизация социальной психологии, потому что он исходит из совершенного непонимания классовой стороны дела.

В этой же связи можно было дать критику всей философии последнего периода нашей пролетарской, революции, которую пытается дать Троцкий в его книге «Моя жизнь». Если вы возьмете II том этой книги (I том я не читал), то увидите, что основное в нем это то, что все классовые отношения целиком отодвинуты на задний план перед некоей организационной фантазмагорией, которая всюду Троцкому чудится. Отдельные организационные вопросы у него совершенно отодвинули на задний план динамику классовых отношений. На протяжении огромной книги в 300 страниц, рассказывается ход русской революции за 13 лет. Троцкий был человеком, который непосредственно был связан с самыми крупнейшими и важнейшими вопросами, которые так или иначе разрешались за это время. Но вы у него ничего почти не найдете о взаимоотношениях классов, об изменениях в соотношениях классовых сил. Все это заменено чисто организационным пониманием процесса, который Троцкому кажется протекающим в какой-то странной, обособленной форме, не связанной с реальными изменениями экономических отношений. Поэтому совершенно несомненно, что у Троцкого налицо по целому ряду пунктов в конкретном историческом анализе забвение классовых взаимоотношений.

К этому можно прибавить целый ряд иллюстраций. Следовало бы взять знаменитые речи Троцкого в 1925 г. в Запорожье, в связи с отношением к кулачеству. С другой стороны, как говорил здесь т. Разумовский, следовало бы отметить наряду с этим забвением классов техницизм, техническое понимание производительных сил у Троцкого. Это связано непосредственно с проблемой возможности построения социализма в нашей стране. В каком смысле связано? Ведь в этом отношении Троцким забыто то обстоятельство, что, анализируя производительные силы данного общества и в связи с этим возможность исторического развития в ту или иную сторону, мы должны исходить из единства, которое представляют его производительные силы, т. е. мы должны учитывать не только те производительные силы, которые даны общественной техникой самой по себе, но вместе с тем мы должны

учитывать и уровень развития самого рабочего класса. Ведь нужно брать рабочий класс не абстрактно, т. е. не только как совокупность известного количества людей, но нужно взять исторически рабочий класс как некоторую органическую целостность, имеющую определенный исторический опыт классовой борьбы. Ведь накопление в рабочем классе исторического опыта борьбы как его собственной, так и борьбы рабочих других стран, тоже является одним из важных составных элементов определения возможности исторического развития, именно—возможности для рабочего класса осуществить то или другое дело.

Вот эта сторона—накопление в рабочем классе исторического опыта, организационного и революционного, имеющего значение и для возможности социалистического строительства,—эта сторона дела у Троцкого совершенно исчезает, уже не говоря о том, что самая постановка вопроса о строительстве социализма в целом у него не выдерживает никакой критики.

Я не присутствовал на дискуссии о производительных силах и производственных отношениях в Комкадемии, но при чтении некоторых стенограмм мне показалось, что во время этой дискуссии была сделана в некоторых выступлениях одна ошибка. Ошибка эта вот в чем. Подчеркивая значение революционного класса как главной составной части производительных сил, подчеркивая значение производительных сил как единства рабочей силы и техники, некоторые товарищи там говорили таким образом, что вообще только рабочий класс и имеет значение как производительная сила, что техника есть нечто совершенно второстепенное и несущественное в производительных силах. Мне кажется, что это без всяких преувеличений есть некоторым образом методологическая основа тех «левых» ошибок, которые делались некоторыми тт. за последнее время. Несомненно, что мы должны подчеркивать со всей силой значение революционного класса против меньшевистско-троцкистского понимания производительных сил. С другой стороны, мы должны видеть, что сама индустриализация, развитие техники есть предпосылка формирования и дальнейшего развития самого рабочего класса, и отрывать, исключать эту сторону дела, свести ее к чему-то второстепенному, было бы совершенно неправильно. Те успехи, которые достигнуты в области коллективизации, сделаны прежде всего на основе индустриализации страны, которая проводится партией. И если бы задача индустриализации не была бы поставлена, если бы мы абстрактно исходили только из рабочего класса, из его состояния и поставили те политические задачи, которые сейчас разрешаются партией, то, конечно, мы не могли бы достигнуть тех успехов, каких достигли.

Что еще нужно к этому прибавить? Мне кажется, что нужно обратить внимание еще на следующее обстоятельство. Для методологии Троцкого очень характерно постоянное забвение периода собирания сил в революционной борьбе. Неправильно было бы сказать, что Троцкий вообще отрицает революционную инициативу и революционное значение масс. У него есть целый ряд мест, в которых он говорит о значении масс, о революционной инициативе и т. д. Но у него существует разрыв между периодом штурма и периодом подготовки сил к этому штурму. Вот чем характеризуется исторически троцкизм.

Если мы возьмем разные периоды развития троцкизма, то увидим много подтверждений этому. Это например связалось в характеристике

Троцким, скажем, китайской революции, в характеристике Троцким всего периода Коминтерна после V конгресса Коминтерна. Поэтому у него выпадает опыт масс в борьбе,—то, что было столь важно для Ленина,—накопление этого опыта.

Затем тут же в этой же связи мне хотелось бы сделать одно замечание, касающееся меня лично. Я хочу сделать замечание относительно одного места в своей статье «Октябрьская революция и исторический материализм» по вопросу об основных классах переходного общества—именно о том месте, где у меня сказано, что в переходном обществе есть только один основной класс.

Я должен сказать, что это положение в том виде, в каком оно было напечатано, совершенно неправильно. Я хотел поставить своей задачей прокомментировать одно положение Ленина в его известном конспекте брошюры «О диктатуре пролетариата», в которой Ленин пишет, что переходный период от капитализма к социализму представляет собою эпоху диктатуры пролетариата, во время которой продолжается классовая борьба в новых формах. При этом Ленин дальше пишет, что пролетариат один продолжает вести свою классовую борьбу. В чем методологически заключается сделанная мною ошибка? В том, что я неправильно истолковал Ленина, автоматически перенес вопрос о соотношении основных и неосновных классов в различных общественных формациях на переходный период. Я к классам переходного периода применил те же мерки, которые применяются к основным и неосновным классам в эпоху феодальную и капиталистическую. Понятно, что к классам переходной эпохи так по шаблону подходить нельзя. Здесь мы должны подходить с другим критерием, чем мы это делаем в отношении классов, скажем, в капиталистическом обществе. Здесь приходится решать, как я уже сказал, на основании других критериев. Между тем я общую абстрактную форму расширенного воспроизводства данных классовых отношений перенес на переходную эпоху. На деле же здесь для нас решающим и определяющим должен быть вопрос о том, какие большие, основные массивы людей, представляющие собой различные классы, определяют собою движение и переход этого общества к социалистическому обществу. Я должен был бы сказать конечно, что основными классами переходного общества являются пролетариат и крестьянство, не включая конечно в него кулачества. Я должен был сказать, что пролетариат является не одним основным классом, а что он является ведущим классом этого общества. Само собой разумеется, что эту мою ошибку необходимо критиковать со всей силой, так как она по существу дела носила троцкистский характер.

Товарищи, мне нужно сделать еще одно-два замечания. Прежде всего в докладе т. Новикова имеется недостаток в том отношении, что у него не была поставлена проблема социальной базы троцкизма. Вопрос о социальных корнях троцкизма представляет собою значительный интерес. Несомненно, что эту тему нам следовало бы развить. Схематически говоря, мне кажется, что, говоря о социальной базе троцкизма, мы должны ее характеризовать как идеологию разоряющейся мелкой буржуазии, главным образом, связанной с интеллигентскими, ремесленными, городскими слоями. Но конечно такой абстрактной схемой нельзя ограничиваться. Этого слишком мало. Нужно иметь в виду, что это—идеология, которая связана с некоторыми определенными социальными группами при определенных исторических условиях, может быть при других условиях увязана с другими социальными группами,

может оказаться в этом смысле перерастающей в идеологию, двигающуюся еще дальше в определенном направлении. В настоящее время троцкизм конечно связан также, с одной стороны, с кулачеством, а с другой стороны, с определенными, резко нам враждебными элементами городской буржуазии. Это совершенно несомненно. Так что, повторяю, эту тему нам нужно будет еще рассмотреть в более развернутом виде.

Затем я хотел бы обратить ваше внимание вот на какое обстоятельство. Нужно учитывать, что Троцкий пытался высказываться и относительно философских вопросов. Вы помните, вероятно, что он написал в редакцию «Под знаменем марксизма», в № 1 статьи, где он отметил целый ряд положений, касающихся философии. В этой своей статье он выдвинул ряд совершенно правильных моментов, и Ленин о ней писал, что эта статья представляет собою правильную статью. Но вместе с тем обратите внимание на характерные различия между тем, как подходил к задачам философии в нашу эпоху Троцкий, и тем, как подошел к этой же проблеме Ленин. У Троцкого вы не найдете того определяющего звена, за которое потом должна была ухватиться вся наша философская работа. Троцкий ограничивается общими словами о значении материализма вообще, о значении борьбы с религией вообще и т. д. Но у него нет того звена, которое определило бы собою все дальнейшее развитие нашей философской работы, которое составляет то, что отличает революционный марксизм от всего остального. Ленин высказал ряд мыслей, в которых и было это основное определяющее звено, которое давало нам направление в нашей работе. Решающего значения материалистической диалектики Троцкий «не заметил».

В заключение, товарищи, я должен еще раз сказать, что мы должны рассматривать наше сегодняшнее собрание как такое собрание, на котором мы ставим впервые общие вопросы критики методологии троцкизма, которые конечно не могут исчерпать всей этой темы. К осени мы должны подготовить целый ряд докладов, которые, с одной стороны, наметили бы некоторые частные вопросы критики методологии троцкизма, а, с другой стороны, давали бы более подробное освещение всех тех общих положений, которые мы сегодня набросали. Наш сегодняшний доклад мы должны рассматривать как введение к нашей дальнейшей работе в этом направлении.

Прежде чем говорить о себе, одно общее замечание. Я должен выразить удивление по поводу того подхода к докладу т. Новикова, который проявили здесь некоторые товарищи. В своем слове я говорил насчет того, что этот доклад один из первых, который у нас ставится, и что, само собой разумеется, он не исчерпал проблемы, что в нем есть некоторые недостатки; я указал пункты, по которым, мне кажется, необходимо внести дополнения к тому, что говорил т. Новиков. Но подходить к докладу тогда, когда мы только начинаем эту работу, таким образом, что эту работу вовсе не следовало начинать, думать, что с самого начала, сразу же, в первом же докладе можно разрешить все вопросы, требовать от докладчика, чтобы он в одном докладе исчерпал все стороны этой темы,—это абсолютно неправильно. Тогда, когда товарищи сумеют выйти и доказать, что они в одном докладе способны исчерпать всю тему, тогда они в праве предъявлять такие требования. Поэтому, мне кажется, что доклад т. Новикова имеет положительное значение в том смысле, что он сделал первый шаг в столь необходимом нам направлении.

Как отмечалось на фракции Ин-та философии, у нас в нашей фи-

лософской работе были недостатки. Теперь они исправляются. И всякие попытки помешать нам в этой работе, мне кажется, нужно самым решительным образом отвести. Это, мне кажется, нужно обязательно здесь зафиксировать. Совершенно несомненно, что ту деловую работу в этом отношении, которая выполняется по указаниям, данным нам на заседании фракции Ин-та философии и Об-ва воинствующих материалистов-диалектиков, работу, которая сейчас проводится в Ин-те философии,—сорвать никому не удастся, мы ее будем проводить, несмотря ни на что.

Что касается моего выступления, то должен сказать, что меня, с одной стороны, обрадовало то внимание, которое это выступление здесь встретило, но, с другой стороны, я не могу не выразить сожаления, что более актуальные проблемы менее привлекают внимание многих тт., чем моя скромная персона. Следовало бы товарищам, которые здесь выступали, коснуться и общих вопросов, поставленных в докладе, и дать положительную критику троцкизма.

Затем я должен отметить, что здесь имело место то ненормальное явление, что ряд выступавших товарищей касался лишь одной мысли в моей статье, написанной в 1927 г. и перепечатанной в первом издании сборника «За материалистическую диалектику». В своем выступлении я касался многих сторон учения Троцкого и пытался критиковать его по некоторым направлениям. Почему товарищи не выразили своего отношения к этой стороне моего выступления? Это несколько странный и своеобразный подход к делу, который не может считаться правильным.

Что же касается вопроса об основных классах переходного общества, то я об этом уже говорил. Мне приходится на нем остановиться еще раз. Я сказал, что в моей статье 1927 г. имеется то ошибочное утверждение, что я написал, что основным классом переходного общества является только один пролетариат. Конечно необходимо было сказать, что основными классами переходного общества являются пролетариат и крестьянство. Я указал на ошибочность своей прежней позиции. Это записано в стенограмме. Но т. Аристьян наверно я никогда не смогу удовлетворить. Тов. Аристьян начал с того же самого, с чего начал и я. Я подчеркнул, что необходимо в число основных классов переходного общества включить крестьянство. Это совершенно правильно, совершенно бесспорно. По этому вопросу спорить нельзя. Но дальше т. Аристьян говорит, что у меня при подходе к этому вопросу имеет место механистическая ошибка, поскольку я подхожу к определению основного класса переходного общества с количественной точки зрения: я говорил о больших классах. Я думаю, что здесь вы неправы. Я не буду сейчас говорить насчет механистического, количественного подхода у меня и т. д. Это смешно. Не буду останавливаться и на том, почему я ничего не сказал на ту тему, что классам нужно подходить с точки зрения того, какую роль они играют в производстве. Неужели нужно обязательно каждый раз, выступая с трибуны Ин-та философии, повторять, что классы с точки зрения марксизма должны быть охарактеризованы, принимая во внимание производственные отношения? Мне кажется, что необязательно. Я многого не сказал. Конечно, я мог сказать гораздо больше. Я мог например сказать, что крестьянство в условиях капитализма разоряется и т. д. Много можно найти вещей, о которых я здесь не рассказал. Но я думаю, что если каждый раз по этим вопросам повторять аз-буки с трибуны Ин-та философии,—это будет немного скучно. То, что я сказал, касается

чрезвычайно важного и серьезного вопроса о том, какие у нас имеются основные классы. Я сказал, что мы должны подходить с точки зрения тех огромных человеческих массивов, которые связаны со всей структурой переходного общества и движения этого общества к социализму. Вы говорите, что здесь у меня проявляется количественный подход к делу, что это есть механистический подход к делу, что я стою на точке зрения только одного количества. Я всегда считал и считаю, что количество играет некоторую роль в истории. Почему мы не говорим, что мелкая городская буржуазия есть основной класс? Мы основным считаем то обстоятельство, что для построения социализма имеет огромное значение взаимоотношение между социалистической промышленностью и мелким производством в сельском хозяйстве, которое эта социалистическая промышленность должна преодолевать и перестраивать. Разве это не играет большой роли? Разве Ленин неоднократно не говорил о двух больших основных классах нашего общества? Голос: Куда девалась городская мелкая буржуазия.

Карев. Вы думаете, что она тоже—основной класс? Или вы объединяете ее вместе с крестьянством в один класс? Вы думаете, что у нас есть вообще всего только два класса? Вот здесь-то именно у нас и проявляется схематическая, механистическая, бухаринская точка зрения. Я считаю, что это неверный подход к делу. Разве вы не видите, что отношение пролетариата к крестьянству есть основное отношение, есть отношение основных классов. Мы имеем здесь, правда, и некоторую дробь буржуазии, о которой Ленин говорил, что, оценивая ее силы, необходимо учитывать, что она связана тысячами нитей с иностранным капиталом. Мы имеем городскую мелкую буржуазию, имеем кулачество, которое нельзя игнорировать. Вот как обстоит дело. И из всех этих классов мы должны определить основные. Повторяю еще раз, я признаю ошибкой, будто пролетариат является одним основным классом переходного общества. В переходном обществе, повторяю, у нас есть два основных класса—пролетариат и крестьянство. Если бы крестьян у нас было бы незначительное количество, если бы крестьянство у нас составляло 5%, вы думаете, что проблема отношения к крестьянству ставилась таким же образом, как и сейчас? Разве можно такие вещи говорить! Представьте себе, что у нас имеется 5% крестьян и 90% пролетариата. Разве те отношения, которые имеют место у нас сейчас, были бы тогда? Разве можно сказать, что это «количественное» соотношение не имеет огромного значения для определения того, что является основным и неосновным? А разве во всемирно-историческом масштабе это не имеет никакого значения? Безусловно, что это соотношение играет очень важную роль, потому что огромные массы населения колониальных стран и т. д. представляют собою ту же крестьянскую массу, которой должен руководить пролетариат.

Таким образом я считаю, что и т. Ариэлян сделал определенный ошибку. По-моему, вы неправильно понимаете существо дела. Я считаю, что тут у вас дело обстоит неблагоприятно, так как вы не понимаете того, что крестьянство представляет собою значительный слой населения, от которого отмежеваться нельзя. Вы забыли, что количество обладает дурной привычкой переходить в качество. Не учитывать этого нельзя. Это значит—ничего не понимать в реальной политической мозаике классовых отношений, имеющих у нас сейчас место.

Теперь несколько слов по поводу выступления т. Юдина. Видите ли, товарищи, я считаю, что прежде всего мы не должны заниматься

такой «порхающей» критикой, которая заключается в том, что товарищи, приходишь не к началу, а к концу доклада, «высказываются», не зная, о чем идет речь, ибо подобная критика не может привести к правильной оценке существа дела. Вы доклада т. Новикова не слышали. Вы сказали, что он не говорил о механистичности взгляда Троцкого. Вы заявили, что вы читали его тезисы, а между тем в тезисах имеется специальный раздел: «Механистическая сторона концепции Троцкого». Вы не успели прочесть тезисы. Но зачем же тогда выходить на трибуну? Я думаю, что мы не можем таким образом подходить к разрешению научных проблем. Когда мы находимся в научном собрании, в научном учреждении, у нас должен быть какой-то минимум добросовестного отношения к тому, что мы критикуем, иначе у нас не будет никакой настоящей работы.

Юдин. В тезисах этот вопрос не разбирается.

Карев. Разбирается. Прочтите. Тов. Новиков сам будет еще об этом говорить.

Затем, еще один момент, на котором я хочу остановиться.

Вы неправильно определяете диктатуру пролетариата, т. Юдин. Вы говорите, что диктатура пролетариата—это есть своеобразная форма союза пролетариата с крестьянством—и только. Вы говорите, что мы не критикуем Зиновьева, но вы дали формулу т. Зиновьева, потому что у вас центральным вопросом оказался союз пролетариата с крестьянством в то время, как в ленинской трактовке центральной проблемой является диктатура пролетариата, а следующей—проблема отношения к крестьянству, союза с крестьянством. Вы тут спутали, вы дали совершенно неправильную формулу, которую неоднократно критиковала партия. Тов. Юдин, вы сделали ошибку так же, как в свое время ее сделал я. Я ее признал, советую и вам признать свою ошибку (смех), потому что эта ошибка—грубая ошибка, которая совершенно неправильно рисует самый характер, значение диктатуры пролетариата, ошибка, против которой специально писал Сталин, в том числе предвидя и вас, очевидно (смех).

Юдин. Он вас имел главным образом в виду.

Карев. Нет, т. Юдин. У т. Сталина сказано: «Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат» (подчеркнуто мною.—Н. К.). Последнее у вас и выпало.

И наконец последнее, на что я хотел обратить внимание. Товарищи видимо тщательно изучали то, что я пишу. Это очень хорошо, и критика в этом отношении очень полезна. Но недостатком этой критики, при всех ее достоинствах, которые она имеет, основным недостатком я считаю запоздание этой критики. В самом деле, статья была написана 3 года назад. Почему же товарищи удосужились начать критику в такой момент, когда сделаны шаги к исправлению этой ошибки, потому что товарищам наверно известно, что в сборнике «За материалистическую диалектику» во 2-м издании критикуемого ими положения нет и что я признал свою ошибку на ряде собраний. Я советую товарищам критиковать, но не замазывать ошибок, если они считают, что ошибки есть.

Я сказал здесь, что я считаю методологическим недостатком, приведшим меня к ошибке, механическое перенесение масштаба основных классов

с одной эпохи на другую. Товарищам известно, что я написал специальную статью об историческом материализме, в которой я выдвинул на первый план то положение, что в теории исторического материализма в марксистском понимании должно сейчас выдвинуться — для правильного понимания переходного периода — именно такое толкование его категорий, при котором невозможно было механическое, абстрактное их понимание, а когда каждый раз требовалось бы изучение тех конкретных своеобразных отношений, которые характерны для каждой отдельной общественно-экономической формации. И вместо того, чтобы понять смысл этой статьи, выходит т. Аристьян и говорит: у вас — количественный механистический подход. Тов. Аристьян, очень хорошо, что вы так тщательно изучаете то, что я пишу. Но нужно стремиться и понимать то, что я пишу. Совершенно очевидно, что статья об историческом материализме идет по линии исправления методологически допущенной мною ранее ошибки.

Поэтому я думаю, что очень хорошо, что так внимательно и тщательно товарищи относятся к тем ошибкам, которые делаются, — в этом их большая заслуга. Но следует, чтобы исправление ошибок не привело к новым ошибкам с их же стороны.

Аристьян. Я, товарищи, не имел намерения сегодня здесь выступить. Я полагал, что наша дискуссия будет еще продолжаться, и я смогу в следующий раз выступить по определенному вопросу, по вопросу о методологии «левых» загибов в области нашего колхозного строительства.

Мне представляется, что та поправка, которую внес сегодня т. Карев в свою трактовку проблемы основных классов переходного к коммунизму общества, не может считаться удовлетворительной с точки зрения марксизма (Голоса: Правильно). Что говорил т. Карев? Тов. Карев сегодня в защиту себя сделал такое замечание, что он, видите ли, хотел бить рикошетом по Бухарину и обосновать точку зрения Ленина, согласно которой пролетариат, руководя крестьянством, в союзе с ним строит социализм, что он представляет собою единственно последовательный революционный класс, который только может руководить строительством социализма. Но т. Карев из этой ленинской постановки вопроса делает тот вывод, что будто пролетариат является единственным, основным классом общества переходного к коммунизму периода.

Сущность методологии т. Карева в данном случае заключается в следующем: когда имеем дело с основными классами определенной сложившейся формации, то мы исходим из «абстрактной схемы воспроизводства отношений». Но это утверждение конечно неправильно. Теория воспроизводства отношений данного социального типа, данной социально-экономической формации вовсе не является абстрактной схемой. Если Маркс в «Капитале» показал конкретно, как воспроизводятся два полюса капиталистического способа производства, капиталистического общества, то это являлось как раз не «абстрактной схемой», а вскрытием, теоретическим освещением конкретной природы капиталистического общества. Без выяснения процесса воспроизводства этих отношений конечно нельзя было говорить о конкретной классовой природе капиталистического общества. Так что, когда мы анализируем данную общественно-экономическую формацию, то основная задача здесь в том и заключается, чтобы показать, как воспроизводятся данный тип социальных отношений. Без этого мы не можем конкретно определить природу и место

каждого данного класса в каждой данной исторически определенной общественной формации.

Как же ставится вопрос относительно переходного периода? Тов. Карев утверждает, что там, где мы имеем дело с переходным обществом, нельзя говорить о воспроизводстве отношений. Какой же критерий здесь выставляется т. Каревым? Здесь характеристика социальной природы классов и их места в обществе в связи с этим заменяется чисто количественным определением. И на этом основании т. Карев свою троцкистскую ошибку в вопросе об основных классах нашего общества объясняет здесь тем, что он, мол, упустил из виду, что в переходный период крестьянство представляет собой большой массив. И выходит, будто общество, переходное от капитализма к коммунизму, имеет два основных класса — пролетариат и крестьянство, или, иначе говоря, не только пролетариат, но и крестьянство является основным классом в переходный период, потому что оно, крестьянство, представляет собою «большой массив».

Но ведь это неправильный, немарксистский подход к вопросу.

Классами, по определению Ленина, являются «большие общественные группы», занимающие определенное место в исторически определенной общественной форме производства. Стало быть суть дела в определении природы и места данного класса в данном обществе не заключается в числе членов данного класса.

Вопрос о природе и месте классов в нашем переходном к коммунизму обществе решается также, исходя из общей марксистской установки. Следовательно вопрос об основных классах нашего общества также непосредственно связан с вопросом о природе переходного к коммунизму общества.

Как характеризовал Ленин это общество переходного от капитализма к коммунизму периода. Ленин характеризовал его (см. напр. заметки на «Экономку переходного периода» Бухарина, «XI Лен. сб.») тем, что в нем зарождающаяся социалистическая закономерность борется с капиталистической закономерностью и постепенно преодолевает, вытесняет его (кто — кого), тем, что здесь социалистическая тенденция, представленная пришедшим к власти пролетариатом, борется с товарно-капиталистической тенденцией мелкого индивидуального крестьянского хозяйства за окончательное преодоление последнего и построение полного коммунистического общества.

Из этого определения природы переходного от капитализма к коммунизму общества вытекает совершенно определенный ответ на вопрос о том, почему крестьянство (речь идет всегда разумеется о среднем крестьянстве) является вторым основным классом нашего общества. Но этот ответ ничего общего не имеет с тем ответом, который сегодня дал т. Карев. Если статья на точку зрения т. Карева по этому вопросу, то обязательно придется к неверным, не-ленинским, выводам по вопросу об отношении классов у нас и о ходе социалистической переделки нашего общества, о степени и характере этой переделки на каждом данном этапе и т. д.

Спрашивается, почему же крестьянство становится одним из основных классов в обществе, переходном от капитализма к коммунизму. Ленин прямо указывает: потому что основные массы буржуазии экспропрированы, производственная база из-под буржуазии выбита и установлена пролетарская диктатура; национализированы основные средства производства, земля и т. д. В этом случае мы имеем в качестве основных

субъектов общественных отношений, во-первых, пролетариат как носитель «социалистических тенденций», и во-вторых, «большую общественную группу» — среднее крестьянство как основную массу мелких товаро-производителей, носителей «товарно-капиталистических тенденций». Эта масса мелких товаропроизводителей деревни ежедневно, как указывает Ленин, рождает капитализм. И пока она не перейдет к обобществленным формам хозяйства, не будут выкорчеваны корни капитализма. Значит задача заключается в том, чтобы преодолеть эту товарно-капиталистическую тенденцию основных масс крестьянства, свернуть ее на путь социализма. Вот как ставится вопрос. И основное здесь, как видим, не в том, что крестьянство представляет собой «большой массив», а в социальной природе, тенденциях развития этого большого массива. Мне кажется, что т. Кареву просто следовало бы сказать, что он в этом вопросе был неправ, совершил большую ошибку. Он же фактически смазал эту свою ошибку, сведя вопрос к количеству. Тем самым вопрос сводится к тому, что он, Карев, в проценте, в количестве, мол, не разобрался. Но, конечно, не в процентных исчислениях дело, а в том, что у т. Карева неправильная оценка отношения пролетариата и крестьянства, получившаяся в результате неправильного представления о сути общества переходного периода. Вот в чем заключается гвоздь вопроса. А без правильного, ленинского понимания природы крестьянства и его места в нашем обществе невозможно и правильное представление об отношении пролетариата к крестьянству. Мне думается, что т. Карев даст более удовлетворительную критику своей ошибки и более обстоятельное, более правильное марксистское решение этого вопроса.

Левин. Мы все ждали, что т. Карев выйдет и честно по-большевистски скажет, в чем его ошибка по вопросу о классах в переходный период. Вместо этого т. Карев вил и даже пытался оправдать свою явно троцкистскую точку зрения с точки зрения... ленинизма. В самом деле, можно ли признать правильным объяснение т. Карева, что крестьянство является, кроме пролетариата, основным классом переходного периода потому лишь, что оно является большим массивом. Совершенно прав был т. Ариэлян, когда указал т. Кареву на неправильность, на механистичность подобной постановки вопроса. В своей книге «За материалистическую диалектику», изданную Гизом в 1929 г., т. Карев о классах в СССР пишет следующее: «Для каждой общественно-экономической формации существуют свои основные классы, воспроизводимые ходом развития данного общества. Для переходного периода от капитализма к социализму, строго говоря, существует лишь один основной класс — пролетариат, который, уничтожая и перерабатывая все остальные классы, перерабатывает и уничтожает самого себя как пролетариат. Но это вовсе не значит, что и вообще существует в переходном обществе только один класс. В «исторически определенной» для переходного времени системе производственных отношений сохраняются и частично воспроизводятся и другие, остающиеся от прежних общественно-экономических формаций классы. Их судьба, пути развития определяются общей динамикой борьбы капиталистических и социалистических элементов переходного общества. Отношение к ним пролетариата есть отношение классовой борьбы, формы этой борьбы меняются и различны по отношению к различным классам. В эти формы входят наряду с насилием и такие формы, как убеждение, пример, помощь в переходе к новому типу хозяйства» (подчеркнуто мною.—Я. Л.). Я нарочно полностью привел это место

у т. Карева, ибо здесь раздавался некий голос (т. Резник) о том, что Карев неправильно понимают и искажают. Тут мы имеем две грубые ошибки: во-первых, т. Карев считает, что единственным основным классом переходного общества является только пролетариат; во-вторых, все классы этого общества (т. е. класс кулаков, класс середняков, напманы в городе) составляют по отношению к господствующему пролетариату одну сплошную, реакционную массу, по отношению к которой пролетариат должен вести классовую борьбу, включая некоторые моменты убеждения и примера. Разберем сначала первое каревское положение об одном основном классе переходного общества. Тов. Карев в своем сегодняшнем выступлении, желая поправить свою прежнюю ошибку, допустил еще не менее грубую ошибку. Тов. Ариэлян был совершенно прав, когда он указал на то, что такой подход к классам, который имеет место у т. Карева, есть количественный подход. Тов. Карев не учитывает качества класса. Но мне думается, что мысль т. Ариэляна необходимо продолжить. Конечно т. Ариэлян был прав, когда указал Кареву на то, что по Ленину мы имеем в нашей стране борьбу двух тенденций: одной — товарно-капиталистической, которая исходит из того, что мелкое крестьянское хозяйство, не являясь еще капиталистическим, а простым товарным, порождает ежедневно, ежеминутно, стихийно и в массовом масштабе капитализм, кулаков, и другой тенденции — социалистической, исходящей от господствующего пролетариата. Поскольку правые уклонисты, для которых крестьянство представляет собою одну серую сплошную массу, где нет никаких классовых прослоек, для которых и кулак представляется середняком, об этом важнейшем ленинском положении умалчивают, постольку необходимо им об этом напоминать. Но с другой стороны, следует также указать на то, что Ленин, говоря о двух основных классах переходного периода, имел в виду не только борьбу двух тенденций: товарно-капиталистической и социалистической, но и возможность для пролетариата в лице его ведущей государственной (социалистической) промышленности преодолеть эту товарно-капиталистическую тенденцию, что, как известно, упорно отрицалось троцкистами. Ленин пишет: «...в нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «напманы», т. е. буржуазия»⁹.

Другими словами, высшим принципом диктатуры пролетариата является союз пролетариата с крестьянством. При этом в этом же переходном обществе есть еще и другие классы, как городская буржуазия и деревенская буржуазия (кулаки), которые являются третьим классом переходного периода. Причем, если вы станете на точку зрения двух классов переходного общества, только пролетариата и крестьянства, это было бы бухаринизмом, правым оппортунизмом. Троцкисты же, не отрицая, что в обществе переходного периода существует буржуазия, утверждают, что основным единственным классом, могущим строить социализм, является только пролетариат, но не в союзе с крестьянством, а в союзе с мировым пролетариатом, в лице его государственной власти. Между тем как нужно правильно ставить вопрос? Мы должны сказать, что основными классами переходного периода являются два: пролетариат и крестьянство, между которыми существует союз для уничтожения третьего класса — буржуазии. Ленин говорил о нашем социальном

⁹ Ленин, Как нам реорганизовать Рабкрин, т. XVІІІ, ч. 2, с. 124.

строе, который построен на союзе двух основных классов—пролетариата и крестьянства. Крестьянство, следовательно, является также одним из основных классов советского общества и именно потому, что пролетариат в союзе с этой основной массой крестьянства, с середняком, опираясь на бедноту, способен уничтожить капитализм, выкорчевать его питающие корни и перевести мелкое раздробленное крестьянское хозяйство на путь крупного социалистического хозяйства. Именно такую формулировку нужно дать, когда мы говорим о том, почему крестьянство является одним из основных классов переходного периода.

Вот, товарищи, то первое замечание, которое я хотел сделать по поводу первой ошибки т. Карева.

Теперь несколько слов по вопросу о классовой борьбе в переходный период в интерпретации т. Карева. По Кареву пролетариат, являясь одним из основных классов переходного общества, ведет по отношению ко всем остальным классам классовую борьбу, которая включает в себя также момент примера и убеждения. Это, товарищи, тоже троцкизм. Карев. Ленинизм.

Левин. Вы, т. Карев, скажете, что ленинское положение о том, что союз пролетариата с крестьянством есть также классовая борьба, похоже на ваше вышеприведенное мною положение. Но ведь Ленин говорит совсем не то. Ведь по-вашему выходит, что все классы переходного общества по отношению к пролетариату представляют собою одну реакционную массу.

Карев. Вы не читали, очевидно, этой статьи, т. Левин.

Левин. Нет, читал. И там сказано, что по отношению ко всем классам переходного общества пролетариат ведет классовую борьбу. Я спрашиваю, какая это точка зрения?

Карев. Это ваша точка зрения, т. Левин.

Левин. Мне кажется, что это лассальянско-троцкистская точка зрения. Правильно, конечно, что Ленин понимал союз пролетариата с крестьянством так же, как классовую борьбу. Но Ленин при этом указывал на то, что союз пролетариата с основной массой крестьянства есть борьба особого рода. Борьба против кого? Против кулака и против собственнической тенденции середняка, той, которая тяготеет к кулаку, за перевоспитание середняка, за перевод его мелкого хозяйства на рельсы коллективного социалистического земледелия. Одних, говорит Ленин, т. е. кулаков, городскую буржуазию можно скинуть, но середняка скинуть нельзя. Его нужно переделывать, перевоспитывать. Здесь мы имеем не только борьбу, но и союз. Вот в чем дело. Троцкизм видит во взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством только борьбу, но не видит союза, не видит своеобразия этой борьбы. Правый оппортунизм, с своей стороны, видит только союз, но не видит борьбы, не понимая своеобразия союза, союза для уничтожения классов. Тов. Карев же дал такую формулировку, которая как две капли воды похожа на троцкистскую постановку вопроса. Тов. Карев, допустив в прошлом такую ошибку, должен был сегодня ясно и побольшевиистки от нее отмежеваться. Между тем, он этого не сделал, а предпочел лучше оправдываться. Вот почему я считаю, что сегодняшнее разъяснение т. Карева ни в коем случае не может считаться удовлетворительным¹⁰.

¹⁰ Выступления тт. Резина и Юдина и заключительное слово т. Новикова не могли быть помещены в виду того, что в редакцию не возвращены посланные для проверки стенограммы.

Ред.

К ПРОБЛЕМЕ ПЛАНИРОВКИ СОЦГОРОДА¹

I

В мае 1930 г. в Комакадемии подсекцией жилищкооперации Кооперативной секции была проведена дискуссия на тему «Планировка социалистического города», собравшая более чем тысячную аудиторию в составе виднейших специалистов—архитекторов и инженеров, научных сотрудников и аспирантов научно-исследовательских институтов, представителей организаций и учреждений, в том числе жилищкооперации и отчасти рабочего актива.

Эта дискуссия явилась как бы завершением и синтезом работы значительного большинства организаций и учреждений, проделанной ими в области планировки соцгородов (Магнитострой, Автострой, Сталинградстрой и др.) впервые и преимущественно в опытным порядке.

Во время дискуссии в стенах той же Комакадемии была организована «выставка проектов соцгородов, жилья и нового быта». Эта выставка в своих экспонатах, представленных в виде проектов, планов, чертежей, объяснительных записок к ним, макетов, моделей и фотоснимков, продемонстрировала почти все, что было сделано в течение последних 1½ лет в области планирования новых городов преимущественно в связи с жильем и новыми бытовыми учреждениями.

Значение дискуссии, несмотря на сравнительную ее давность, в условиях настоящего времени с его стремительными революционными темпами не только не устарело, но только является историческим актом, но в значительной мере в отношении своих принципиальных установок сохраняет силу и значение и для данного времени, отвечая в основном генеральной линии партии по вопросам проектирования и планирования новых городов, нового жилья и новых бытовых учреждений и нашедшей свое выражение в постановлении ЦК ВКП(б) от 16/V 1930 г.

Введение в дискуссию было сделано в виде обстоятельного доклада т. Н. А. Милютиным.

В начале докладчик остановился на вопросе о капитальных вложениях государством в новое строительство. Так, «весь муниципализированный фонд в настоящее время оценивается примерно в 11—12 млрд. рублей». Тогда как «непромышленное строительство в текущем лишь пятилетии должно составить примерно от 15 до 17 млрд. рублей».

Эти колоссальные капитальные вложения несомненно свидетельствуют о важном значении, приобретаемом «правильной постановкой и правильным решением строительства в городах и новых поселках, создаваемых на базе нового промышленного строительства». Средства эти распределяются таким образом. «Больше половины из них вкладывает-

ся в существующие города, в существующие промышленные центры», что объясняется, по мнению докладчика, «реконструкцией и расширением существующих производственных предприятий, а в связи с этим и расширением поселков и городов, находящихся в районе этих предприятий». Другая часть указанных средств идет на постройку «новых промышленных городов, возводимых на совершенно чистом месте, как например Магнитогорск, сталинградский Тракторострой, нижегородский Автострой и т. п.»

Такое распределение средств было неизбежно: оно вызывалось периодом восстановления и реконструкцией уже существующих предприятий, так как приходилось не только не ликвидировать старые предприятия, но и исходить из них. Но при «строительстве новых предприятий необходимо было настоятельно требовать, чтобы они не строились в существующих городах, не отвечающих ни в какой мере нашим представлениям о новых условиях жизни, создать которые является нашей задачей».

«Направление нового строительства,—по мнению т. Милютина,—неизбежно в наших условиях должно определяться размещением производства; производственное задание и должно определять строительство городов, поселков и т. д.»

«Старый капиталистический город возникал в большинстве случаев не на базе сырьевых ресурсов и энергетики, а на базе рынка, который определял сосредоточение производственных предприятий в немногих центрах». Не то в условиях советской действительности, в которых рынок и рыночные отношения заменяются плановым регулированием и в которых промышленные предприятия создаются на базе сырьевых ресурсов. «Естественно, что при таких условиях мы должны будем уйти в большинстве случаев от тех центров, которые исторически сложились к настоящему времени». Этим и объясняется, почему в минувший период основная масса средств государством была вложена в существующие города. Но в дальнейшем «больше средств будет идти на строительство и создание новых точек, новых пунктов, которые будут вызываться к жизни исключительно производственно-экономическими соображениями». «Создаваемые новые «города»—так их мы называем—лишь по традиции—и новые крупные совхозы являются совершенно новыми человеческими поселениями».

«Эти глубоко принципиальные отличия нашей советской системы размещения производственных точек от системы капиталистических центров» и должны быть учтены, по мнению т. Милютина, с максимально доступной нам полнотой при планировке новых городов.

Отсюда «и возникает проблема нового расселения человечества, необходимость и неизбежность которого была предусмотрена еще Марксом и Энгельсом. К этому же неоднократно в ряде своих работ возвращался и Владимир Ильич». В работе своей по аграрному вопросу он говорит: «В настоящее время, когда возможна передача электроэнергии на расстояние, когда техника транспорта повысилась, нет никаких технических препятствий к тому, чтобы сокровищами науки и искусства пользовалось все население, размещенное более или менее равномерно по всей стране».

«В «Коммунистическом манифесте» Маркс говорит «о соединении земледельческого труда с фабричным и постепенном уничтожении различий между городом и деревней».

В «жилищном вопросе» Энгельс утверждает, что «бессмысленно же-

вание решить жилищный вопрос, сохраняя современные крупные города».

На основании приведенных мнений и решаются споры между урбанистами и дезурбанистами. Для т. Милютина проблемы урбанизма или дезурбанизма не существует, как и не стоит проблема строительства т. н. зеленых городов и городов-садов. «Идея последних есть либеральная идея, вырастающая из противоречий, из нечеловеческих условий жизни в крупных капиталистических городах».

«Перед нами стоит более сложная проблема, не ограниченная лишь созданием мест для отдыха, хотя бы и очень нужного для рабочего, а именно—проблема соединения преимуществ жизни в городе с преимуществами жизни в деревне». Проблема соединения города с деревней, что в свою очередь связано с «децентрализацией производства». Без децентрализации производства не разрешима и проблема нового человеческого расселения. Поэтому, заявляет т. Милютин, «наши населенные пункты не могут строиться сами по себе, оторванно от системы производства, от условий производства и от самой организации данного производства». «Жизнь, т. е. быт, производство, учеба и т. п. в наших условиях должны представлять собой части единого целого». Поэтому населенные пункты и промышленные предприятия не могут рассматриваться как «самостоятельные части различных организмов».

Далее т. Милютин ставит вопросы:

- 1) каким образом подойти к решению проблемы планировки новых населенных мест или городов и
- 2) каким образом подойти, может быть, пока только к постановке вопросов—т. Милютин не сомневается, что к разрешению этой задачи мы подойдем в ближайшее время—реконструкции существующих городов.

При разрешении первого вопроса «мы должны будем предусмотреть полную увязку промышленного и сельскохозяйственного производства, а также транспорта, энергетики, быта, воспитания, учебы, управления—всех сторон, соединяющих населенный пункт в одно целое, с таким расчетом, чтобы эта задача была решена «максимально рационально».

Отмечая затем исключительную сложность поставленной задачи, т. Милютин предостерегает от стихийности путей, которыми шли в старое дореволюционное время, создавая хаос в населенных пунктах. Примером этому может служить Москва и целый ряд других городов. Здесь, говорит т. Милютин, «не было никакой системы, разумной мысли планировщика о связи производственного начала с бытовым».

Вторая задача—это «обеспечение наиболее выгодных условий для производства в отношении планировки, обеспечивающих наиболее рациональное расположение и развитие производственных предприятий». А именно—не должно быть разрыва, вследствие отнесения на значительное расстояние, между отдельными частями одного и того же предприятия, представляющими собой один целостный производственный комбинат. Примером такого разрыва может служить Сталинград, где имеется завод, поставляющий литые для Тракторостроя, причем это литье доставляется за два десятка км, хотя территориально эти предприятия отстоят всего на 2 км друг от друга.

Третья задача, которая стоит перед планировщиком,—это «обеспечение максимально доступных нам гигиенических условий для жизни». Затем стоит задача—«создания наиболее удачной и экономной системы

связи между жильем и производством, определяющим развитие производственной деятельности данного населенного пункта».

Все эти задачи могут быть, по мнению т. Милютин, разрешены только путем применения функционального метода планировки. Для этого данный «населенный пункт должен быть взят как бы одно большое сложное производство в целом, где все процессы увязаны в рациональном графике движения материалов и людей».

На примере с Электростанцией, рационально построенной, т. Милютин иллюстрирует свою мысль. «Между тем,—продолжает он далее,—в планировке городов не видно дифференциации функций самого поселка, обеспечивающих связь отдельных частей, отдельных процессов между собой и вместе с тем увязывающих в стройную систему агрегат всего населенного пункта».

При планировке населенных пунктов должен быть положен функционально-поточный принцип или, как его не совсем правильно называют, линейный принцип. При его проведении «мы будем иметь зону расположения транспортных сооружений, связывающих отдельные производственные части между собой». Затем «будем иметь зону производственных предприятий, опять-таки расположенных в соответствии с потоком технологических процессов обработки, а не в смешении; не в перепутанном виде. Далее мы будем иметь жилую зону, отделенную зеленой полосой от производственной зоны. И затем—различного рода культурно-просветительные учреждения, как-то: парки и т. д. Вся эта система должна найти свое завершение в сельскохозяйственной зоне, т. е. в системе ферм, огородов и т. д.

Такое расположение даст действительное сочетание соединения в крупное хозяйство как промышленности, транспорта, так и жилых комбинатов, с одной стороны. А с другой стороны, установит непосредственную связь между ними, между котлами и машинами, между машиной и электромотором и т. д. Наконец эта же система увяжет сельскохозяйственное и промышленное производство в одно целое хозяйство.

По мнению т. Милютин, такая система рационального расположения, рациональной связи, должна быть обязательным условием для правильной разумной планировки новых населенных пунктов.

Переходя затем к структуре отдельных частей или зон будущего поселка, т. Милютин намечает следующие положения: «Транспортная зона должна прилегать к производственной зоне, так как основа работы транспорта—перевозка грузов, идущих в переработку или из переработки для дальнейшего использования».

Остановившись на вопросе об организации производственной зоны и промышленных предприятий, т. Милютин полагает ее строительство вести таким образом, «чтобы имели место последовательно расположенные процессы производства, соответствующие последовательности технологических процессов». При этом он находит недопустимым такое положение, которое имеет место в планировке Автограда, когда уголь и руда идут в мартен мимо всего производства, а литье гуляет по всему заводу туда и обратно без всякого толка, отчего получается полнейший хаос. Последнее, по мнению т. Милютин, происходит в силу безобразного расположения машин.

Расположение в самой производственной зоне при осознании нами целесообразности и разумности конвейера должно строиться так, чтобы отдельные цеха и машины располагались бы в таком порядке, чтобы само предприятие представляло как бы транспортную линию, где гру-

зы перерабатываются в процессе своего движения, а не кружатся по всему предприятию бесконечное количество раз.

Затем т. Милютин переходит к организации жилой зоны. Первым он выдвигает требование об обеспечении «максимально возможными благоприятными, гигиеническими условиями». Кроме того он ставит в условие «организацию жилищной зоны в соответствии с производственными процессами, которые будут иметь место в новом поселке». Это положение он иллюстрирует примером московской фабрики-кухни, построенной на Ленинградском шоссе, неизвестно в силу каких причин и соображений.

При правильной планировке поселка, по мнению т. Милютин, фабрика-кухня или будущий пищекомбинат должен быть исходной точкой для определенного потока грузов по отдельным столовым, которые эта фабрика-кухня или пищекомбинат будет снабжать. И здесь должен быть определенный конвейер в движении грузов из пищекомбината в столовые, которые в свою очередь должны быть расположены где-то между предприятиями и жильем человека и давали бы возможность их использовать рабочему, идущему на предприятие и возвращающемуся обратно с предприятия.

То же и в отношении детских учреждений. Они должны быть расположены на линии связи жилых и производственных помещений, и это их расположение должно быть увязано в этой системе, если хотите, конвейерного движения масс, движения людей внутри организации жилищной зоны.

Детские сады, ясли и другие детучреждения должны быть подчинены общей идее—идее правильного, рационального расположения, максимальной экономии времени, при условии однако проведения такой системы без ущерба для гигиены и правильной организации рождающихся новых бытовых отношений.

При строительстве новых вузов наблюдается та же картина, что и с бытовыми учреждениями. При колоссальных затратах в текущем году на это строительство, выразившееся в сумме около 100 млн. рублей, самое строительство происходит по чисто случайным признакам. Например химический вуз в Москве строится по неизвестной причине на Никитской улице. Построить же его нужно было при ближайшем химическом заводе, в целях осуществления соединения материального производства и учебы—этого лозунга Маркса, включенного в нашу партийную программу и требующего своего выявления в жизни в условиях строительства социализма. Это не значит конечно, добавляет т. Милютин, «что задачу немедленного превращения указанного химического завода в фабзав-вуз мы ставим сегодня же перед собой». Но, продолжает далее т. Милютин, учебные заведения необходимо строить там, где имеется налицо соответствующая производственная база, причем принципиальной линией должно быть строительство именно фабзав-вузов. На основе этого и необходимо приступить к созданию соответствующих материальных предпосылок для строительства новых вузов при соответствующих предприятиях. То же требование необходимо предъявлять и при строительстве средней школы, которая должна быть тесно увязана с производством; «обязательность участия с определенного возраста в производственном труде сможет создать всесторонне развитых людей».

Переходя к проблеме реконструкции существующих городов, т. Милютин ссылается на Энгельса и Ленина. Первый говорил в свое время, что «уничтожение крупных городов стоит в порядке дня». Второй

довольно смело подошел к тому же вопросу. Ленин писал, что «признание прогрессивной роли крупных городов, которую они сыграли в свое время, отнюдь не лишает нас обязанности поставить в программу действий уничтожение этих крупных городов. При разрешении данной проблемы т. Милютин рекомендует придерживаться реальной точки зрения, т. е. «при малейшей возможности не загромождать дальнейшим строительством новых производственных предприятий, новых вузов, новых учреждений и т. д. существующие крупные города».

Вот та программа-минимум, которая должна объединить на сегодняшний день организации, учреждения и лиц, заинтересованных в рациональном планировании социалистического города и вообще населенных мест.

Первое требование, которое стоит в этой программе: «расширение существующих предприятий в городах необходимо производить только в том случае, когда это действительно абсолютно необходимо, причем должны быть приняты все меры к тому, чтобы при новом строительстве обязательно уходить из пределов города, либо путем создания спутников, либо путем создания совершенно новых точек. Но при этом во всех случаях необходимо исходить из наличия сырьевой и энергетической базы».

Касаясь в частности кампании о расширении строительства в Ленинграде, т. Милютин находит это «абсолютно неправильным», так как Ленинградская область, имея целый ряд предпосылок для развития промышленности, задачу расширения строительства новых производственных предприятий должна разрешить таким образом, «чтобы не сделать жизнь человека в самом Ленинграде сплошной мукой».

Необходимо, по мнению т. Милютина, при разрешении данной проблемы и проведении ее в жизнь наблюдать за тем, чтобы «не ухудшалась и без того не блестящее состояние санитарии в самом городе». В дальнейшем существующие города должны, по мнению т. Милютина, реконструироваться. И первое, чего необходимо добиваться при этом,—это освобождения больших зеленых площадей внутри существующих городов. Тов. Милютин высказывает при этом сомнение, что «вряд ли возможно будет перепланировать существующие города, чтобы обеспечить в них правильные потоки функциональной связи». Этому будут мешать многие данные, с которыми придется при этом считаться. Но там, где это возможно, там, по мнению т. Милютина, не нужно останавливаться перед уничтожением даже целых кварталов. Вместе с тем необходимо будет начать уничтожение плохо построенных жилищ, а освобожденные площади занимать под зеленые насаждения. Все это должно быть иметь место в ближайшее время в программе-минимум. Помимо этого в существующих городах необходимо всемерно развивать предприятия и учреждения, организующие на новых началах бытовое обслуживание населения (сеть яслей, детских садов, столовых, механических прачечных и т. д.).

Расположение самых предприятий и производства в новых городах должно проектироваться при условии отказа планировщика и инженера от целого ряда предрассудков. В Магнитогорске, в котором крупное металлургическое предприятие сбито в одну кучу и создает такую тесноту, при которой с первого же года работы этого предприятия, далеко еще не при полной нагрузке, люди будут задыхаться. Теснота эта, как утверждают специалисты, была создана необходимостью иметь ровную площадку. А эта ровная площадка по условиям места,—с одной

стороны р. Урал, с другой стороны, горы—может быть только на этом определенном участке. По мнению т. Милютина, это «глубоко неверно». Необходимости в ровной площадке в данном случае не встречается, так как «внутри производства целый ряд производственных процессов можно решать в виде наклонных и вертикальных потоков». Также и в расположении отдельных мастерских или отдельных цехов,—даже внутри этих цехов нет необходимости решать вопрос обязательно только в одной плоскости.

Докладчик далее возражает и против «стремления планировщиков к квадрату», на основе которого «спланированы все почти предприятия сегодняшнего дня». Это отрывка старого прошлого, когда существовала земельная собственность, и эти квадратики являлись логическим следствием капиталистического взаиморазмежевания. При настоящих условиях, когда мы идем к конвейеру, к обработке по потоку, этот квадратик должен будет отмереть.

Стремление к многоэтажности в производствах т. Милютин также находит ошибочным, считая пережитком того же старого прошлого, так как инженеров в старое время заставляли идти вверх и дороговизна земли, условия соседства и т. д. В наших условиях все это отпадает. При отходе же от многоэтажности мы получаем огромные преимущества: значительное удешевление строительства коробок и возможность расселения людей на большей площади, что в свою очередь—создает более гигиенические условия их жизни и облегчает реконструкцию быта.

Организацию новой жизни т. Милютин строит на основе формулы Ленина о перестройке мелкого индивидуального домашнего хозяйства в крупное социалистическое, в освобождении половины человечества от домашнего рабства. Без такой перестройки, говорит т. Милютин, ни о каком социалистическом быте говорить не приходится. Это—«аксиома, не требующая в наших условиях каких-нибудь особых доказательств».

Следующей, по мнению т. Милютина, необходимо поставить задачу организации общественного воспитания детей. С разрешением этих основных задач т. Милютин находит возможным называть новый быт «бытом социалистическим». Но здесь т. Милютин предупреждает от двоякого рода опасностей: 1) от переглябов, могущих сорвать всю работу в данной области, и 2) от недоучета значения обобществления бытового обслуживания населения для всего народного хозяйства и строительства нового социалистического общества. Отдельные предложения, идущие по линии принудительности в осуществлении мероприятий по внедрению нового быта, неизбежно дискредитируют в корне идею организации нового быта. Так, при неумении организовать небольшое, но правильно поставленные ясли, выдвигается идея крупных детских городов, в которых—утверждает докладчик—ребята перемрут в ближайшую же пару лет.

Также и в области общественного питания. Существующее общественное питание сегодня, хотя и используется несмотря на антисанитарность столовых, алчущими, но создать из них идеал общественного питания не представляется возможным. Поэтому во главу угла необходимо поставить борьбу за качество и расширение сети столовых. Столовая должна проходить «без всяких элементов принудительности, притом, что особенно важно, на максимально доступной нам высоте качества питания, в целях перехода к новому быту на базе его реального улучшения, а отнюдь не на основе ухудшения и не в результате тех или иных перебоев или временных затруднений».

Задача сегодняшнего дня—это стимулирование стремления населе-

ния к обобществлению обслуживания своих бытовых нужд, при осуществлении всего того, что окажется в наших силах, ведение борьбы за качество и всемерное развитие строительства новых учреждений как в существующих городах, так и особенно при строительстве новых городов.

Это даст нам прежде всего огромные новые кадры для производственного труда. На примере Магнитогорска и Сталинграда, на основе тщательных подсчетов Госплана видно, что «при одном и том же количестве в этих городах населения, при обобществлении бытового обслуживания, число самостоятельного населения возрастает примерно в полтора раза, не считая тех кадров, которые будут заняты в самом обслуживании обобщественного быта».

Эти кадры нам необходимы уже и теперь, когда в производство вступили лишь первые новые предприятия, вызвавшие весьма значительную разгрузку бирж. В ближайшие годы, когда в работу вступит целый ряд новых гигантов, потребуется колоссальное число рабочих рук, которых деревня нам не даст, так как, с своей стороны, будет развивать сельское хозяйство, новые его отрасли на основе коллективизации.

Второе, что дает нам обобщественное бытовое обслуживание,—это значительное повышение бытового и прожиточного уровня населения, так как заработок в семье только наполовину примерно будет уходить на затраты по обобщественному обслуживанию быта. А в дальнейшем эти затраты будут еще более сокращаться. В результате чего прирост добавочных рук, занятых в новом производстве, даст новые материальные ценности, а стало быть и повышение жизненного уровня населения, что в свою очередь повлечет несомненно «на ускорение темпов индустриализации».

Но при осуществлении указанной задачи необходимо искать все пути для того, чтобы самое обобществление бытового обслуживания возможно было максимально развивать, избегая в то же время перегибов. Последние смогут нас двигать не вперед, а назад, отбрасывая к исходным позициям.

Указанные перегибы, заявляет докладчик, «имеют место в целом ряде проектов, представленных на выставке». Так например в группе обобщественного обслуживания мы имеем такой коэффициент по отношению к необобщественной части, который является в значительной мере не реальным. Или решение вопроса, когда жилая часть, предоставляемая человеку, сводится лишь к спальной кабинке, причем в некоторых проектах эта кабинка снабжается унитазом, стоящим рядом с кроватью. Затем создание общественных кабинетов для занятий, находящихся в коллективном пользовании, создание столовых и яслей и т. д.

Такое решение имеет в основе, по мнению докладчика, «трансформированную на коллективных началах мещанскую квартиру, в которой принадлежность, обычно помещаемая у наших обывателей под кроватью, здесь помещена рядом с ней—только и всего».

По мнению т. Милотина, «все эти кабинеты, гостиные, спальни, столовые и все прочее—все, что мы находим у буржуа, находим и здесь». Больше всего издевательство над идеей нового быта трудно придумать, как загнать человека жить в уборную. А такие проекты—замечает он—представлены на выставке под социалистическим флагом.

К решению данной задачи необходимо подходить, исходя из тех потребностей и функций, которые будут у человека в новых бытовых условиях. «Столовая например необходима. Но решать ее нужно таким об-

разом, чтобы она являлась приемлемой для человека, чтобы она служила местом отдыха, а не раздражала бы нервы, что будет неизбежным, если эта столовая будет рассчитана на тысячи душ».

То же и в отношении детских учреждений. «Детские корпуса нужно рассчитывать так, чтобы там были созданы условия изоляции ребят от инфекции». Наркомздрав рассчитывает, что от 50 до 100 ребят можно соединять вместе, а если их будет больше, то они перемрут. Эти нормы и должны быть положены в основу при проектировании.

Затем «человеку необходимо дать не спальную кабинку, а мало-мальски приличное жилье за счет отказа от общественных кабинетов, гостиных и т. д., что пролетарию совершенно не нужно».

Жилая комната может быть и кабинетом, притом совершенно индивидуальным, а не коллективным, и это вполне удовлетворит. «Тогда мы сможем получить не 5 кв. м для общественных нужд взрослого населения, а примерно всего 1 м, остальные 4 м возможно будет отдать каждому человеку». При давлении в 6 м, намеченным проектом, еще 4 явится достаточным, чтобы комната могла быть использована и для занятий и для встречи со своим соседом.

Тов. Милотин полагает, что «многие учреждения, которые сегодня мы должны строить, при обобществлении бытового обслуживания упадут совершенно, и освобожденная площадь пойдет на улучшение жилищных условий отдельного человека. Например, по мнению Наркомздрава, не нужны будут: молочные кухни, детские консультации, дома матери и ребенка.

В первую очередь, по мнению докладчика, по линии обобщественного бытового обслуживания, необходимы: механические прачечные, хорошие столовые, хорошие ясли и хорошие детские сады. На это и нужно держать направление и в первую очередь такие учреждения создавать. При этом можно пока отложить постройку зала для физкультуры, потому что физкультурой можно заниматься на воздухе с большей даже пользой, чем в специальных залах. То же и в отношении общественных кабинетов. От них следует отказаться и эту площадь использовать для жилья».

При таком подходе можно многое действительно сделать.

Переходя затем к вопросу организации жилья, докладчик рекомендует рассчитывать самое жилье как жилье отдельного человека, а следовательно и жилую ячейку на одного человека, предусматривая при этом возможность различных жилых комбинаций.

Поскольку люди живут не изолированно один от другого, поскольку существуют бытовые, товарищеские и иные связи, поэтому и необходимо предусмотреть возможность сочетания отдельных индивидуальных жилых ячеек.

При разрешении этой задачи следует «настаивать на том, чтобы возможность изоляции человека для работы и отдыха все-таки была обеспечена». От казармы—замечает докладчик—надо уйти во всяком случае.

В новом жилье является необходимым и то, чтобы оно имело не только 4 стены, но и оборудование для того, чтобы человек перестал быть рабом вещей.

Это тот идеал, которого нам надо пытаться достигнуть.

Расчеты, которые нами сейчас проделаны, заявляет т. Милотин, показывают, что при новом строительстве создание очень хороших жилищ с обобщественным обслуживанием быта потребует от нас на производственную единицу затрат примерно в 2 раза меньше, чем в обычных

условиях. Мотивы этому: значительное сокращение населения на одну производственную единицу, т. е. на 1 работающего, так как сократится число людей неработающих, что примерно сокращает расходы процентов на 30—35. Кроме того мы будем иметь большую стандартность самого строительства, большую его разбросанность, а потому и не такую сложность как сейчас. Затем будет сокращено число подсобных помещений, распыляемых в настоящее время по семейным квартирам, что также даст возможность значительного снижения накладного объема заданий на жилую площадь. В результате это даст экономию затрат на 20—25%, которые требуются на 1 рабочего, занятого в производстве, притом при значительно лучших повышенных жилых нормах.

Здесь т. Милотин приводит соображения, имеющие большое значение в вопросах строительства в связи с бытовым обслуживанием.

Прежде всего необходимо решить вопрос: «будет ли при современном уровне зарплаты рабочего доступно ему такое обобществление бытового обслуживания, за которое придется все-таки во многих случаях платить там, где сейчас это обслуживание проходит путем дополнительного труда».

Например текстильщица работает не только на предприятии, но готовит сама себе обед, сама стирает себе белье и т. д. Обобществление бытового обслуживания освобождает ее от этого дополнительного труда путем переложения его на других. Или в данное время подавляющее число ребят воспитывается улицей и остается без всякого надзора. При обобществлении бытового обслуживания эти дети будут воспитываться в специальных учреждениях, а это также потребует дополнительного труда, а следовательно и дополнительных затрат.

Этот вопрос—говорит докладчик—имеет исключительное значение. Можно построить учреждение, а содержать его будет не на что. Ответ на него мы находим в следующих расчетах: общая стоимость общественного воспитания ребенка по самым максимальным нормам в Москве составляет около 20 руб. в месяц на одного застрахованного, т. е. трудоспособного. Что это максимальный расчет, видно из того, что содержание одного ребенка в месяц взято в 63 руб. с копейками. Сейчас мы тратим на это менее 25 руб. При трате же 63 руб. можно будет поставить обслуживание ребенка прекрасно.

На основании справок, взятых докладчиком о расходах московского бюджета и бюджета соцстраха, в целях выяснения производимых затрат в Москве на это дело по местному бюджету, по соцстраху и т. д., выяснилось, что затраты для 1929/30 г. выражаются в сумме 8 руб. 16 коп. на одного трудоспособного человека. Таким образом из приведенных расчетов видно, что около половины необходимых средств уже имеется. Необходимо еще половина этих средств для того, чтобы наиболее успешно разрешить проблему общественного воспитания ребят.

Если, продолжает далее докладчик, учесть, что местный бюджет и бюджет соцстраха растут из года в год на 30—40%, то совершенно ясно, что в Москве уже в ближайшие же два-три года можно было бы разрешить эту проблему. Если же внести сюда известный элемент платности, эта задача могла бы быть осуществленной еще скорее.

Разрешение указанной задачи т. Милотин видит: а) в создании материальной базы в форме соответствующих учреждений, т. е. в капитальных вложениях, играющих сейчас решающую роль, и б) в организационной способности и умении поставить это дело. Здесь несомненно

встает вопрос о соответствующих кадрах, которые будут играть решающую роль.

Докладчик не сомневается в том, что мы сумеем в конце концов правильно наметить принципы сложной проблемы расквартировки новых городов и реорганизации существующих, правильно поставив задачу реконструкции быта. Перед нами в практическом разрешении этих задач встанет целый ряд затруднений, разрешаемых с известным напряжением. Но преодолевая эти затруднения, нельзя понимать это преодоление как задачу перескакивания через те неизбежные трудности, которые будут стоять на нашем пути. Эти перескакивания и загибы могут в корне дискредитировать все дело и от них необходимо предостеречь.

Наряду с этим необходимо сделать все, что в наших силах для создания материальных предпосылок, на основе которых и последует решение всех указанных в докладе задач.

Необходимо мобилизовать всю передовую архитектурную мысль вокруг вопросов нового строительства и ясно себе представить, что каждое здание, каждая постройка, создаваемая сегодня, простоят десятки, а может быть и сотни лет. И это свяжет нас на многие годы. Если сегодня например построим индивидуальную квартиру, то перестроить ее затем на общественное обслуживание будет в высокой степени не легкой задачей, требующей огромных затрат и представляющей огромные трудности.

Постановка Комакадемией перед архитекторами проблемы планировки соцгорода—заявляет докладчик в заключении—является делом величайшей важности, от правильного разрешения которого зависит в значительной мере все последующее строительство.

II

В прениях по докладу, продолжавшихся в течение двух вечеров, приняли участие гг. Сабсович, Охитович, Гуревич, Зеленько, Сотник, Джус, Леонтьев, Пузис, Рыско, Лебедева, Мордвинов, Иваницкий и Белоусов.

Тов. Сабсович останавливается лишь на некоторых основных моментах доклада т. Милотина и в первую очередь на вопросе о своевременности постановки проблемы о планировке социалистического города и объема самой постановки, в связи с ближайшими перспективами развития нашего хозяйства. Причем рост городов он ставит в тесную связь с развитием промышленности.

Пятилетний план, составленный год тому назад, уже перевыполняется на втором году пятилетки. «На будущий год контрольные точки дадут еще большее перевыполнение». Вследствие этого в самый план придется вносить уже и теперь коррективы. Эти коррективы следующие. На основе приведенных цифровых данных в диаграмме о росте действующего капитала в зависимости от капиталовложений в промышленность в течение ближайших 3 лет пятилетки, самые размеры капиталовложений т. Сабсович устанавливает: на будущий год—в сумме 6 млрд. рублей, а на 2 последующих года минимум увеличения он исчисляет в 3 млрд. на каждый год, т. е. 9 млрд. в 1931/32 г. и 12 млрд. в 1932/33 г.

При учете снижения себестоимости строительства, намеченного пятилетним планом, и допущении лишь небольшого увеличения не на 39% за 5 лет, как намечено планом, а на 44%, получится объем капитальных работ в следующих сравнимых величинах: в 1927/28 г.

он выражается в 4,65 млрд., в будущем году—8 млрд., в 1931/32 г.—13,5 млрд., в 1932/33 г.—около 21,5 млрд. руб.

Это даст нам, по мнению т. Сабсовича, «весьма значительный рост самого действующего основного капитала».

«При указанном росте вложений, при капитальных работах неоконченных и переходящих на следующий год в размере около 60% стоимости всех капитальных работ, с небольшим уменьшением в последние два года пятилетки, получаем увеличение действующего основного капитала с 9,5 примерно до 45 млрд. руб., т. е. почти в 5 раз».

В связи с ростом действующего основного капитала получается «весьма значительный рост промышленной продукции». В цифрах это выразится: в прошлом году увеличение действующего основного капитала было на 10%, в текущем—на 22%, в будущем примерное увеличение составит 41,5%, в 1931/32 г.—на 54%, в 1932/33 г.—на 60%. Для того, чтобы ответить на вопрос о росте промышленной продукции, т. Сабсович находит необходимым предварительно выяснить степень эффективности действующего основного капитала. При этом он принимает во внимание 2 фактора: переход на трехсменную работу, при котором средняя продолжительность действия всех заводов в сутки повышается примерно с 16 ч. в 1927/28 г. (повидимому—замечает т. Сабсович—эта цифра несколько преувеличена) до 22 ч. в 1932/33 г., и затем—переход на непрерывку. В результате получится увеличение производительности действующего основного капитала за 5 лет на 70% с лишним.

Но значение этих факторов т. Сабсовичем учитывается не полностью. Им предположено увеличение производительности действующего основного капитала за 5 лет всего на 57%. Это и определяет собою прирост продукции. В предыдущем году—в 50% примерно, в 1931/32 г.—70%, в 1932/33 г.—80%. Это минимальный рост, получаемый при допущении очень большого количества неучтенных ресурсов.

В дальнейшем т. Сабсович, ввиду «некоторых сомнений в возможности такого роста капитальных вложений в промышленность», делает переучет. Так, на будущий год он берет 6 млрд., на следующий год 7,5 млрд. и на последний год пятилетки—9 млрд., т. е. ежегодное увеличение только на 1,5 млрд. И при указанных условиях, по его мнению, получится такой же результат при учете полностью эффективности действующего основного капитала от многосменности и непрерывки, при учете ускорения строительных работ, почти неучтенных в первом исчислении. В результате незаконченные переходящие капитальные работы составят: в 1931/32 г.—50%, в 1932/33 г.—40% от общей стоимости капитальных работ.

Если—продолжает т. Сабсович—при таком росте производства предположить значительный рост производительности труда на будущий год на 28% (намечаемый контрольными точками), на следующий год 30%, еще на следующий—40%, то даже при таком напряженном росте производительности труда получится весьма значительное увеличение числа промышленных рабочих.

В прошлом году примерно увеличение числа рабочих было на 70%, в настоящем году по контрольным цифрам возможно было бы наметить примерное увеличение на 5%; фактически же очевидно увеличение будет больше. На следующий год примерно получится увеличение на 17%, а в последние 2 года пятилетки ежегодное увеличение примерно выразится на 30%.

По пятилетнему плану число рабочих увеличится примерно с 3 до

4 млн., т. е. на 1 миллион. По исчислениям, сделанным т. Сабсовичем, число рабочих таким образом увеличится с 3 млн. до 6 800 тыс., т. е. больше чем в 2 раза.

Такое огромное увеличение рабочих и городского населения в первую очередь в больших городах заставляет серьезно задуматься над проблемой города. Одних строительных рабочих, по подсчетам т. Сабсовича, может увеличиться с 3 690 тыс. в 1927/28 г. до 5 690 тыс. в 1932—1933 г. (пятилетний план намечал увеличение на 2 300 тыс. чел.). На основании же данных, приведенных т. Сабсовичем в особых таблицах, это увеличение выразится с 3 690 тыс. до 11 800 тыс. строительных и промышленных рабочих.

В ближайшие же 2 года (3-й и 4-й год пятилетки) придется увеличить число строительных и промышленных рабочих примерно не на 1 миллион, как это намечалось по пятилетнему плану, а на 4 миллиона. С присоединением же к указанному числу строительных и промышленных рабочих транспорта, общее число их возрастет за 3 года больше, чем на 10 млн., примерно на 11,5—12 млн. человек. Если же принять во внимание коэффициент семейности или иждивенчества, то число населения в городах увеличится примерно на 30 млн. человек. По пятилетке увеличение населения предусматривается с 28 до 34 млн. человек. Рост же действительного городского населения за 5 лет увеличится с 28 млн. до 60 млн.

Приведенные данные о росте городского населения предполагают создание огромного жилищного фонда, вложения громадных средств в жилищно-коммунальное строительство, даже и в том случае, если мы будем строить очень скудно и будем давать низкую жилую норму. Создавшееся положение ставит перед нами вопрос о максимальном использовании всего трудоспособного населения в новых и существующих городах, т. е. об использовании всех трудовых ресурсов. Но даже при полном вовлечении в производство в первую очередь женщин получится рост городского населения довольно внушительный, т. е. за 3 года придется увеличить городское население на 11 млн. человек, но не 30. Но и это количество потребует несомненно огромных затрат.

За решение проблемы строительства, по мнению т. Сабсовича, необходимо браться немедленно же, минуя опыты, за недостатком времени. Причем главное внимание нужно сосредоточить на реконструкции быта, так как на это нам потребуются значительно меньше средств и тогда можно будет больше средств употребить на индустриализацию страны.

Строить нужно новые города как города индустриально-аграрные, т. е. имеющие под собой производственную, промышленную и сельскохозяйственную базу. При таком строительстве мы получим чрезвычайно много выгод. Свое положение т. Сабсович иллюстрирует г. Новосибирском, производственной базой которого является Комбайнстрой, а затем предполагаемый там же к строительству текстильный комбинат. Территория Новосибирского района занимает площадь примерно 360 000 га и р. Обью делится на 2 части. К городу будет прилегать всего около 170—180 тыс. га. Тов. Сабсовичем было предложено эту территорию объединить в одно крупное сельское предприятие, принимая во внимание однородный по составу район (пшеничный и значительные размеры коллективизации). При строительстве же самого города в целях упрощения и удешевления постройки и ликвидации могущего быть кризиса в рабочих руках использовать от 8 до 10 тыс. человек, освобожденных в результате организации механизированного и

научно поставленного сельского хозяйства в районе. При этом им были сделаны указания, что при правильной организации хозяйства количество труда, требующегося в нем, постепенно будет уменьшаться, а продукция будет увеличиваться. В результате получится при сокращенном числе рабочих рук большие ценности, а в общем—повышение общего уровня жизни всего сельского населения. Между колхозом и новым городом возможно будет, по мнению т. Сабсовича, создать как бы договорные отношения на поставку рабочей силы. В этом году например работает 12 500 чел. населения; в будущем же году, когда хозяйство будет снабжено некоторым количеством машин, будет более правильно распределен труд и освободятся 2—3 тысячи чел., которые и направляются на строительство нового города, в первую очередь на строительство жилищ. Затем через год, когда начнут действовать некоторые цеха, переквалифицировав тех же рабочих, можно будет их послать на постоянную заводскую работу. Осуществить это возможно будет, принимая во внимание заинтересованность коллективизированного населения, получающего для себя новые жилища в новом социалистическом городе и возможность для переквалификации и повышения уровня жизни.

Таким образом город Новосибирск, а по его примеру другие вновь строящиеся социалистические города, могли бы черпать резервы из окружающих сельских районов и приобщать колхозников к условиям новой общественной жизни.

Далее т. Сабсович переходит к проблеме реконструкции существующих городов. Отмечая остроту данной проблемы, т. Сабсович ее решение полагает лишь при условии реконструкции быта. В этом отношении он примыкает всецело к т. Милютину, давшему вполне правильную установку. И по мнению т. Сабсовича необходимо промышленные предприятия выносить за пределы города. Конкретно касаясь вопроса реконструкции Москвы, т. Сабсович намечает следующие мероприятия.

Во-первых, новые предприятия должны выноситься за пределы города на расстояние 20—30—50 км; вокруг них строится новый город или поселок именно индустриально-аграрного характера. То есть при создании промышленных предприятий необходимо и создание хозяйственного центра для окружающей сельскохозяйственной территории. Там же создается одно или несколько крупных сельскохозяйственных предприятий, колхозов и организуется таким образом новый аграрно-индустриальный центр. Затем постепенно приступаем к постройке нового индустриально-аграрного города.

В целях удешевления самого строительства т. Сабсович рекомендует, используя транспортные ж.-д. пути, находящиеся в окрестности Москвы, строить постепенно жилые постройки вокруг предприятий и нового центра сельскохозяйственных и промышленных предприятий с тем, чтобы в первые несколько лет большая часть рабочих и служащих, занятая в этих предприятиях, ездила туда из города.

Помимо этого необходимо использовать наиболее полно московское существующее население в строительстве новых предприятий и их обслуживании. В первую очередь следует освободить женщину, перестроив быт московского населения на началах обобществления.

В указанных целях необходимо будет построить в Москве крупный пищевой комбинат. Отдельные цеха такого комбината—замечает т. Сабсович—мы уже имеем сейчас и их можно использовать в первые годы. Это—бойни, холодильники, макаронные, колбасные и пр. фабрики. Пищеккомбинат должен обслуживать не только московское население,

но и население городов, строящихся вокруг Москвы. Вследствие обобществления питания московского населения освобождается жилая площадь из-под кухонь, из-под небольших комнат при кухнях, занятых в настоящее время домашними работницами. Затем по мере дальнейшего обобществления быта освобождаются постепенно и другие помещения, например, продовольственные магазины и т. п. Все это создает добавочную площадь, которая перейдет в наше распоряжение. Ее можно будет использовать при реконструкции быта для общественных столовых, организации яслей, детских садов и т. д. Но вся эта перестройка—предупреждает т. Сабсович,—будет проходить с значительными трудностями и напряжением, так как придется произвести коренную ломку психологии населения.

При освобождении женщины и производительном использовании ее труда, население Москвы значительно поднимется за счет использованной части, которая и перейдет в другие новые города Союза, в которых будет ощущаться чрезвычайно большой недостаток в работниках всякой квалификации. Это в известной мере поможет нам увеличить жилищную норму в Москве до уровня 8—9 кв. м на душу населения. Но все же—добавляет т. Сабсович—нам и сейчас придется строить быть может временные районные столовые, районные фабрики-кухни с тем, чтобы потом превратить их в столовые. Помимо этого придется строить и ряд детских учреждений, так как существующим жилым фондом мы обойтись не сможем.

Но затраты на такое строительство будут, по мнению т. Сабсовича, сравнительно невелики. Большого нового жилищного строительства в Москве вести не придется, так как большая часть средств должна пойти преимущественно на постройку новых индустриально-аграрных городов в Московском районе.

В отношении сельского хозяйства т. Сабсович намечает те же задачи, которые стоят и перед сельскохозяйственным районом, примыкающим к крупно-промышленному центру.

При интенсификации процесса организации крупных сельскохозяйственных предприятий к концу пятилетки основная масса крестьянских хозяйств будет несомненно коллективизирована и объединена уже в крупные, плановым образом построенные, снабженные достаточной энергетической и механической базой, крупные сельскохозяйственные предприятия.

Создание этих крупных предприятий потребует концентрации населения, принимая во внимание рабочих непосредственно занятых с.-х. производством на переработке с.-х. продуктов, причем часть из них, незанятая в с.-х. предприятиях, будет использована в промышленности, в строительстве и на транспорте, в общественном использовании, а часть перейдет на новые площади в новые районы. Последняя часть может быть использована на строительстве новых жилищ, как это мы и видим на примере с Новосибирском. И в данной области мы будем иметь процесс концентрации населения в определенных пунктах и создание новых условий жизни новых городов.

Для осуществления этой задачи, для устройства 150 млн. населения в новых условиях потребуются (если брать затраты на жилищно-коммунальное строительство по ценам прошлого года на душу населения, примерно—1 600 руб.) 240 млрд. руб.

На основании грубых исчислений т. Сабсович предполагает в первом году—1931/32—около 5 млрд., затем 8, 11, 19, 32, 55 и наконец

110 млрд. При условии темпа удешевления капитального строительства, намеченного пятилетним планом, и продолжения в том же размере далее до 1937/38 г. получим другой ряд цифр этих вложений в деньгах: в 1931/32 г. примерно 3,5 млрд., в 1932/33 г.—последующем году пятилетки—около 4,5 млрд., затем 4,8 млрд., а дальше—следующая пятилетка—5,5 млрд., затем 8, 11, 16,5 и 27,5 млрд. руб.

При новой же грандиозной социалистической перестройке сельского хозяйства, при перестройке усилиями самого крестьянства своего быта, по созданию для себя новых условий (не принимая в расчет 60% установленных при разработке первого агорограда в Хоперском районе), обеспечивающих более быстрое и удешевленное строительство, мы получим более скромные результаты, а именно, начиная с 3,3 млрд. в 1931/32 г. и кончая 13,5 млрд. в последнем году. По мнению т. Сабсовича, указанные величины свободно укладываются в баланс народнохозяйственных накоплений и их распределения в генеральном плане.

Касаясь далее вопроса двух течений—урбанизма и дезурбанизма, т. Сабсович, выясняя их значение, трактуемое по его мнению не совсем правильно, заявляет, что он не понимает—почему людям удобнее и лучше жить на возможно большем расстоянии друг от друга. Не понимает он также и связь «надуманного», «рассыпного» способа решения с эволюцией разделения труда, чему, по его мнению, т. Охитович посвятил свой доклад. Доказательств этому т. Охитович не приводит, да и не может привести. Другое утверждение дезурбанистов об удешевлении строительства при таком способе решения является также абсурдным, так как при одинаковых условиях благоустройства (водоснабжение, канализация, уборка мусора, уборка помещений), электрификация, теплоснабжение, телефон, передвижения и т. п.) такой способ расселения обойдется конечно гораздо дороже. Не согласен т. Сабсович и с утверждением дезурбанистов, что элементарная конструкция ведет к удешевлению. Запад нам говорит обратное. Дешевизну нужно искать не на пути возвращения к элементарным формам прошлого, а на пути технических достижений при крупном производстве, при создании крупных конструкций.

По отношению вопросов о строительстве жилых комбинатов на 3 тыс. человек, на 1 тыс., на 500 чел., и этажности (в 5 этажей и в 3) т. Сабсович находит их непринципиальными. В зависимости от той или иной установки следует решать вопрос о величине комбинатов, о количестве этажей жилых зданий и пр., принимая во внимание те ограниченные средства, которыми мы располагаем.

Доводы дезурбанистов против строительства сравнительно крупных зданий и об амортизации—моральной и физической, не имеют основания. «Дезурбанистские курные домики уже давно себя морально амортизировали». Что же касается амортизации физической, то неверно утверждение о том, что вещь, созданная нами, должна служить нам столько, сколько она может служить физически. Тов. Сабсович ссылается при этом на машины, заменяемые в условиях технического прогресса другими гораздо ранее их изношенности. То же можно сказать и про жилищное строительство. Оно может быть рассчитано, по мнению т. Сабсовича, лишь на 10—15 ближайших лет. Мы—замечает т. Сабсович—«вступили в полосу такого быстрого процесса реконструкции народного хозяйства, социальных отношений и быта, для которых 10—15 лет—это огромный исторический период». На этот период и следует рассчитывать жилищное строительство, но не на 100 лет, как об этом заявляет

т. Милютин. В этом т. Сабсович не разделяет его точки зрения. Установка нам нужна на первые ближайшие 10—15 лет, а самое строительство должно быть по возможности дешевле, из более легких материалов, более легкой конструкции.

В заключение т. Сабсович останавливается на вопросе о добровольности и принудительности в деле строительства нового быта. Он и его сторонники—заявляет т. Сабсович—во всех своих выступлениях не отстаивали принципа принудительности. Но агитируя за организацию пищекомбината, столовой или детучреждений, т. Сабсович имеет в виду интересы рабочих, имеет в виду оказать им помощь пережить ломку быта, облегчить переход от старого тяжелого, скверного быта к новому более совершенному.

При строительстве жилища необходимо, по мнению т. Сабсовича, предусмотреть целый ряд удобств, в том числе временные плиты, приспособления для нагревания пищи и пр., если это окажется необходимым. Но ставить их нужно не в отдельные комнаты, а в каждом этаже, на каждый коридор. Непонятным кажется т. Сабсовичу утверждение т. Милютина, когда он говорит: «жилые комбинаты по мещанскому образцу». Я отстаиваю положение, чтобы в таком жилом комбинате были бы две части: индивидуальная и общественная. В последнем случае это будут клубы, но предназначенные не только для отдыха, питания, физкультуры и пр., но и для коллективной работы и даже для работы индивидуальной. Затем—делает последнее замечание т. Сабсович—относительно размеров комнат. По мнению т. Сабсовича целесообразнее в настоящее время каждому трудящемуся дать отдельную комнату в 5—6 кв. м, а через 4—5 лет, когда мы станем богаче, снять перегородку между каждыми двумя смежными комнатами и каждому трудящемуся предоставить комнату в 10—12 кв. м.

Т. Охитович, полемицируя с т. Сабсовичем, заявляет, что он может быть «по ограниченности своего мозга» ничего не понимает из цифровых данных, сообщенных т. Сабсовичем. Затем т. Охитович переходит к изложению своих идей в отношении планировки соцгорода.

Вначале т. Охитович характеризует с исторической точки зрения способ расположения жилища в различные периоды.

«Жилище всегда было связано с местным производством, и человек стремился жить там, где он работал. С переменной же места меняется и его обитание, меняется и место расположения жилища. Но как только устанавливается постоянное место его работы, к нему прирастает жилище. Так было у оседлых земледельцев. С потерей своего участка земли он покидает и жилище для жилья на новом участке работы».

«Жилище крестьянина таким образом располагается на пашне. Жилище же ремесленника наоборот само окружает производство—станок».

«Сложное положение при мануфактурном и машинном капиталистическом производстве. Например пользование рабочим транспортом для поездок на работу является наказанием. Так же как и крестьянин, получивший надел далеко от данной деревни, неизбежно переселяется в другую, ближе отстоящую от его нового участка».

По объективным, независимым от своей воли, причинам расселится человек. С одной стороны, формы производства с железной необходимостью определяют отдаленность людей друг от друга, вынужденная отдаленность людей вплоть до того, что человек живет в одиночии, заброшенности, idiotизме деревенской жизни. С другой стороны, эти формы производства создают и вынужденную близость людей, поро-

ждающую потрясающие бедствия городской скученности. Оратор при этом оговаривается, что он сознательно здесь опускает положительные стороны близости людей в городе.

Причины скученности, причины одновременно изоляции и условия их возникновения, а следовательно и условия для возможного их устранения, по мнению т. Охитовича, нужно искать в «способах размещения производства».

Момент возникновения противоположности между городом и деревней, продолжает он далее, является самым интересным и решающим в вопросе об источниках жилищной изоляции, источниках заброшенности, с одной стороны, и источниках жилищной скученности, источниках концентрации, — с другой.

Город является в результате общественного разделения труда, отделения ремесла от земледелия, или иначе, отделения процессов обработки продукта от процессов добывания его.

Город таким образом является не продуктом каких-то физикогеографических, т. е. природных условий, но следствием общественных, социальных изменений.

Затем — сырье имеется везде. Это и продукт природы и продукт земледелия. Однако город, промышленность, или точнее обрабатывающая промышленность, возникает не всюду, неравномерно, в зависимости от размещения элементов производства, т. е. от географии, правда не физической, а экономической.

Например для того, чтобы сырье в руках человека превратилось бы в продукты ремесла, необходимо топливо (или другой источник энергии: вода, ветер). Развитие производства, при отделении ремесла от земледелия, становится в зависимости от получения топлива из более отдаленных районов.

При создавшихся условиях большую роль играют пути сообщения, притом не сами по себе и не как средства обмена, не как средства торговли, но как условия производства, как средства доставки топлива (главным образом лесного). Они становятся первым источником развития того или иного мелкопромышленного или, что то же самое, городского населенного пункта.

Следовательно транспорт, являясь первым условием размещения промышленности, отделения его от земледелия, становится и первой причиной скученности на земле. Из-за неравномерного размещения топлива по поверхности земли, при повсюдности сырья, из-за необходимости транспортировать топливо к сырью, происходит неравномерность размещения промышленности, неравномерность и расселения следующих за размещением промышленности людей, неравномерность в самих размерах городов.

Центры притяжения топлива становятся затем и центрами притяжения сырья. Пути топлива становятся и путями сырья. Так, транспорт утверждается как причина концентрации топлива, сырья, обрабатывающего производства и жилищ.

Поставив затем вопрос: «что такое город», т. Охитович отвечает на него таким образом. Город отличается от деревни наличием скрещенный дорог (улиц) и рек. Деревня в отличие от города всегда состоит из одной дороги. Если в деревне дорога не одна — во внутренней структуре деревни произошел уже качественный скачок, ремесло уже отделилось от земледелия. Пусть это называется еще не городом, а селом,

но оно не может уже являться и деревней. Это уже начало города, это конец деревни, ее разложение.

Тяготение же людей к одной точке обусловливается общественно-необходимым временем, если принять во внимание, что расстояния измеряются временем.

Развитие производства (его темп, качество) обеспечиваются быстрой и легкостью получения топлива. Отсюда необходимость для ремесленника (и крестьянина также) ставить жилище на скрещении путей, доставляющих ему топливо, а затем и сырье. Итак — отмечает т. Охитович — топливо, транспорт топлива, революция в передаче энергии на расстояние является тем новым условием, которое устраняет невероятную изолированность, с одной стороны, и необычайную гипертрофированную скученность, — с другой.

Таким образом транспорт топлива превращается в транспорт энергии на основе технического переворота. Это положение т. Охитович иллюстрирует примерами развития трех районов (Урал, Донбасс и Ленинград) в царское время. Сокращение путей, оказывается, дает такое сокращение общественно-необходимого времени, при котором Ленинград становится выше Донбасса или Урала, благодаря более дешевому транспорту угля из Англии, более дешевому, чем для уральской и донбассовской промышленности, несмотря на близость топлива от промышленных предприятий в двух последних районах, которое требует для перевозки из-за отсутствия транспорта больше времени и больших затрат. Это — при отсутствии передачи энергии по проводам. В последнем случае — чем длиннее провод, тем дороже энергия.

Поэтому в первое время в энергию превращается привозной уголь, также в прежних центрах, а затем промышленность переходит к новым, местным источникам энергии, не требующим транспорта топлива. Последний вызывает некоторое захирение прежних центров, но создает меньшие, а иногда и более крупные центры промышленности, крупные города, правда уже в других, новых районах. Энергия таким образом вызывает новое размещение центров, но не уничтожает их.

По мнению т. Охитовича, «лишь распространение сети проводов на весьма отдаленные углы страны, создание повсюду своих местных станций и в особенности кольцевая передача энергии (общая сеть различных станций) создает условия для полного переворота в формах размещения и расселения, какого еще не знала человеческая история. Это даст возможность перейти на местное сырье и вследствие этого исчезнет и узкая промышленная специализация районов и сельскохозяйственная их монокультурность, в зависимости от стоимости перевозок готового фабриката».

Так все современное развитие сельского хозяйства идет по направлению сокращения грузоперевозок продукта от места производства к месту его переработки, с одной стороны, и потребления, — с другой. Приход энергии к местному сырью коренным образом меняет положение земледелия.

Деревня как основной источник города, как источник сырья для города развивалась (речь идет о товарной, не общинной деревне) в меру своих связей с рынком, с городом, тянулась со своим сырьем к топливу, т. е. к городу, к скрещению путей сырья с путями топлива.

Теперь же «энергия тянется к сельскохозяйственному сырью, и не к скрещению путей, не к месту подвоза, к району производства этого сырья. Реконструкция деревни совершается в данный момент не только

в смысле перехода с мелкого на крупный машинный способ производства. Точный переход земледелия на машинный способ производства или соединение промышленности с земледелием будет означать то, что перерабатывать сырье человек будет там же, где будет производиться и его добыча.

Так величайшая концентрация производства в экономике ведет к величайшей децентрализации производства в пространстве. Ленин этот процесс называл «рассеянием» промышленности. Так сольется промышленность с земледелием.

Тов. Охитович ставит вопрос о том, какие новые формы размещения производств повлияют на формы расселения и каким образом можно будет покончить с изоляцией человека и с жилищной скученностью при новых условиях при развитой единой сети энергии. Причем, по его мнению, этот вопрос—есть вопрос о связи группировки жилищ с группировкой производства.

История знает 4 основных отношения группировки жилищ по отношению к группировке людей в производстве: 1) совместное производство—совместное проживание, совместное производство—общее жилище; 2) отдельное производство—совместное проживание; 3) отдельное производство порождает и отдельное жилье и 4) совместное производство порождает отдельные жилища.

Таким образом т. Охитович полагает, что в итоге всех указанных группировок в их исторической концепции рабочих при развитой капиталистической системе приходит к индивидуальному жилищу.

Следующий вопрос—о внутренней социальной форме жилья.

На этот вопрос т. Охитович отвечает таким образом: «При социалистическом способе размещения в конечном счете, когда не будет ни города, ни деревни, когда они соединятся в одно целое, техническое разделение труда приведет (от родового, от патриархального жилища в 4 поколения, от мещанского в два поколения, капиталистического в одно, образованными в результате общественного разделения труда) при социализме—к жилищу на одного человека, к индивидуальному жилищу».

Тов. Охитович полагает, что «вместе с частной собственностью исчезнет буржуазная, капиталистическая личность, но личная собственность, личное потребление, личная инициатива, личный уровень развития, личные руки, голова, собственный мозг, не только не исчезнут, но будут впервые доступны каждому, а не избранным, не привилегированным лишь, как это было до социализма».

Далее т. Охитович развивает мысль о «децентрализации производства на основе сети энергии, являющейся условием, территориальным признаком экономической и производственной крупности, подкрепляя примером о 24 прачечных, механизированных по последнему слову техники, по одной на каждую тысячу чел., противопоставляемых им одной прачечной, рассчитанной на 25 тыс. жителей. То же с фабриками-кухнями и т. д.

Переходя затем к вопросу о новом жилище, т. Охитович прежде всего отрицает этажность, которая, по его мнению, является «бичом недолговечности», и рекомендует совершенно безэтажное строение.

Новый способ размещения производства—заявляет далее т. Охитович—оказался причиной того, что «человечество наконец сможет перейти к новому способу производства в строительном деле» и как всякий новый революционный способ производства он придет как самый дешевый.

Тот же новый способ производства покончит и с бытом, «с укладом жизни вообще». И удовлетворяющий «актуальным потребностям конкретно развивающегося человека будет—заявляет т. Охитович—только «сборный», «разборный», «досборный дом». И если рекомендуемый новый способ размещения производства требует новой группировки жилищ, то новый способ строительного производства делает эту задачу вполне осуществимой.

Но «пока еще не разрешен существующий в реальности СССР город, до тех пор, пока не рассеяна промышленность, мы можем говорить о 40—50 годах, в которых должны будем уложить свои проекты этих старых городов, так как здание не амортизируется до исчисления этого примерно срока, ибо энергия еще получается от центров, а не от сетей».

Переходя затем к вопросу о транспорте, т. Охитович полагает, что «в эту эпоху огромную роль суждено будет сыграть легковому транспорту, особенно автомобилю, являющемуся потребностью переходной эпохи от города к его уничтожению, к соединению его с деревней в единое целое,—неизбежным спутником не рассеянной еще по пространствам промышленности». Тов. Охитович полагает, что сразу строить агрогород не представляется целесообразным. Социальная внутренняя форма жилища будет зависеть в это переходное время от: а) проникновения продуктов крупной промышленности в деревню, б) вытеснения элементов домашней промышленности из двора, в) вытеснения сезонного избытка рабочей силы из того же двора, г) вытеснения сезонного избытка рабочей силы, с одной стороны, и вытеснения из двора женщины, д) от прихода обрабатывающей промышленности к месту производства сырья—в деревню, к рабочей силе, не могущей еще экономически развиваться с деревней, к рабочей силе, не занятой в земледелии, с другой стороны. Это в отношении деревни.

Формы жизни горожан, по мнению т. Охитовича, не удастся уложить в одну схему. Это зависит от: 1) наличия домашнего хозяйства в жилище, 2) степени вытеснения домашнего хозяйства общественной организацией потребительского обслуживания, 3) стоимости общественных услуг по сравнению с индивидуальными, по сравнению с домашним хозяйством, 4) соответствия этой стоимости бюджету рабочего и 5) близости расположения средств личного потребления к рабочему.

От малейшей неточности в работе потребительского обслуживания (питание, стирка, обслуживание детей, расстояние, очередь и т. д.) при этих условиях неизбежен длительный переходный период, которому будут соответствовать различные комбинации форм и жилища; старое будет причудливо сочетаться с новым, новое со старым.

В переходную эпоху—заявляет т. Охитович—любая форма жилища: мещанская ли квартира или бытовая коммуна, или пролетарское жилище, или наконец социалистическое, индивидуальное жилище—все они будут носить неизбежно отпечаток принудительности: принудительной близости и принудительной отдаленности, поскольку материал жилища неподвижен, неизменен в продолжении целого века, а форма жилища подвергается изменениям в течение полудесятилетия, а иногда даже полугода.

Таким образом способ строительного производства, с одной стороны, и с другой—способ планировки становятся способами разрешения социальных вопросов. Они будут или мешать (принудительности именно в этом) или облегчать установление новой социальной формы жилища,

будут препятствовать новым отношениям людей между собой или питать их.

При этих условиях остается объявить беспощадную войну старой строительной технике и ее идеологическому представителю—бесприщипному подражательству, безграничному технщизму, а новую технику взять в основу строительства.

Тов. Зеленко в начале своей речи приводит данные о числе вновь строящихся городов и населения. По подсчету Госплана СССР намечается пунктов, в которых будет свыше 5 тыс. рабочих, около 36—37. Рабочих в этих городах можно насчитать 852 тысячи. Это на остающиеся года пятилетки. С приростом в старых городах это составит не 852 тыс., а 1 900 тыс. новых рабочих, которые будут втянуты в производство: К этому числу надо прибавить то население, которое будет связано с приростом вовлеченных в производство рабочих. Оно складывается: из рабочих, а затем из лиц, обслуживающих тех же рабочих. Последние также будут иметь свои семьи. В общем население, необходимое для создания новых городов, будет довольно значительное.

Тов. Зеленко останавливается далее на вопросе о втягивании в производство женщин. По его подсчетам следует считать, что в среднем в производство в настоящее время втянуто самое большее 30% женского населения. Если брать все население, т. е. рабочих, и затем подсчитать процент женщин, втянутых в производство, то получится следующая картина: на одного промышленного рабочего приходится коэффициент иждивенчества 3,3%. А если к этому прибавить обслуживающий персонал и семьи, то на одного промышленного рабочего приходится 4,8%. Если бы 33% женщин были втянуты в производственный труд, производственное обслуживание, то нужно было бы иметь гораздо меньшее количество населения.

Затем т. Зеленко переходит к определению размеров затрат на строительство. При строительстве нового города для обслуживания нового же производства, при уменьшении числа иждивенцев, возможно этот город построить на меньшее число лиц, с меньшими конечно затратами на коммунальные хозяйства. За те же затраты возможно будет дать наилучшие жилища для всего города.

Так как мы не можем остановиться на той норме, на которой сейчас находится наша жилплощадь, так как мы должны дать минимум 6,5 м, хотя и меньше санитарной нормы в среднем на рабочего, то нам нужно было бы при существующих условиях быта затратить 2 760 млн. рублей. А если мы попробуем втянуть женщин в производство, тогда, принимая во внимание те же 6,5 кв. м, мы могли бы затратить значительно меньшую сумму против того, что Госплан планирует на оставшиеся годы пятилетки. Мы могли бы сделать на этом экономию. А так как на этом экономии делать не следует, по мнению т. Зеленко, если бы мы довели этот расход до той нормы, которая сейчас по переработанной пятилетке предполагается,—то мы могли бы дать 7,3 м на человека вместо 6,5 за те же деньги, которые сейчас проектируются. Если из них отвести 1,3 м хотя бы на общественные быта, то и тогда на каждого человека остается 6 кв. м плюс 1,3 м на нужды общественного быта. Если же мы могли бы втянуть не 50% женщин, а 100%, что сейчас вероятно невозможно, но интересно посмотреть, что произошло бы при этом,—то мы получили бы такую картину, что тогда за те же деньги, которые сейчас, как Госплан планирует, возможно

будет затратить, мы бы дали на человека 9,3 м площади, из которых можно было бы дать 2 или 2,3 м на нужды общественного быта и иметь 7 кв. м, т. е. санитарную норму для каждого жителя.

Касаясь затем вопроса жилищного строительства, т. Зеленко приводит данные, добытые анкетным путем на выставке в Свердловске, в результате продемонстрированных перед рабочими планов Магнитогорска. Всего было получено 800 анкет. Около 80% рабочих высказались за укрупненные жилища, 24%—за дома для двух и трех семей.

По вопросу, где должны жить дети,—в одной ли комнате с родителями, или в отдельной детской комнате,—цифры совпали с мнением о крупных и мелких жилищах. Сторонники крупного жилища высказываются за то, чтобы была отдельная детская комната, в числе 93% и эти сторонники крупного жилища высказываются за то, чтобы дети жили вместе с родителями в одной комнате только в числе 7%. Из сторонников среднего жилища на 100—200—300 чел. большинство в тех же процентах высказывается за то, чтобы дети жили в отдельных комнатах. И сторонники мелкого жилища заявляют в большинстве о том, чтобы дети жили с родителями, так как, как было сказано в одном случае, «семейный быт будет дружнее». То есть придерживаются того уклада семьи, который был до сих пор.

И вот это совпадение сторонников мелкого жилища и сохранения семьи вместе показывает, по мнению т. Зеленко, из какого общего социально-психологического уклада исходят эти мнения.

По мнению т. Зеленко сейчас нужно провести новую работу, так как то, что сделано, представляет известный исторический этап. Необходимо сейчас дать новый социальный заказ техникам, архитекторам от рабочего класса. Этот наказ должны проработать в жилищной подсекции Комакадемии, в виде известного задания, и пойти с ним для проверки к рабочим на заводы. После их оценки этого социального заказа дать заказ техникам, чтобы новые дороги, новые пути проектирования были бы намечены таким образом.

Для осуществления выдвинутого предложения он намечает три линии: во-первых, продумать проблему завода как известного территориального жилищного сообщества. Это—по мнению т. Зеленко—очень серьезная проблема. И продумать ее нужно так, что люди там не только работают, но они на этой работе еще встречаются друг с другом: отдыхают может быть часть времени, а главное учатся.

Проблема завода-втуза должна быть продумана не только в смысле программы, но территориально, экономически и социологически.

Вторая линия—проблема—дом-коммуна, дом-комбинат, соединенные нескольких домов вместе. Каким образом должен быть устроен быт такого сообщества жилищ и какого рода работа политическая, социальная, художественная, бытовая должна быть там проделана, чтобы с их помощью поднять квалификацию будущего жителя такого дома-комбината, квалификацию его как культурного бытовика, и что в этом отношении нужно сделать, как эту квалификацию поднять, какого рода курсы устроить, чтобы не были построены жилища, в которых мы не будем уметь жить.

И третья проблема, очень большая, это—город, как коммуна, обслуживающая всех ее жителей в целях дальнейшего их совершенствования.

Придется подумать и о том, что и город является втузом,—научиться в городе управлять городом, делать лучшие дороги, и водо-

провод продумать иначе, и пожарное дело и т. д. От функций, которые коллективистический город возьмет на себя, город есть втуз, как быт есть втуз, как завод есть втуз.

Тов. Кожаный присоединяется к предложению т. Зеленко относительно передачи на места вопросов планировки строительства и быта на обсуждение рабочих.

Переходя затем непосредственно к теме, он отмечает грубую ошибку, в которую, по его мнению, мы впадаем, когда говорим о социалистических городах. Так как сейчас можно лишь говорить о направлении движения, можно ощупывать эти направления, но ни в коем случае нельзя точно сказать о том, какие будут города и будут ли вообще города.

По его мнению, города в социалистическом будущем не будет. Огромные сдвиги в производстве, связанные с ростом массового изобретательства и с освобожденным трудом, сулят нам такие результаты, которые невозможно придумать на 20—25 и более лет вперед.

Вопрос например о передаче энергии может совершить целую революцию, в частности вопрос о передаче солнечной энергии. Затем вопрос о способах сообщения. Трамвай уже отжил свой век. Необходим переход на более хороший, более гибкий путь сообщения, не связанный с рельсами, а именно—на автомобиль.

И в данное время у нас имеются огромные сдвиги в области связи, независимо от радио. Они повлекут за собой и огромные сдвиги в быту, в бытовых отношениях. Не нужно забывать, заявляет т. Кожаный, что, оставаясь на позиции революционной, революция в другой стране, установившей по нашему примеру диктатуру пролетариата и социализм, совершенно перекроит всю карту производства, всю карту промышленности сельского хозяйства в результате содружества нашего с этой страной. Предвидеть возможности такого фактора нам необходимо. Не за горами также уже тот период, когда мы по-деловому поставим вопрос об общем дальнейшем сокращении рабочего времени до 6 часов, а для вредных отраслей до 5 часов, а может быть и больше. Это даст нам возможность поставить практически проблему о рациональном использовании свободного времени.

Тов. Кожаный дальше переходит к вопросу о строительстве. По его мнению, сейчас строить нужно с таким расчетом, чтобы в ближайшее же десятилетие то, что нами сегодня будет построено, не явилось бы препятствием или тормозом к дальнейшему продвижению вперед.

Теперьшнее же строительство является во многих случаях не только тормозом в деле продвижения к социализму, но и тормозом к простому развитию элементарных начал нового быта.

Не долговечность нам нужна при строительстве нового жилища, что присуще лишь буржуазии. Поэтому нужно ставить определенно вопрос о прекращении застройки старых городов, в особенности в перенаселенных кварталах, ибо та экономия, которая могла бы прельстить капитализм, для нас совершенно необязательна. Экономия за счет здоровья и жизни рабочего класса для нас не является экономией.

Необходимо перенести жилищное строительство за пределы старых городов, создавая новые города на новых началах. Для этого мы должны использовать такие строительные материалы и так строить, чтобы не было жалко через 20—25, максимум 30 лет, все то, что построим, разрушить без остатка.

Требования наши к жилью должны быть такие: иметь место индиви-

дуального сна, место индивидуального отдыха и место индивидуальной работы, требующей индивидуального уединения. Чтобы в жилье было достаточно солнца, достаточно света и воздуха. Чтобы оно освободило нас от мелких забот, чтобы оно освободило женщину. Освобожденное же время трудящихся будет направлено на гармоническое развитие личности, т. е., если человек занят трудом на фабрике, занят трудом на земле, он будет занят и трудом в противоположных отраслях.

Неизбежно поэтому встает вопрос о тесной связи города с деревней. Все отмеченные выше требования к новому жилищу должны быть проведены с максимальным-возможным приближением в городах нового типа, приближенно социалистических.

Помимо указанных требований, предъявленных к строительству новых городов, необходимо, по мнению т. Кожаного, и предъявить требования максимальной стандартизации домов и строить самые дома облегченной конструкции из новых дешевых строительных материалов, причем он рекомендует строить передвижные дома и перевозимые. Против строительства огромных домов с огромными кучами людей и против клеток в 5 кв. м на человека, где давят стены и потолок, где нет воздуха, т. Кожаный решительным образом возражает.

Тов. Сотник полагает, что при подходе к фактическому осуществлению социализма при постройке новых социалистических домов, новых социалистических кварталов, домов-комбинатов и коммун, нужно иметь в виду два момента: момент технический и момент социальный.

Момент технический, по мнению т. Сотника, представляет собой техническую эволюцию, являющуюся продолжением того эволюционного процесса, который возник благодаря созданию плановых органов.

Диктатура пролетариата создала государственную власть, регулирующую народное хозяйство и устраняющую анархию производства. По мере своего развития органы власти все больше и больше уточняют процесс регулирования народного хозяйства. Отсюда—техническая эволюция, целый ряд необходимых реформ, создающих новую экономическую обстановку. Из последних мы упираемся в новую социальную проблему нового быта, революцию быта, проблему окончательного раскрепощения человечества в виде раскрепощения женщины, освобождения ее от оков домашнего хозяйства. Это—момент социальной революции. И методы к разрешению здесь должны быть иные. Но подход к разрешению этой проблемы должен быть осторожный.

Далее т. Сотник поясняет, что осторожность с точки зрения технических реформ есть уменьшение темпов, сокращение производимой реформы, сглаживание, приспособление ее к различным возможностям. Осторожность же с точки зрения социальной революции есть улучшение качества массы, которая производит данную революцию, т. е. точное намерение очередной революционной задачи и борьбы с оппортунизмом, т. е. улучшение, создание такого крепкого ядра, которое фактически борется за проведение настоящего революционного действия, доводя его до успешного конца.

Отмечая затем сложность очередной задачи социальной революции благодаря отсутствию точной теории второй фазы социальной революции, теории революции быта, по мнению т. Сотника, трудно будет установить, где мы можем видеть, в чем мы можем видеть ошибки, заблуждения, потерю революционных перспектив. Для нахождения объекта, на котором можно было бы остановить наше дальнейшее развитие, он предлагает точно проанализировать ту обстановку, в которой

будут находиться первые этапы, первые зародыши социалистического строя.

На этом этапе женщина уже будет освобождена, вовлечена в производство, в общественную жизнь, т. е. начнет сказываться то, чего не было раньше, когда женщина находилась в подчиненном положении. Здесь действуют какие-то новые факторы, их надо определить и понять. Здесь будут сказываться отрицательные стороны как наследия старого прошлого, с чем придется бороться. Но в то же время в ней, женщине, заглушены такие особенности, которые сейчас должны особенно ярко сказаться уже в пользу дальнейшего развития социалистического общества. Борьбой с оппортунизмом т. Сотник называет изжитие свойств и качеств, которые в нас воспитали предыдущие эпохи. Это нужно установить как можно точнее, путем исследования тех исторических процессов, которые породили в нас эти свойства и качества.

Нам придется обратить внимание на организацию социалистической ячейки, которая будет проводить в жизнь эти новые начала, зачатки социалистического строя в условиях достаточного технического обслуживания, в условиях социалистического соревнования между различными группами, осуществляющими строительство социалистического города.

В этом направлении, по мнению т. Сотника, и следует вести организаторскую работу, предполагая, что все точки, все поселения новых кварталов и нового соцгорода, который мы сейчас имеем, являются по существу лишь кандидатом на социалистические города. Фактически они могут получить это высокое наименование после того как в порядке соцсоревнования они покажут на деле высоким развитием своей промышленности, обслуживающей это население, что они представляют собой, в смысле самой дисциплины, самовоспитания, высшую организацию общества, действительно заслуживающую наименование социалистической.

Но для социалистического соревнования, в целях повышения качества масс, которые принимают на себя ответственность и берутся за сооружение соцгорода, необходим ряд условий: ясли, обслуживающие все детское население, детские дома, столовые и т. д.

Тов. Мордвинов при строительстве соцгородов не рекомендует становиться на путь старых рабочих поселков и старых капиталистических городов. Нужно идти новым путем к общественному питанию, к общественному воспитанию.

Ошибки т. Сабсовича он видит в преувеличенных чрезвычайно быстрых темпах нового строительства. Оптимизм в данном случае вреден, он сказывается отрицательным образом на нашей работе.

Тов. Сабсович легко переводит на полное обобщественное питание, не учитывая наших продовольственных трудностей, на полное обобщественное воспитание детей, не учитывая подготовленности Наркомздрава, не учитывая вопросов о кадрах по здравоохранению и воспитанию. Что видно на примере с Новосибирском. Или на примере вложения всех средств только в пищевой комбинат в Москве, не строя жилищ, без учета реальных возможностей и бытовых процессов.

По мнению т. Мордвинова—это отзвуки неправильных и вредных механистических положений т. Сабсовича.

Также неправильно утверждение т. Сабсовича о полном отделении детей от родителей, как и недопустимо насаждение быта административным путем. Это повторение загибов в колхозном движении.

Предлагая собранию отмежеваться от этих загибов, т. Мордвинов

видит разрешение проблемы планировки соцгорода лишь при учете всех наших экономических и политических условий.

Возражает т. Мордвинов и т. Охитовичу, предлагающему уничтожить чисто механическим путем противоположность между городом и деревней, путем проведения магистрали на сотню тысяч километров, по которой он предполагает разбросать «индивидуальные домишки».

По мнению т. Мордвинова, уничтожение противоположности достигается за счет развития промышленности в производящих районах, ликвидации эксплуатации в деревне, путем борьбы с кулаком и оказания агрономической помощи бедняцко-средняцкому населению, путем его коллективизации и индустриализации сельского хозяйства.

Кроме того уничтожение тех же противоположностей т. Мордвинов видит в равномерном распределении культурных учреждений (кино, театр и т. п.), которые имеет индустриальный город, а в деревне они отсутствуют.

Линейная система расселения, рекомендуемая т. Охитовичем, вредна, так как она ведет к распылению организованных кадров рабочих, мелкобуржуазному окружению, что социально и политически вредно, как и вредно углубление индивидуализма, путем отдельных домиков и отрыв их населения от коллективизма.

Помимо этого длинные дороги, расселение по магистрали, экономически страшно невыгодны при необходимости канализовать, электрифицировать и теплофицировать. Все это обойдется дорого. Как вреден и утопичен расчет на автомобиль.

Да и в классовом отношении все это ведет в известной мере к дезорганизации рабочего класса, к закреплению индивидуализма и мелкобуржуазной семейной ячейки.

Такое расселение в пору колоссальных сдвигов является мелкобуржуазной стихией, делающей попытки пролезть в щели этих сдвигов и выявить свое лицо.

Успех «Охитовичей» у так называемых «Жоржиков» и старых специалистов, проникнутых индивидуализмом, подтверждает правильность критики его, т. Мордвинова. Эта публика ненавидит коллектив и бежит от него.

Переходя затем к проектам, представленным на выставке, т. Мордвинов отрицательно относится к огромным домам-коммунам, с колоссальными коридорами, домам казарменного типа без всякой дифференциации на детские учреждения, на места общего пользования, со сплошными застройками, замкнутыми или полужамкнутыми дворами. Все это непригодно для строительства. Не оправдали себя в жизни и голубятни на 32 человека, предложенные группой «ОСА»,—не оправдали ни экономически, ни социально.

Приемлемыми для т. Мордвинова являются: дифференцированные дома-коммуны, с небольшими жилыми корпусами, отвечающими нашей действительности, связанные легкими переходами типа веранд, с местами общественного пользования, где дети не отрываются от родителей, а содержатся в своем быту в соседних комнатах с родителями.

В заключение т. Мордвинов рекомендует специалистам-архитекторам перейти на серьезную вдумчивую работу по проектированию при участии широких рабочих масс.

Тов. Джус отмечает, что работа архитекторов в проектировании и разрешении проблем строительства шла до сего времени без участия в нем биологов, физиологов и лиц, занимающихся дошкольным воспита-

нием, что несомненно дало свои отрицательные результаты. Пассивное отношение специалистов и сотрудников научно-исследовательских институтов он иллюстрирует дальше рядом примеров.

Тов. Джус высказывается против строительства домов на колонках, так как 90% рабочих высказываются за строительство укрупненное, которое рентабельно и экономно.

Как и т. Мордвинов, он отрицает расселение на расстоянии 100—150 км вдоль дороги или реки, так как оно недопустимо с экономической точки зрения. Пункты поселения должны намечаться, по мнению т. Джуса, в зависимости от распределения промышленности и числа рабочего населения в том или ином населенном пункте, в зависимости от того, какое количество рабочей силы будет втягивать в себя в данном пункте промышленности.

Строить один большой город экономически выгоднее, чем три небольших, один около другого. Располагать же население нужно по территориальным и др. условиям, применительно к той или иной местности. Самое жилище строить применительно к рельефам местности.

Планировать города нужно в зависимости от того, будем ли строить одноэтажные или многоэтажные дома, по-разному: может быть, одноэтажные, может быть, многоэтажные—4 этажа с фасадом на 400 м.

При постройке 4-этажного дома, при постановке вопроса об одном комбинате на 1000 человек нужно помнить о зеленых насаждениях. Затем в новых городах не должно быть узких грязных улиц. Тов. Джус вопросы о зеленых насаждениях и высоте зданий в настоящее время находит возможным опустить. Новые города мы, очевидно, будем строить на совсем других началах, чем Зеленый город, под Москвой. Таким образом вопрос о зеленых насаждениях, о зеленых городах, отпадает сам собой. К строительству новых городов т. Джус считает необходимым привлечь организации, долженствующие решать вопрос о конструкции новых материалов.

Возражая т. Гуревичу, т. Джус заявляет, что стоимость коридоров в больших домах гораздо меньше, чем 60% накладных расходов; последние обходятся гораздо дешевле, чем строительство домиков на курьих ножках, где нет первого этажа.

Еще неизвестно, во что обойдется транспорт при расселении на 50 км. Ведь необходимо будет построить дороги, даже если и есть там шоссейные дороги.

Дома-коммуны с точки зрения Джуса необходимы, так как на производстве например создаются в настоящее время производственные коммуны, объединяющие целые цеха. В домах же на курьих ножках их не разместить, как и не разместить на расстоянии 50 км. Как например в такой коммуне (на 50 км) организовать отдых в том случае, если рабочие захотят отдыхать коллективно. Или как свозить ребят для участия на стадионе, для участия в общей игре. На это потребуются много средств, а на них, в той же Москве, можно построить много домов-коммун и обеспечить такие условия воспитания ребят, которые подготовят их к новому быту.

При привлечении рабочих активно к вопросам продвижения нового быта на местах,—заявляет т. Джус,—мы встретим отпор всяким «курьюм» и «гусиным» ножкам и т. п.

Тов. Иваницкий отмечает заслугу т. Охитовича, которая, по мнению его, состоит в том, что он, Охитович, толкал работу архитекторов над вопросами нового строительства как жилищного, так и строи-

тельства городов нового типа с общественным хозяйством. Переходя затем к проектам, представленным на выставке, он заявляет, что в массе решений видит не только 1500-метровые коридоры или маленькие домики на ножках, а дома-коммуны в таком разрезе и такого типа (более мелкие) с общественным хозяйством, увязанные и с санитарным делом, и с бытовыми учреждениями. Помимо предьявленных на выставке проектов т. Иваницкий указывает на пример ленинградских студентов, молодых архитекторов и инженеров, проработавших проблему жилища по типу отдельных, не связанных между собою жилищ, человек на 60, с одним общественным центром, в связи с разрешением задачи сообщения и внутренней связи, с его точки зрения приемлемых для практического осуществления. Необходимо полнее сконцентрировать материал для того, чтобы взять из него все ценное, отбросив все то, что не подходит, что связано с извращением и отклонениями.

По его мнению, нечего махать на тт. Охитовича и Сабсовича, а следует идти дальше по пути углубления проработки самих материалов и делать нужные выводы в отношении технических показателей, экономических и общественно-гигиенических.

Во всех проектах мы найдем много здорового.

И в первую очередь этой работой должно заняться молодое Московское архитектурное о-во. Молодежь—т. Иваницкий уверен в этом—отзовется и примет в ней активное участие.

При планировке соцгородов—продолжает далее т. Иваницкий—нужно иметь технический план данной конкретной территории, района, области, может быть, даже государства. Сплошь и рядом расположение крупных индустриальных сооружений влечет за собой строительство жилищных помещений в заболоченной, заливаемой местности. Например мелкое массовое строительство Азнефти, Грознефти и пр. не дало тех результатов, которых от него ожидали. В мелком строительстве нельзя использовать достижений новейшей техники. Сомнительны преимущества амортизации сборных домов; сомнительно, чтобы в бюджете рабочего стоимость жилища была меньше в том случае, когда строится самое жилище, рассчитанное на малую амортизацию. Все однако, по мнению т. Иваницкого, зависит от состояния культуры самого населения.

Переходя снова к вопросу планировки соцгородов, он рекомендует делать это в зависимости от территории, от расположения транспорта и промышленности.

При этом линейное расположение нужно отбросить, так как сама линейная идея стара, и при своем практическом применении, например в Испании, она себя не оправдала.

Тов. Гуревич присоединяется к мнению т. Кожаного о том, что социалистического города нет и не может быть, а есть может быть путь движения к социализму.

В области проектирования за 1½ года, по его мнению, проделана огромная работа, которая нашла свое отражение на выставке Комкадемп. Если подойти к планам и чертежам, выставленным на ней, как к истории вопроса, то мы увидим, что идя от дифференциации, от анализа функций жилища, от разложения на составные части прежнего жилища буржуазного типа, такого разложения, которое получилось в результате предварительного разграничения функций этого жилища на общественные функции и на те, которые многие хотели оставить в этом жилище-ячейке,—мы видим, что этот наш путь идет вначале по тому же пути, по которому идут сейчас буржуазные архитектора Запада.

Последние стараются перераспределить отдельные элементы жилищ, чтобы упорядочить в отдельной, индивидуальной квартире жилищные функции. Так работают Ал. Клейн, Бруно Таут и недавно бывший здесь Эр. Май*. При дифференциации же функций у нас предполагалось уже обобществление целого ряда моментов, в первую очередь—питания, воспитания детей и культурно-просветительных функций. При подходе, однако, к решению этой проблемы, при проектировании выяснилось, — 1½ года назад, — что уже готовые проекты нам давали представление о коммунизме в виде казарм, пятиметровых клеток, казематов, связанных бесконечным коридором в 300 кв. м и даже в 1500 м в виде одного колодца, по которому возможно было бы устроить прекрасный велосипедный трек. Но после ряда конкурсов от этих ошибок — замечает т. Гуревич — мы отказались. Следующим этапом было строительство вверх, вертикальное устремление. Но для нас ясно, что и по пути строительства небоскребов или домов в 1500 м мы также не пойдем. Следующий этап — строительство отдельных домов с кухней. Но это не есть решенные проблемы, принимая во внимание настоятельную необходимость освобождения женщины из домика-коттеджа. Отдельные домики для колхозов без кухонь с обобществленным бытом мы уже строили. Теперь перед нами стоит вопрос о связи этих домиков между собой. Эту связь т. Гуревич видит в постройке таких домов, в которых должна быть большая жилая площадь предоставлена для индивидуального отдыха, при минимальном исчислении ее в 9 кв. м, а не в 7 или 5, как предлагают в целом ряде проектов. Коммунизм — замечает т. Гуревич — состоит не в том, чтобы вместе маршировать, вместе под дирижерскую палочку есть, вместе коллективно играть и т. д.

Далее т. Гуревич останавливает внимание на проектах группы Стройкома, как на более последовательных, дающих схему решения проблемы новых жилищ, или, вернее, указывающих путь, по которому следует решать эту проблему. Во-первых, идя этим путем, необходимо уничтожить границу между городом и деревней, предоставив одинаковое право на жилье и на его качество рабочему городу и рабочему сельского хозяйства. Во-вторых, т. Гуревич против вывода детей из коллектива взрослых. Такая постановка вопроса ставит на голову вопрос о воспитании детей в духе коллективизма, может быть создавая тем самым отрыв от производства, начиная от детского дома и кончая втузом. Проблема же связи производства с втузом, вернее втуза и культурного центра в виде лабораторий и т. д., должна быть разрешена в положительном смысле.

Тов. Гуревич, переходя затем к вопросу реконструкции Москвы, высказывается против постройки метрополитана и за вывод новых промышленных предприятий, причем он возражает против предложения т. Сабсовича о расселении рабочих и служащих, работающих на этих предприятиях, в Москве. Для них там же, за городом, нужно строить и жилища.

По вопросу о передаче энергии на расстояние т. Гуревич разделяет точку зрения т. Охитовича, а именно, в дальнейшем строительстве энергии следует пускать из единого центра, дифференцировав ее употребление. Используя же метод передачи энергии, мы сможем разрешить проблему водоснабжения, проблему канализации и т. д.

Тов. Гуревич предлагает идти по пути «мелкого» строительства, рассчитанного на небольшие сроки амортизации. Наша задача состоит

в том, чтобы суметь через 10 лет полностью окупить то, что мы вложили сегодня в строительство особенно новых городов. Идя по пути технических достижений, позволяющих стандартизировать жилищное строительство, мы сможем сделать совершенно иные типы домов — раздвижные, передвижные и т. д.

Подводя итоги сказанному, т. Гуревич полагает, что мы сможем легко разрешить проблему перестройки быта и реконструкции старых городов путем линейного строительства видов жилищных расселений, сконцентрированных около новых промышленных предприятий. Для подведения же под это строительство научной и технической базы необходима, по его мнению, организация Института социалистического расселения вневедомственного характера.

Тов. Рыско высказывается за строительство таких домов, где некоторые элементы будут коллективизированы и обобществлены. Но самое строительство должно базироваться на бюджете рабочих. Против жилищ, рекомендуемых т. Охитовичем, т. Рыско возражает. Возражает т. Рыско и против организации и проведения самостоятельно каждой организацией в отдельности конкурсов проектов нового строительства, находя это в корне неправильным. Неудачными он считает проекты Магнитоостроя, получившие первую премию. Жизненным проектом, по его мнению, является проект группы ВАТО по Автострою. Проектируемое этой группой жилье можно построить сегодня, и оно дешевле остальных жилищ, получивших свое отражение на выставке. И система коридоров его разрешена более или менее правильно: один коридор на 10—12 комнат. Но, заявляет далее Рыско, проектируемое жилье, в том числе и по Автострою, рассчитано на высокую заработную плату рабочих. При средней же заработной плате, примерно в 104 р. в 1930 г., в том же Автострое элементы коллективизации проводить очень трудно. Отмечая заранее несовершенство выставленных проектов жилищ, создающих в большинстве очереди в уборную, он высказывается против небоскребов, признавая нормальным для данного времени строительство домов в 3—4 этажа.

Тов. Леонтьев, являясь представителем от ЦК ВЛКСМ, настаивает на необходимости организации и проведения дискуссий непосредственно на производственных предприятиях по вопросу планировки строительства новых городов и новых жилищ для получения от рабочих социального задания. Потому что мнение рабочих по всем этим вопросам, а также и по вопросам быта необходимо и чрезвычайно ценно. Отмечая свое отрицательное отношение к выступлениям тт. Сабсовича и Охитовича, т. Леонтьев возражает против искажения т. Охитовичем мысли Ленина о социалистическом расселении. По вопросу строительства детучреждений и детского воспитания т. Леонтьев высказывается в таком духе, чтобы не все дети отделялись от отцов, а при отделении необходимо обслуживание их в коммунистическом духе вновь созданными детучреждениями.

В заключение т. Леонтьев предлагает дать отпор правым и левым течениям в деле нового строительства, а тт. Сабсовичу и Охитовичу — подумать над изменением своих точек зрения. Кроме того необходимо, по его мнению, привлечь широкое участие специалистов, находя его далеко не достаточным.

Тов. Пузис подводит итоги дискуссии, имевшей место в течение полугодия по вопросам теоретического порядка, относящимся к проблеме социалистического расселения, а также и проделанной им работе

над практическими, плановыми и экономическими задачами, связанными со строительством новых городов. Тов. Пузис, как и другие товарищи, выступавшие до него, не соглашается с терминологией «социалистический город», «город социалистического типа». По его мнению, в развернутом социалистическом обществе городская форма расселения практиковаться не будет. Марксистская литература (Энгельс, Ленин, Бебель) вполне отчетливо указывает, что социалистическому обществу будет свойственно равномерное размещение населения по всей стране, без разделения населенных мест на города и деревни. Переходя к перспективам такого расселения, т. Пузис приводит цитату из Маркса («К критике политической экономии») о том, что задача выдвигается только тогда, «когда существуют уже материальные условия для ее разрешения или когда они по крайней мере находятся в процессе возникновения».

Не подлежит никакому сомнению, продолжает т. Пузис, что обуждаемая нами задача связана с процессом возникновения материальных условий для ее разрешения, а не их наличием. Проблема социалистического расселения теснейшим образом связана с проблемой генерального плана; как плана достижения социализма, и должна разрешиться одновременно по мере его осуществления. Отсюда очевидна и полная твоевременность ее постановки. В настоящее время однако еще невозможно так организовать жизнь населения, чтобы, если даже исключить форму расселения, все остальные ее факторы могли бы быть классифицированы как факторы и признаки социалистической системы. Социалистическая система расселения в целом неизмеримо превосходит значение организации общественного обслуживания бытовых нужд, которое большинством истолковывается как главный и чуть ли не единственный признак «города социалистического типа» или «социалистического города».

Социалистический способ производства, переход к социалистическому распределению производственных благ, огромное культурное развитие масс, новые формы брачных отношений, равноправное участие в производственной и общественной жизни женщин, организация общественного воспитания— вот неисчерпаемый перечень свойств социалистической системы, по сравнению с которыми такой фактор, как организация общественного обслуживания, имеет второстепенное и подсобное значение.

Способ и характер обслуживания бытовых нужд может в той или иной степени содействовать процессу развития остальных признаков социалистической системы или мешать ему, войдя с ним в противоречия, и с этой точки зрения и должна всякий раз рассматриваться так называемая «проблема реконструкции быта».

Наряду с теоретическим разрешением вопроса о социалистическом расселении, по мнению т. Пузис, еще большее значение имеет его практическое воплощение в жизнь, с общественным обслуживанием или без него. В следующем пятилетии, полагает он, в большем масштабе придется приступить к осуществлению и развитию этой проблемы. Вследствие чего к тому времени необходимо вооружиться как следует как в области теоретической разработки вопросов, так и опытным подтверждением теоретических выводов и расчетов, а равно полным учетом всей нашей разнообразной практики. В последнем случае нам можно будет использовать результаты практики Сталинграда, Новосибирска, Автостроя, Зеленого города, Магнитогорска и др. Магнитогорск, в котором по постановлению правительства будет в наибольших размерах

использован женский труд и организовано общественное обслуживание бытовых нужд, в особенности интересен в опытно-показательном отношении. Это даст нам возможность выбрать наиболее правильные пути для разрешения обсуждаемой нами грандиозной проблемы. В связи с этим перед нами стоит задача по проведению ряда подготовительных работ для предстоящего огромного строительства, в числе которых одно из первых мест занимает планировка территории. Планировку т. Пузис представляет себе в увязке занимаемой коллективом людей или предположенного им занятия территории всех видов будущей человеческой деятельности и отправлений с таким расчетом, чтобы это соответствовало политическим, социальным, гигиеническим и т. д. требованиям всего общества.

Эта задача облегчается при наличии в СССР госпланов, планирующих как методы хозяйственной деятельности, так и размещение промышленных предприятий и жилищ для последующего перенесения их на территорию. Но переводу хозяйственного плана, составленного в Госплане, на территорию должно предшествовать составление предварительного территориального плана строительства. Производственное экономическое районирование фактически не будет закончено до тех пор, пока не будет приступлено к районной планировке территории, не намечены пункты оформления последующего строительства.

При этом планировка каждого нового участка заселения должна базироваться на наиболее усовершенствованных современных путях сообщения и транспортных средствах, на требованиях социальной гигиены, на перспективах развития хозяйства данного пункта, на численности населения и перспективах его прироста, исходя из хозяйственного развития района.

Для сокращения затрат на жилищное и коммунальное строительство как понижающего темп индустриализации необходимо, по мнению т. Пузиса, добиваться максимального использования всех трудовых ресурсов населения путем вовлечения женского труда в производство и уменьшением таким образом численности непроизводительного занятого населения.

В связи с этим необходим ряд мероприятий по организации общественного обслуживания бытовых нужд, в целях освобождения женщины от малопродуктивного домашнего труда— к труду более эффективному— на производстве.

Затем, по мнению т. Пузиса, необходимо принять решительные меры для организации кратко-амортизационного, удешевленного жилищного строительства, с понижением до минимума запасов прочности, с наибольшим использованием новых и местных материалов, с широким применением сборных стандартных частей. Кроме того необходимо в краткие сроки установить районную типизацию жилищного строительства и требования, специфичные для каждого района и общие для ряда районов. Необходимо также поспешить с разрешением вопроса о создании новой промышленности производства жилищ и деталей для жилищ и наладить обмен опытом жилищного строительства. При распланировке самых жилых строений т. Пузис рекомендует избегать скученных форм заселения и плотной застройки, требующих дорого стоящих сооружений коммунального обслуживания (сложные канализационные системы, дорогие мощные водопроводы), расходы на усиление которых возрастают непропорционально по росту обслуживаемого населения.

Помимо этого необходимо искать решений децентрализованного ком-

мунального обслуживания, наиболее приемлемых в наших условиях и наиболее соответствующих, с точки зрения т. Пузиса, новому социалистическому расселению.

По отношению к старым городам т. Пузис выдвигает задачу рассасывания их населения и прекращения в них нового промышленного строительства.

К числу неотложных мероприятий, необходимых для разрешения всех намеченных выше проблем, он относит:

1) создание центрального планировочного комитета для концентрации всей работы по районной и местной планировке страны и

2) учреждение Всесоюзного института для научно-исследовательской работы, для разработки проблемы социалистического расселения и др., тесно с ним связанных, и изучения и обобщения опыта и руководства работой.

Тов. Лебедева считает необходимым при постройке соцгородов брать установку на максимальное обслуживание детского населения в целях получения экономии рабочей силы и повышения материальных возможностей. От вовлечения женщины в производство, от той или иной степени этого вовлечения, по ее мнению, находится и проблема обобществления быта. При расчете на вовлечение женщины в производство уменьшается почти в 2½ раза количество жителей в тех же новых городах. Города с обобщественными функциями быта будут стоить несомненно дешевле. Нужно говорить об организации детей с самого раннего возраста. Этот вопрос частично в данное время решается государством. Но в городах социалистического типа это дело необходимо организовать полнее. К решению же самой задачи нужно подходить с осторожностью. Не нужно отрывать детский коллектив от семьи, не нужно, чтобы дети в детском секторе проводили всю жизнь. Но однако необходимо делать ставку на 100% обслуживание детей раннего возраста соответствующими детучреждениями, в которых дети находятся день и ночь, при условии их добровольного помещения в эти детучреждения. Тов. Лебедева принцип принудительности в данном деле отрицает. Она уверена, что большинство матерей добровольно воспользуется такими учреждениями. Существующие же ясли переживают большую эволюцию: они работают не только в то время, пока женщина работает на производстве, не только по 8, но 12, 16 и даже 20 ч., в связи с переходом на 7-часовой рабочий день, на непрерывку. Ребенок может оставаться в яслях и в 5-й свободный день. Тов. Лебедева высказывается против возвращения ребенка на ночь к матери, поскольку ей необходим отдых. Но при этом нужно обеспечить для матери возможность общения с ребенком, чтобы мать могла от 2 до 3 часов в день проводить с ним в детучреждении или взять его к себе. Это обстоятельство было учтено при Текстильном отделении МВТУ; при проектировании новых городов им был включен детский сектор.

Для разрешения этого вопроса в материальном отношении необходимо привлечь и само население. Нужно поставить сейчас же вопрос о рационализации зарплаты, об отчислениях на это дело по типу социального страхования, в виде определенного процента с зарплаты, как это осуществляется в промышленности. Размеры таких отчислений не велики, при 200 р. дохода они выражаются на рабочую семью в 25 р. В Сталинграде уже эта проблема разрешается практически—там организовано 300 яслей.

Тов. Лианозов считает необходимым при строительстве социа-

листических городов обсудить и разрешить проблему социалистического домашнего устройства, а именно: о сконструировании идеального социалистического жилья и о порядке производства подбора людей в это социалистическое жилье. Разделяя точку зрения т. Охитовича на децентрализованное расселение населения, т. Лианозов не соглашается с его мнением об отказе строить большие социалистические дома. Строительство индивидуальных домиков-кабинок на столбах, рекомендуемое т. Охитовичем, не выдерживает никакой критики.

Применение децентрализованной системы т. Лианозов мыслит себе следующим образом. В густо населенных местностях наряду с центрическими поселениями следует создавать большие улицы, соединяющие эти центры. Последние явятся большими магистралями, зимними убежищами как для части городского населения, так и для населения сельского. Все современные деревни и захолустные города должны быть уничтожены и заменены летними сельскохозяйственными станциями. На эти станции будет стекаться известная часть населения на сезонные с.-х. операции, после окончания которых на них остается только охрана и небольшое число специалистов для ухода за скотом; основная же часть населения вернется на межцентральные железнодорожные магистрали.

Оздоровление жилой части больших социалистических центров, сочетание умственного труда с физическим, индустриального с аграрным, может быть достигнуто путем распланировки этих центров на три части: 1) центральную административную, состоящую из дворцов-небоскребов, разных административных, научных и культурных и т. д. организаций с дворцом советов в самом центре; 2) на жилую часть, располагаемую вокруг административного центра, со включением в эту часть между зданиями больших зеленых насаждений, со всевозможными спортивными, агрокультурными и пр. организациями, с преобразованием жилой части помещений в настоящее место отдыха, курорт-здравицу; 3) на фабрично-заводскую часть, где будут расположены широким кольцом вокруг жилых кварталов промышленные предприятия. При реорганизации труда и быта на новых социалистических началах мы должны будем обратить внимание на организацию социалистического дома, в котором важнейшим является момент подбора людей. Отсюда и вытекает проблема домашней ассоциации, создаваемая путем объединения нескольких людей или семей в одну крупную хозяйственную семью по признакам сходства, из домашних привычек, хозяйских интересов. По мнению т. Лианозова, необходимо приступить к организации больших и малых квартирных и домовых ассоциаций и создать с этой целью специальный центр домашнего ассоциирования населения при каждом городском совете. Центральным вопросом организации социалистических домашних ассоциаций является подбор людей, группировка их по основным признакам их сходства для коллективной домашней жизни, по основным признакам их домашней ассоциированности. Признаки эти могут быть различные, в зависимости от того, что предполагается коллективизировать, и от размеров социалистического жилья. При подборе людей в малые квартирные ассоциации необходимо принимать во внимание: семейное положение, возраст детей, профессиональные домашние настроения, характер питания взрослых и т. д. При крупном ассоциировании—семейное положение, возраст детей, спортивный признак, профессиональные, а также и хронические болезни.

В заключение т. Лианозов заявляет, что только путем ассоциирования населения мы сможем приступить к настоящей реконструкции быта

населения в существующих городах и разрешить всю сложную проблему организации социалистического дома.

То в. Милютин в своем заключительном слове останавливается лишь на основных вопросах, затронутых во время дискуссии, и вносит чисто теоретические поправки в некоторые положения выступавших ораторов. Неправильным является положение, выдвинутое т. Сабсовичем, о росте городов и зависимости от роста промышленности. Города часто возникали и развивались там, где никакой промышленности не было. И наоборот, города сплошь и рядом умирают там, где развивается промышленность. Например умирает Тамбов, несмотря на то, что там строятся новые предприятия, и умирает ввиду сокращения его роли как административного и торгового центра. Из неверной предпосылки, что рост городского населения определяется ростом промышленности, т. Сабсович делает расчет на будущее промышленное население, отождествляя его с городским населением, и делает поэтому неверные выводы в разрезе перспективного плана. Другой пример с Иваново-Вознесенском. Несмотря на значительные капитальные вложения в промышленность Ивановской области, к концу пятилетки будем иметь там сокращение даже числа занятых рабочих, не говоря о городском населении, на 2%. Следовательно прямой зависимости между ростом вложений и числом рабочих и тем более городским населением нет. Поэтому и нельзя делать чисто механические расчеты. Отсюда, из этих неправильных предпосылок, и получаются такого рода цифры: при запроектировании роста рабочего населения на 1 900 тыс. и при коэффициенте семейности получается что-то около 5 млн., у т. Сабсовича вышло 11 млн.

Затем т. Милютин выражает недоумение, почему нужно дезурбанизировать Москву, а Новосибирск урбанизировать, т. е. в Новосибирск собрать все население, окружающее его сейчас и живущее в деревнях, а из Москвы нужно всех расселить. Здесь, очевидно, по мнению т. Милютина, снова ошибка т. Сабсовича, происходящая от механического подхода к решению крупнейших проблем организации производства в том же Новосибирске. Там нелепо скомбинировали машиностроительный завод с текстильной фабрикой! С таким же успехом можно эту нелепую комбинацию скомбинировать и с окружающими колхозами, собрав всех крестьян в один город, построить хорошую сеть дорог и возить на агропланах на поле крестьян вместе с сохами и тракторами. Единственно правильный вывод, который должен быть сделан,—тог, что мы должны идти за организацией производства. Тогда не может быть спора об урбанизации или дезурбанизации при правильном сочетании производства, жилья, учебы и быта. Все вместе будет увязано как одно целостное и при этом будет строиться не по случайному признаку. При таком решении вопроса разрешится и вопрос о ликвидации той бессмысленной тесноты, которую мы имеем в крупных городах. Вместе с тем не получится и такого положения, когда равномерность расселения населения будет пониматься в таком смысле, что на каждый квадратный километр точно будет посажено по 2 человека. Никто из дезурбанизаторов, полагает т. Милютин, всерьез подумав, так вопроса не поставит.

Далее т. Милютин отмечает неправильную установку у т. Охитовича в том, что города развиваются и растут на путях топлива. Это неправильная, ни на чем не основанная теория. Об этом очень хорошо, хотя и коротко, сказано у М. Н. Покровского, который исчерпывающе проанализировал причины развития городов. Незачем творить новые теории, противопоставляя их теории Маркса о развитии рынков и городов. Если

бы эту теорию развивать диалектически, то надо делать это не такими путями, чтобы взять просто из головы и построить совершенно не обоснованную и не вытекающую из новой обстановки схему. Отсюда и получаются некоторые бесприципные выводы, искажения того направления, по которому мы должны двигаться, некоторые своеобразные перегибы и искусственность. Эту искусственность т. Милютин видит и в фильме, продемонстрированном в Комакадемии. Этот фильм впадает в ту же общую ошибку, когда между жилищем и производством нет прямой и непосредственной организационной увязки. Почему и получилась 50-километровая улица и ни одного предприятия поблизости. Потребуется сумасшедшая скорость для того, чтобы рабочего доставить на производство и обратно. Это будет сильно отражаться на производительности труда. Первая основная принципиальная ошибка заключается в наличии разрыва производства и быта. Но в фильме имеются и другие ошибки и неправильности. Неправильно, что будто бы новое расселение должно идти обязательно за дорогой, а не должно ее вести за собой. Получается какое-то искусственное раздувание и усложнение транспорта. Может быть это отвечает индивидуальным вкусам отдельных людей, но ни для хозяйств, ни для здоровой организации быта не нужно.

У т. Пузиса—продолжает далее т. Милютин—была также одна неточность, могущая быть чревата весьма неприятными последствиями. Он, т. Пузис, и некоторые другие ораторы говорили о необходимости стандартизации жилья. Нам нужно стандартизировать не жилье, а части, из которых строится жилье. По линии стандартизации жилья идут в своих работах Стройком и большинство наших архитекторов. Любой проект, представленный на выставке Комакадемии, это докажет. Вследствие этого получают исключительные однообразие и монотонность, такая скука, что человек в таком стандартизованном городе с тоски повесится.

Касаясь вопроса линейной планировки, т. Милютин находит, что такая планировка с некоторых точек зрения дезорганизует территорию. С точки зрения капиталистической организации территории она абсолютно ее дезорганизует. Капиталистическая территория разбивается на частновладельческие участки, а участки соединяются в кварталы. Когда проводится железная дорога, то дезорганизуются все участки и кварталы, уничтожая границы участков. При отсутствии частной собственности на землю у нас такая организация совершенно не нужна. И если до самого последнего времени территория Москвы была организована по домовладениям и производились геодезические съемки домовладений, то такая организация территории нам не нужна. Эта съемка будет стоить около 2 миллионов руб., и она никому, кроме вредителей, ничего не дает. Не может же один домовый трест судиться с другим из-за территории? Здесь говорят, что это делается из-за планировки города и из-за «красной линии». Для того вовсе не нужна съемка и документация границ каждого участка. Возьмите и отбейте эту линию, игнорируя границы домовладений. Красная линия от этого только выиграет. В наших же условиях мы должны строить именно по линейной системе, т. е. по системе четких зон. Другого более лучшего решения пока для сегодняшнего дня у нас нет. И это не вопрос принципа, а здравого смысла.

Далее т. Милютин останавливается на вопросе организации правильного производства в предприятии. Это возможно лишь сделать при правильной распланировке поселка. У нас должны быть производственные зоны, зеленые зоны, жилищные зоны, причем необходимо, чтобы жилые зоны были расположены недалеко от предприятий. Совершенно

нецелесообразно возить рабочих на большие расстояния на предприятия. В первую очередь это скажется на их производительности труда, хотя при некоторых особо неблагоприятных условиях нам и приходится это делать, но вообще должна быть взята установка на близкое и конечно здоровое жилье, применяясь к местности. Но это не значит конечно, что мы обязаны селиться по существующей дороге. В конечном итоге мы должны исходить из функциональной планировки. Нужно понять, что в производственном процессе нет площадок, а есть поток. Старый инженер не мыслит себе постройку фабрики иначе, как обязательно на гладкой площадке. Так сделали в Магнитогорске: горы срыли и на переброску земли затратили 6 млн. руб. При вопросе, заданном строителю докладчиком о том, нельзя ли было организовать так процесс производства, чтобы поток шел с горы по наклону, ему ответили, что об этом не подумали. Отвечая на заданный вопрос с места, т. Милютин заявляет, что это будет не только прямоугольник, а может быть и зигзаг, и что угодно. Нужно мыслить не абстрактно, а совершенно реально и притом о конкретных функциональных потоках.

По мнению т. Милютина, неправильный тезис был выдвинут т. Сотник, когда он указал, что теоретическая проблема социалистического города, стоящая перед нами—это проблема технической эволюции в строительстве городов. В технике мы в такой же степени знали революции, как и в общественных отношениях. Разве не было революцией в технике изобретение электричества? Разве новые материалы не революция в архитектуре? Постановка проблемы организации нового быта не революция в планировке жилищ? Нет, товарищи, это есть революционная, а не эволюционная постановка вопроса. И в связи с этим приходится по-новому ставить всю проблему. Тов. Рыско, замечает т. Милютин, (получил от т. Лебедевой прекрасный и исчерпывающий ответ. Нужно добавить лишь одно, что как правые, так и левые загибы в решении вопроса об организации нового жилища, новых городов должны получить с нашей стороны отпор. И в практической работе нужно вести борьбу с этими опасностями. Что хотел сказать т. Рыско? Что рабочий не пойдет на новую организацию бытового обслуживания. Но ведь это неверно. Какая работница не согласится иметь ясли! Какой отец не согласится иметь для своего ребенка детский сад? Какой нормальный человек будет протестовать против того, чтобы в городах были столовые общественного питания? Конечно, если новую жизнь представить как жизнь в дуборных или в построенных по одному образцу комнатах по всему СССР, то не только рабочий, а и кто угодно от этого взбесится. Такое решение можно понимать лишь как схему, как идею.

Теперь, почему дороже один город, чем три, на одно и то же количество жителей? Этот вопрос т. Милютин считает наивным. Именно для того, отвечает он, чтобы создать здоровые условия жизни для человека, в крупном городе нужно делать дополнительные сооружения, в целях спасения от пыли, грязи, от собственного навоза людей, живущих в этом городе. А эти сооружения стоят почти столько же, сколько стоит и сам город.

В заключение т. Милютин останавливается на вопросе: каков город будет при социализме. Здесь можно ответить словами Гете: «Это одинаково таинственно как для мудрецов, так и для глупцов».

Томазо Кампанелло представлял себе город будущего—как большой средневековый замок, в котором юноши! ежемесячно! будут мыться и даже менять белье!

Если же мы попытаемся нарисовать себе город при социализме, то из этого ничего не получится, так как нам придется исходить из современной техники. Но через десяток лет какими жалкими покажутся наши сегодняшние толки. Поэтому это совершенно непроектируемое занятие. Задача сегодняшнего дня заключается не в том, чтобы рисовать картины будущего города. Это можно оставить на долю утопистов типа Уэльса и др. Мы же должны строить города для современного населения, исходя из современной техники, на той материальной базе, которой мы сегодня располагаем, исходя из того бюджета рабочего, который имеется сегодня. Но конечно мы должны учитывать и перспективу для ближайшего будущего. Мы должны преследовать цель создания такого плана, который мы сегодня же могли бы проводить в жизнь. В этом заключается наша задача. Если мы, с одной стороны, не будем стравливать от земли, а с другой—не будем игнорировать задачи реконструкции всей нашей жизни, то мы не ударимся в беспочвенное прожектерство, которое может только дискредитировать всю идею, и не станем на путь тупого сопротивления всякой свежей мысли, рождающейся как прямое следствие победы пролетариата в нашей стране.

Тов. Белоусов подводит итоги прениям. По его мнению, проделана большая работа как на самом диспуте, так и по предварительной к нему подготовке. В Комакадемии мы до известной степени завершили работу по проектированию и планированию соцгорода на первом достигнутом этапе. Перед нами, на основе проделанной работы, возникает ряд новых проблем, для которых нужно найти особые разрешения. Дальнейшая проработка этих проблем рисуется т. Белоусову таким образом. При Комакадемии, при подстанции жилищной операции должна быть организована специальная комиссия, которая и займется вопросами социалистического расселения и реорганизации быта.

В дальнейшем, продолжает он далее, как совершенно правильно было здесь отмечено, дискуссии по вопросам планировки новых городов, строительства новых жилищ и нового быта должны быть перенесены в широкие рабочие аудитории. Организация такого рода дискуссий непосредственно на предприятиях, использование с той же целью рабочих конференций и собраний—это наша очередная задача для получения от рабочих социального заказа. На основе последнего мы сможем приступить к делу с новой энергией и с новой энергией искать дальше необходимые нам пути. Но вместе с тем серьезность поставленной задачи, ее научное разрешение возможно с помощью научно-исследовательского института по социалистическому расселению. На жилищное строительство затрачиваются огромные средства. В течение ближайшего пятилетия эти средства исчисляются в сумме около 5 миллиардов рублей. Понятно поэтому, что это новое социалистическое домостроительство требует и соответствующего изучения, так как до настоящего времени эта работа производилась в известной степени кустарным образом, о чем свидетельствует и самая дискуссия.

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ (СААНИУ)

Кен. Гидлевский

Необходимо констатировать, что о работе местных марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений мы осведомлены далеко еще недостаточно. Без точного же представления об их работе, ее характере, направлении, местных силах нельзя заниматься планированием, и для Комакадемии, призванной методологически руководить планированием науки СССР, значительным препятствием к быстрейшему «нащупыванию» путей и методов этого планирования является отсутствие информации о научной работе местных учреждений и организаций. В частности недостаточность информации о работе Среднеазиатской ассоциации и марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений объясняется тем, что она не участвовала ни в одной из двух всесоюзных конференций марксистско-ленинских учреждений, так как возникла лишь в феврале—апреле 1929 г., т. е. к моменту созыва второй конференции.

Сааниу возникла и существует при среднеазиатском Экономическом совете (г. Ташкент) в целях развития и объединения на марксистско-ленинской основе научно-исследовательской деятельности Средней Азии и подведения под эту работу широкой общественной базы (Устав Сааниу, утвержденный Сред.-аз. ЭКОСО 25/III, 1929, § 1).

В феврале 1929 г. возникла Историческая секция (Общество историков-марксистов); в марте—Секция (общество) литературы и критики; в апреле—Аграрно-экономическая секция (Общество аграрников-марксистов); в сентябре—комиссия по изучению религиозной идеологии; в ноябре возникла Философская секция (Общество воинствующих материалистов-диалектиков); в феврале 1930 г.—Секция теоретической экономики и в начале марта—Секция ленинизма и партстроительства и комиссия по изучению положения женщины в Средней Азии. В середине марта создано бюро по организации общества педагогов-марксистов.

Во главе СААНИУ стоят: 1) совет в составе 24 человек, 2) президиум—10 чел. и 3) бюро президиума. Во главе каждой секции общества и комиссии стоит президиум в составе 3—7 человек.

Имеющиеся отчетные данные о работе СААНИУ представляют интерес в первую очередь с точки зрения ознакомления с местными марксистскими силами.

На 17/III 1930 г. СААНИУ имела следующий кадр работников: 1) Экономическая секция включала в себя всего 18 чел., из них 6 действительных членов, 3 научных сотрудника, 3 аспиранта и 6 без

указания категории. Членов ВКП(б) и кандидатов из общего количества в 18 чел. было 15. 2) Аграрная секция имела 22 члена общества, из них членов ВКП(б) и кандидатов 21. 3) Историческая секция имела 25 действительных членов, 20 корреспондентов, всего 45, из них партийцев—40. 4) Философская секция имела 5 действительных членов, 8 научных сотрудников, 4 аспиранта и из общего количества в 17 чел.—партийцев 16. 5) Секция ленинизма имела 6 действительных членов, 3 научных сотрудника, 2 аспиранта, всего 11—все партийцы. 6) Литературная—имела 15 действительных членов, из них членов ВКП(б)—8. 7) Секция естественных наук имела 30 действительных членов, 15 членов-корреспондентов. Из общего количества 45 чел.—партийцев 26. 8) Комиссия по изучению положения женщин имела 6 человек—чл. ВКП(б). 9) Комиссия по изучению религиозных идеологий имела 5 членов и 26 сотрудников. Из общего количества в 31 чел. партийцев было 22 чел. В общем итоге СААНИУ имела только действительных членов 120 чел. Всего же 210 чел., причем из них на 17/III 1930 г. членов и кандидатов ВКП(б)—165.

Если учесть некоторую повторяемость, то все-таки СААНИУ имела около 200 человек, из которых 100 действительных членов и около 150 членов ВКП(б).

Произведенные данные весьма благоприятны для успешной работы Ассоциации как с количественной, так и с качественной стороны.

Этих кадров достаточно для развертывания работы, однако если учесть, что СААНИУ не имеет ни одного штатного научного работника и существует всего лишь год, а целый ряд его основных секций—всего лишь несколько месяцев, то станет понятным, почему объем, темп и результаты работы отдельных секций и СААНИУ в целом в настоящее время далеко еще недостаточны.

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ СААНИУ

О работе Секции пока судить не представляется возможным, так как Секция возникла лишь в феврале 1930 г. и пока еще находится в стадии оформления. Направление ее работы видно из ориентировочного плана, который в процессе практической работы конечно изменится.

Основное внимание Секция сосредоточивает на вопросах экономики переходного периода. Из этой области Секцией намечаются к проработке следующие темы:

- 1) этапы переходного периода; 2) содержание и форма стоимости в переходный период; 3) проблема регулятора в переходный период; 4) проблема темпа хозяйственного развития; 5) условия динамического равновесия в сельскохозяйственной системе; 6) проблема планирования.

Из вопросов, относящихся непосредственно к социалистической реконструкции сельского хозяйства Средней Азии, Секцией намечаются к проработке следующие темы: 1) роль машинно-тракторных станций в реконструкции хлопкового хозяйства; 2) классовая борьба в районах сплошной коллективизации; 3) организационные вопросы колхозного строительства.

Для собрания материалов к этим темам намечается выезд членов Секции в районы сплошной коллективизации во главе обследовательских групп, организованных из аспирантов-экономистов и студентов старших курсов Среднеазиатского госуниверситета и комуниверситета.

Сосредоточивая основное внимание на вопросах советской экономики, Секция считает необходимым проработать также некоторые вопросы и по теории империализма, а именно: 1) теория организованного капитализма; 2) роль монополистического капитала в дореволюционной экономике Средней Азии.

В целях выявления отношения среднеазиатских экономистов к спору с механистами и рубинщиной и объединения своих членов на основе правильного, марксистского понимания спорных вопросов секция наметила в плане проработку этих вопросов. С этой целью предложено поставить доклад «Механистические и идеалистические извращения в политической экономии».

В области издательской работы Секцией намечается издание 2 сборников: 1) «Экономика переходного периода» и 2) «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства Средней Азии».

Наряду с проработкой указанных выше проблем Секция считает необходимым осуществлять руководство подготовкой кадров экономистов-исследователей и преподавателей в плановом порядке. Выполнение этой задачи Секция мыслит в форме создания при СААНИУ института аспирантов, объединяющего собою существующие ныне институты аспирантов при САКУ, САГУ и САХИНИ.

II. АГРАРНАЯ СЕКЦИЯ СААНИУ

(Общество аграрников-марксистов)

С апреля 1929 г. по февраль 1930 г. при СААНИУ существовала Аграрно-экономическая секция, включающая 11 членов.

Был намечен план Секции, из которого в течение указанного периода были проведены следующие доклады: 1) «Рентабельность хлопка и типы хлопководческих хозяйств» — доклад т. Анишева. 2) «Социалистическая реконструкция хлопководческого кишлака» — доклад т. Анишева. 3) «Борьба за ленинизм на аграрном фронте» — доклад т. Лаврентьева. 4) «Азиатский способ производства и социалистическая революция на Востоке» — доклад т. Анишева.

В феврале 1930 г. Аграрно-экономическая секция была преобразована в Аграрную секцию. Некоторые работники перешли во вновь возникшую Секцию теоретической экономики, часть же работников была привлечена вновь.

Целевая установка общества в 1930/31 г. намечается следующая:

1) изучение классового состава среднеазиатской деревни; 2) анализ крупного с.-х. производства в хлопководческих районах; 3) изучение проблем коллективизации; 4) работа с молодыми кадрами.

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ СААНИУ

(Общество историков-марксистов)

Общество историков-марксистов возникло в феврале 1929 г. и является среднеазиатским отделением Общества историков-марксистов Коммунистической Академии. Целеустановка О-ва: объединение историков-марксистов для научной разработки вопросов истории и методологии истории, критическое освещение текущей исторической литературы с марксистской точки зрения и популяризация марксистского метода и его достижений в области истории среди широких масс. Работа О-ва развертывается по линии методологии истории зарубежного Востока и этнологии.

За истекший период О-во проделало значительную работу, ставя доклад и устраивая диспуты. По инициативе и силами О-ва историков-марксистов был поставлен ряд докладов и диспутов. Диспут гг. Цвибак и Резцова на тему «Спорные вопросы революции 1917 г. в Средней Азии» собрал большую аудиторию, вызвал большой интерес и оживленные прения, затем состоялся доклад т. Лаврентьева «Капитализм в Туркестане» (буржуазная колонизация Средней Азии). Совместно с исторической кафедрой САКУ был поставлен доклад т. Лавинского «Пугачевщина в современной марксистской литературе». Кроме того состоялся доклад т. Божко «Британский империализм и советский Туркестан».

По линии зарубежного Востока были поставлены следующие доклады: доклад т. Шумяцкого «Востоковедение как предмет теоретического изучения» и его «Племена и проблема их самоопределения». Тов. Алексеев сделал доклад на тему: «Бабизм и беизм». Тов. Божко — «Афганская революция 1919 г.».

Кроме организации своих докладов и дискуссий О-во историков-марксистов принимает самое активное участие в проработке и в обсуждении докладов и диспутов, поставленных Секцией конкретной и теоретической экономики.

Намечена реализация продукции О-ва в виде издания сборника документов «Средняя Азия в эпоху революции 1917 г.»; очерков по истории национально-революционного движения и Октябрьской революции в Средней Азии под названием «От колониального рабства к социалистическому строительству»; библиографического сборника по Средней Азии и двух монографий: Березкин, «Туркмено-курдское восстание»; Червоный Андрей, «У истоков революции в Хорасане».

На основе проделанной уже работы О-во наметило перспективы своей дальнейшей деятельности как по линии постановки докладов, издания ряда работ, так и по линии развертывания популяризаторской работы.

Намечены следующие доклады: т. Цвибак «Марксизм и этнография»; т. Головацкий, «Предпосылки бухарской революции»; т. Дубсон «Курды и централизаторская деятельность персидского правительства»; т. Соловьев, «Торговый капитал и христианство в древнем Риме»; т. Берсеев «О революции 1905 г. в Средней Азии»; т. Гиясов, «О джадидизме».

Намечен к изданию сборник материалов по истории Средней Азии, в который должны войти: 1) Революция 1905—1907 гг. 2) История промышленного и финансового капитализма в Средней Азии. 3) Экономика Средней Азии в эпоху военного коммунизма. 4) Осиповское восстание. 5) Рабочий класс и рабочее движение в Средней Азии. 6) Интервенция английского империализма в Средней Азии.

Популяризаторская работа намечена в виде докладов на массовых заседаниях с партактивом окружкома.

IV. ФИЛОСОФСКАЯ СЕКЦИЯ СААНИУ

(Общество ВМД)

Философская секция САОВМД возникла в ноябре 1929 г. и имеет своей задачей разработку, пропаганду и защиту марксизма-ленинизма и особенно его философской основы — диалектического материализма.

В состав Секции входят полностью все работники кафедры диалектического материализма САКУ, САГУ и САХИНИ и некоторые пар-

тийные работники Ташкента и Самарканда. Связь с остальными центрами Средней Азии еще не установлена. Создается плановая работа Секции. Составлены следующие группы: по истории материализма и современной философии под руководством т. Быховского; по истории философии (греческая философия и Кант) под руководством т. Барботкина; группа методологии (диалектического материализма) под руководством т. Маркевича и группа исторического материализма под руководством т. Соколова. Кроме того организуется группа по изучению философии востока под руководством т. Быховского.

В текущем году Секция разрабатывала следующие проблемы: 1) Проблемы материи в диалектическом материализме—Маркевич, 2) Принципы философии Де-Леруа—Быховский, 3) Трактовка диалектики у Лосева и ее критика—Барботкин, 4) Классики марксизма о методологии психологии—Нижник, 5) Закон единства противоположностей—Мусин (научный сотрудник), 6) «Вещь в себе» у Канта—Турнов, 7) Категории переходного периода—Соколов, 8) Классы и классовая борьба в период социалистической реконструкции—Сиснев, 9) Проблема идеологии—Косенко и Ерзин.

При Секции создан философский семинар для научных сотрудников и аспирантов СААНИУ и семинар по изучению «Науки логики» Гегеля под руководством т. Маркевича. Секция взяла на себя также подготовку аспирантов вузов и втузов Ташкента по диалектическому и историческому материализму. Кроме того Секция организует циклы научно-популярных лекций, в частности в Рабочем и Антирелигиозном университетах.

Намечен издательский план работы Секции на 1930/31 г., предусматривающий издание сборника «Проблемы марксизма и ленинизма»: «диалектический материализм»—хрестоматия по Марксу, Энгельсу, Ленину, Плеханову и Деборину, которая переводится на узбекский язык под редакцией т. Хансуварова; исторический материализм—хрестоматия по Марксу, Энгельсу, Ленину, Плеханову и Сталину, которая переводится также на узбекский язык под редакцией т. Хансуварова.

У. СЕКЦИЯ ЛЕНИНИЗМА ПРИ СЯНИИ

В начале марта была организована Секция ленинизма и партстроительства, которая ориентировочно к проработке наметила следующие темы: 1) изучение основных проблем ленинизма; 2) критика взглядов современного ревизионизма; 3) борьба с отклонениями от ленинизма, особенно с правым и «левым» уклонами. По национальному вопросу намечено к проработке: 1) изучение национального вопроса в работах основоположников марксизма и ленинизма; 2) национальный вопрос и современный ревизионизм; 3) изучение вопроса о великорусском и местном национализме и видов и форм его проявления; 4) проблема национальной культуры и культурной революции; 5) национальные противоречия в капиталистических странах Востока и Запада и тактика реформистов в этом вопросе.

У. СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ СЯНИИ

(Общество литературы и критики)

Общество возникло в марте 1925 г. и до настоящего времени проделало следующую работу: а) подготовлены материалы для среднеазиатского партийного совещания по вопросам художественной литературы; б) выработаны тезисы о художественной литературе Узбекиста-

на; в) проведен диспут на тему «Классовая борьба в узбекской литературе»; г) проведен ряд мероприятий по вовлечению в общество новых членов. Подготавливаются к печати: 1) сборник критических статей о художественной литературе народов Средней Азии, 2) сборник художественных произведений узбекской, таджикской, туркменской, киргизской и кавказской литературы, снабженный критическими статьями и характеристиками творчества отдельных писателей, 3) сборник художественных очерков, рисующих «Азию социалистическую».

По линии организационной установлена связь с Ташкентской ассоциацией и с отдельными кружками пролетарских писателей.

Обществом намечен следующий план работ: а) диспут и общественный просмотр продукции Узбекгоскино; б) доклады о таджикской литературе и творчестве отдельных таджикских писателей; в) доклады о туркменской литературе и творчестве отдельных туркменских писателей; г) доклады о творчестве революционных писателей Узбекистана (Алтая, Мир, Темира, Гайрати, Латыпова, Ильдирима и др.); д) доклад о чагатайской литературе и дискуссии вокруг сборника «Образцы узбекской литературы»; е) диспут о чагатаизме; ж) доклады об узбекском, таджикском и туркменском языках, о классовой борьбе, развертывающейся вокруг этих вопросов, и об итогах латинизации.

В план работ включена организация аспирантских семинаров по вопросам марксистского литературоведения и критики, с разбором актуальных проблем литературы народов Средней Азии.

У. СЕКЦИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК СЯНИИ

(Общество естествоисследователей-марксистов)

Общество возникло в апреле 1929 г. в составе 7 чел. Задачи Секции: а) теоретическая разработка основных проблем естествознания с точки зрения диалектического материализма, под углом зрения запросов социализма Средней Азии; б) борьба против попыток проникновения и распространения нематериалистических тенденций в естествознании и медицине, проводимых в теории и практической работе в Средней Азии— в вузах, научно-исслед. ин-тах, школах, печати, лекциях, диспутах и пр.; в) изучение истории естествознания и медицины в Средней Азии; г) освещение в разрезе диалектико-материалистического естествознания проблемы 5-летнего плана культуры—хозяйственного строительства Средней Азии; д) объединение всех марксистских сил, работающих по естествознанию и медицине, подготовка новых кадров, в особенности из местных основных национальностей; е) издание популярной литературы по естествознанию в марксистском освещении на языках местных основных национальностей.

В 1930 г. Секция расширилась до 27 членов и 11 членов-корреспондентов.

Интересен состав Секции, включающий в себя: профессоров—3, преподавателей—7, ассистентов—5, аспирантов—15, ординаторов-врачей—9, прочих—6, всего 45.

Весьма также интересны сведения и о партийном составе этой Секции, где из 45 человек членов ВКП(б)—26 чел., членов ВЛКСМ—1, беспартийных—18. Для Секции естественных наук такой процент коммунистов следует признать довольно высоким.

С осени 1930 г. организуются подсекции: физико-химическая, биологическая, медицинская и психо-неврологическая, комиссия по исто-

рии медицины в Средней Азии, философский семинар углубленного типа, семинар по марксистской методологии естествознания—преимущественно для кадров из местных основных национальностей. Кроме того создается научно-учебный антирелигиозный семинар.

Под руководством Секции естествознания находится кружок врачей-материалистов, объединяющий свыше 50 человек.

Секцией намечены доклады на темы: 1) философская дискуссия диалектиков с механистами в естествознании; 2) современное состояние вопроса о наследовании приобретенных признаков с точки зрения диалектиков и механистов; 3) роль труда в социальной патологии Средней Азии; 4) раса, язык и нация по материалам Средней Азии; 5) эвгеника и марксизм; 6) диалектический материализм и внутренняя патология.

Кроме этого проводится обследование научно-исследовательской работы на медфаке САГУ; составлен библиографический указатель марксистской литературы по естествознанию и составляется указатель литературы по естествознанию и медицине в Средней Азии.

К изданию намечены: 1) Калина, «Диалектика эпидемий»; 2) Кузнецов «Библиографический указатель марксистской литературы по естествознанию»; 3) Ошанин, «Раса, язык и нация по материалам Средней Азии»; 4) Соколов и Кузнецов. «Библиографический указатель литературы по естествознанию и медицине Средней Азии»; 5) Роль труда в социальной патологии Средней Азии; 6) Федоров, «Философская дискуссия диалектиков с механистами в естествознании».

VIII. КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ПРИ СААНИУ

В начале марта 1930 г. была создана комиссия по изучению положения женщины в Средней Азии и по борьбе за ее раскрепощение.

Комиссия наметила провести обследование экономического положения женщины в Средней Азии (в сельском хозяйстве, в кочевом хозяйстве, кустарки и работницы); исследовать вопросы о правовом и культурно-бытовом положении женщины в Средней Азии, о влиянии социальных сдвигов, вызываемых социалистической реконструкцией народного хозяйства на положение женщины; изучить вопрос о формах и методах массовой работы среди женщин в Ср. Азии. Изучение положения женщины и путей ее раскрепощения увязывается со сравнительным изучением женского движения на Востоке и Западе. К работе комиссии привлечено 16 человек.

IX. КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И БОРЬБЕ С НЕЮ

Комиссия возникла в сентябре 1929 г. По линии издательской комиссии наметила выпустить ряд брошюр и хрестоматий. Из намеченных к изданию работ обсуждена в комиссии написанная т. Мустаевым брошюра «Евангелие для верующих и неверующих».

План докладов намечен следующий: 1) Древний Рим и христианство; 2) Каутский как историк христианства; 3) пережитки анимизма в Средней Азии; 4) сектанство в Средней Азии; 5) исмаилиты на Памире; 6) противоречия в евангелиях.

К работе привлечено 5 действительных членов и 26 антирелигиозных агитаторов-пропагандистов.

X. ИЗДАНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (САСЭ)

Уже в самом начале, при организации СААНИУ возникла мысль об издании Среднеазиатской советской энциклопедии, и в этом направлении была проделана предварительная работа: 1) определена цель САСЭ; 2) выяснен ряд предварительных положений: а) язык, б) обобщение, в) составители САСЭ, г) объем, д) стоимость и ряд других организационных моментов. Что касается контингента авторов, то в качестве основного ядра намечены работники СААНИУ, хотя к работе привлекаются и другие научно-теоретические силы Средней Азии. Реализация этого издания до сих пор тормозилась из-за отсутствия средств, однако, учитывая то значение, которое будет иметь САСЭ в жизни Средней Азии, СААНИУ решил снова поднять этот вопрос.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают общее представление об объеме и направлении работ Ассоциации, которая в условиях Средней Азии должна занять видное место. Однако в настоящий момент влияние Ассоциации на работу научно-исследовательских институтов, имеющих в городах Средней Азии, или ничтожно, или совершенно отсутствует, что конечно нужно признать крупным дефектом.

К числу крупных дефектов необходимо отнести также очень слабую связь между ассоциацией и учреждениями КА, причем этот дефект является главным образом причиной недостаточного внимания со стороны КА к работе СААНИУ. Если по линии О-ва историков-марксистов связь эта довольно приличная и регулярная, то другие учреждения КА не знают даже о существовании Ассоциации или знают о ней очень мало.

А вместе с тем при надлежащей постановке в Комкадемии планирования научно-исследовательской работы марксистско-ленинских учреждений вообще и работы Ассоциации в частности возможно было бы значительно больше и лучше переключить направление работы Ассоциации на разработку, с одной стороны, местных проблем, и с другой—на разработку некоторых частей общей коллективной работы. Такое разделение труда признается работниками СААНИУ желательным и возможным.

Рассматривая деятельность Ассоциации в целом, приходится констатировать разобщенность в работе отдельных частей СААНИУ. Совокупность их планов не представляет собой целостной системы с определенной целеустремленностью. Целый ряд тем производят впечатление случайности. Повидимому имело место приспособление их скорее к интересам имеющегося кадра работников, чем к требованиям момента; отсюда пестрота и не всегда достаточная актуальность отдельных тем. Обращает внимание в корне неправильная формулировка некоторых тем.

Прежде всего это относится ко второй теме Экономсекции. Неправильно ставить вопрос о содержании и формах стоимости в переходный период, когда в переходный период сначала ведущую, а затем абсолютно преобладающую роль играет план и когда, следовательно, может идти речь только об элементах стоимостного регулирования, а не о законе стоимости.

Тема пятая этой же секции сформулирована в бухаринском духе. Нам представляется, что работа Ассоциации значительно выиграла бы, если бы в целях изжития этого недостатка она перестроила свою работу под углом зрения разработки комплексных проблем, преследующих цель выявления роли и значения Средней Азии в общей эконо-

мической и культурной жизни всего Советского Союза и в общей борьбе за социалистическое строительство.

Такое направление обязывает прежде всего перейти от индивидуальных методов работы, преобладающих в настоящее время во всей работе, к коллективным и принять все меры к известному «разделению труда» не только внутри Ассоциации, но главным образом между центром и периферией. В этом в первую очередь должны прийти на помощь СААНИУ учреждения Комакадемии. Они должны, исходя из своих планов и с учетом возможностей Ассоциации, установить известное разделение труда в научной работе, что в значительной мере позволит избежать наблюдающегося в научной работе параллелизма и значительно целесообразнее использовать научные силы. Нам представляется, что разработка комплексных проблем значительно быстрее побудит и КА приступить к осуществлению своей роли как планирующего центра.

Вся работа Ассоциации в целом и отдельных ее частей должна быть увязана с правильным разрешением национального вопроса, так как «без борьбы рабочих и крестьян Востока нечего и думать об окончательном торжестве социализма» (Ленин в середине 1918 г.). Под этим углом зрения СААНИУ должна значительно шире развернуть разработку проблемы коренизации, которая, судя по материалам, до сих пор еще не пользуется достаточным вниманием.

Наряду с научно-исследовательской работой Ассоциация должна гораздо шире и систематичнее развернуть свою популяризаторскую деятельность, чего до сих пор сделано не было.

Ассоциация не перешла еще к плановой издательской деятельности и особенно в части популярной литературы. Крупным дефектом нам представляется отсутствие у Ассоциации периодического научного органа, к созданию которого при имеющихся научных силах приступить необходимо как можно скорее. Это поможет лучше консолидировать научные силы, придаст большую систематичность в работе и позволит значительно быстрее и правильнее нащупать биение пульса всей творческой работы в Средней Азии. В этом деле местные организации, как партийные, так и советские, должны всемерно помочь СААНИУ.

Как положительную сторону в работе Ассоциации необходимо отметить тесную связь с партийными организациями, уделяющими ей большое внимание. Хорошая увязка имеется также в работе Ассоциации с местными вузами. Это объясняется тем, что Ассоциация в значительной степени базируется в своей деятельности на работниках вузов, возглавляющих кафедры по философии, истории, экономике и др.

Однако, несмотря на значительные людские кадры, достаточную их квалификацию (есть много окончивших ИКП), работа еще не развернута в должной мере. Одной из причин этого является совершенное отсутствие штатов и вообще крайняя бедность в материально-финансовых средствах, без которых Ассоциация не сможет и впредь развернуть своей работы.

Основное же требование, которое нужно поставить перед отдельными учреждениями КА и Ассоциацией, — это лучшая и полная увязка в работе, надлежащая информация друг друга и совместная консолидация сил, чего к сожалению до последнего времени не было.

РАБОТА ПРЕЗИДИУМА КОМАКАДЕМИИ И БЮРО ПРЕЗИДИУМА

(Июнь—октябрь 1930 г.)

Переживаемый нами этап развернутого социалистического наступления по всему фронту и вступления в период социализма выдвинул ряд актуальных вопросов перед Комакадемией как центром марксистско-ленинской научной мысли и потребовал их быстрого разрешения.

В связи с этим встал вопрос об изменении всей структуры Академии. Оставаться в старых организационных рамках значило бы остаться при старых темпах и не выполнить задач, поставленных перед Комакадемией.

Президиум Комакадемии в своем заседании от II/VII постановил утвердить новую структуру Академии, которая предоставляет большую самостоятельность институтам, возлагая полную ответственность как за политическую, так и за научную работу институтам на их директорат. За президиумом же Академии оставлено лишь разрешение наиболее важных, принципиальных вопросов научного учебного и организационно-хозяйственного характера и общее политическое и научное руководство учреждениями Комакадемии¹.

Исходя из директив пленума Комакадемии (17 июня 1930 г.), президиум вынес постановление о необходимости концентрации учреждений Комакадемии. В соответствии с этим:

1. Антирелигиозная комиссия была включена как секция в Ин-т философии.
2. Женская секция и комиссия по национальному вопросу включены в Ин-т советского строительства и права с тем, чтобы в последующем на основе развертывания работы комиссию по национальному вопросу реорганизовать в институт.
3. Биологический ин-т имени Тимирязева, Биологический музей, Ин-т высшей нервной деятельности, Ин-т мозга и Ин-т генезиса Минералов объединены во вновь организованной Ассоциации естествознания. За истекший период Комакадемии удалось сконцентрировать вокруг себя новые марксистские научные кадры и организовать ряд новых институтов. На материальной базе из Ассоциации востоковедения решено постановлением 21/X 1930 г. организовать Ин-т зарубежного Востока, научно-исследовательская работа которого должна быть сосредоточена на изучении проблем, связанных, главным образом, с Китаем, Индией и Ближним Востоком. Ассоциацию же марксистов-востоковедов при президиуме Комакадемии постановлено реорганизовать в Общество марксистов-востоковедов, связанное с Ин-том зарубежного Востока и работающее

¹ Новая структура Комакадемии напечатана в кн. 39 «Вестн. К. А.».

на общих основаниях с другими об-вами Комакадемии. В связи с тем, что Ин-т экономики Р а н и о н а перешел в ведение Комакадемии, было бы нецелесообразно самостоятельное существование Экономической секции. Президиум постановил произвести слияние Ин-та экономики Р а н и о н а с Экономической секцией Комакадемии, организовав на их базе Ин-т экономики.

В дальнейшем, исходя из директив пленума Комакадемии о концентрации учреждений, президиум постановил влить в Ин-т экономики Кооперативную секцию, а также комиссию по монографическому изучению промышленных предприятий.

7/XI 1930 г. президиум Комакадемии постановил Секцию литературы, искусства и языка реорганизовать в Ин-т литературы, искусства и языка, влив в него литературное отделение ИКП.

Еще до организации Ин-та литературы, искусства и языка при Секции ЛИЯ была санкционирована организация О-ва литераторов искусствоведов-марксистов и 23/V 1930 г. был утвержден состав правления О-ва. В число членов правления вошли: Бедный Д., Бескин О. М., Беспалов И. М., Динамов С. С., Керженцев П. М., Кон Ф., Лебедев-Полянский И. И., Луначарский А. В., Маца И. Л. и Фадеев, в качестве кандидатов утверждены Безыменский А. И., Бочачер И. М., Новицкий Г. Н. и Шутко К. Н. Ввиду большого значения работы над архивами революционных и пролетарских писателей 23/V 1930 г. было решено войти в соответствующие организации с предложением сосредоточить все архивы революционных и пролетарских писателей в Ин-те литературы, искусства и языка Комакадемии.

В целях обеспечения проведения решений ЦК ВКП(б) о реорганизации издательского дела в СССР и создании специального социально-экономического издательства в составе объединений государственных издательств президиум Комакадемии в заседании от 21/VII постановил:

1. Издательство Комакадемии передать в организуемое социально-экономическое издательство.
2. Считать целесообразным создание в составе социально-экономического издательства самостоятельного издательского сектора Комакадемии, издания которого должны выпускаться под маркой и под редакцией Комакадемии.
- 3) Назначение руководящих лиц этого сектора должно согласовываться с президиумом Комакадемии.

Среди других издательских вопросов, которыми занимался президиум, следует отметить вопрос о журнале «Под знаменем марксизма», издание которого перешло из издательства «Правда» в издательство Комакадемии.

В связи с тем, что недостаток в научных работниках-марксистах еще обостряется недостаточно точно налаженным учетом, распределением, а самое главное—изучением научных кадров марксистов, президиум Комакадемии призвал целесообразным организовать у себя Отдел кадров. Отдел кадров вошел составной частью в управление кадрами, которое возглавляет зам. председателя Комакадемии т. Керженцев.

Учитывая, что во многих случаях подбор научных сотрудников до сих пор происходит случайно, самотеком, перед Отделом кадров поставлена задача развернуть широко работу по учету, распределению и изучению всех научных сил марксистов в СССР. Заведывать Отделом приглашен т. Лобов И. Г. Несмотря на короткий срок своего существования Отдел уже успел сконструироваться и приступить к работе.

В связи с расширением всей деятельности Комакадемии и объединяемых ею учреждений встал вопрос о необходимости более широкого и регулярного освещения деятельности Академии в печати. Теотричные эпизодические сообщения о работе Академии, которые появлялись до сих пор в прессе, конечно не могут считаться удовлетворительными.

Руководствуясь этими соображениями, президиум Комакадемии в своем заседании от 1/XI постановил организовать при Ученом секретариате Отдел информации, заведывание которым возложено на т. Рабиновича. Этот Отдел находится в стадии организации, по им уже проделана некоторая работа: установлена связь с телеграфными агентствами, с редакциями больших газет, некоторыми научно-исследовательскими журналами и проч. Информотделом принята работа по изданию справочника, который будет в себе содержать: 1) краткую историю Академии, 2) характеристику и целевую установку каждого и-та, секции и подсекции, комиссии и общества, 3) состав членов Академии, членов-корреспондентов, членов президиума, его бюро и т. д. К справочнику будут приложены: схема Академии, диаграммы и пр. Надо полагать, что выход в свет такого справочника поможет как научным сотрудникам, так и широким массам пролетариата Союза ближе ознакомиться с Комакадемией и ее работой.

Необходимость широкого развертывания массовой работы Комакадемии привела к созданию при президиуме Комакадемии отдела массовой работы. В задачи этого отдела входит организация участия КА и ее учреждений в общественно-политических кампаниях, устройство популярных лекций и докладов на предприятиях, организация заочных марксистско-ленинских университетов, рабочих семинаров, издание научно-популярной литературы и пр.

21/X президиум заслушал и обсудил обращение ЦК ВКП(б) и констатировал, что в работе Комакадемии имеется целый ряд недостатков и прорывов. Эти прорывы выражаются, главным образом, в отставании марксистской теоретической исследовательской работы от практических успехов нашего социалистического строительства, а также в неподготовленности к учебной работе с аспирантурой.

Эти прорывы были выявлены, с одной стороны, на последнем пленуме Комакадемии 18 июня, а с другой—бригадами, обследовавшими подготовку КА к современному началу учебных занятий аспирантов. Констатируя, что в работе Академии еще нет необходимого перелома, президиум внес следующие постановления:

1. Включить в планы научно-исследовательской и массовой работы разработку проблем, связанных с выполнением промфинплана, с новым подъемом коллективизации и перспективами социалистического строительства в наступающем 3-м году пятилетки.

2. В связи с раскрытием ОГПУ контрреволюционных организаций и группировок, возглавляемых Кондратьевым, Сухановым и др., усилить как в докладах, так и в печати разоблачение их теоретической концепции, рассчитанной на реставрацию капитализма в Советском Союзе и их связь с правоуклонистскими теориями.

3. Предложить ин-там принять экстренные меры к проведению в жизнь постановления президиума по вопросам о составлении планов научно-исследовательской работы и подготовки к учебному году, вынесенного на основании обследований, произведенных бригадами.

4. В целях обеспечения своевременного выполнения планов научно-

исследовательской и учебной работы и предупреждения возможных прорывов в будущем признать необходимым следующие мероприятия.

а) Поручить директорам ин-тов в срочном порядке пересмотреть нагрузки штатных научных сотрудников, по возможности запретив им какие бы то ни было совместительства, связанные с выполнением административно-организационных функций, и установить нормы их педагогической работы. Поставить перед директивными органами вопрос о закреплении за Комакадемией новых научных работников в количестве, хотя бы минимально необходимом для выполнения плана научно-исследовательской работы.

б) Предложить ин-там перейти к коллективным методам научной работы в соответствии с решением пленума Комакадемии.

в) Принимая во внимание, что планы научно-исследовательской работы разрабатываются ин-тами все еще без достаточного контакта с хозяйственными органами и с соответствующими ин-тами внутри самой Комакадемии, предложить директорам в ударном порядке исправить эти недочеты.

г) Предложить ученому секретариату совместно с ин-тами и проф-организациями разработать метод контроля над научной работой.

д) Признать совершенно ненормальным, что резолюция пленума Комакадемии не была проработана ни в руководящих органах Комакадемии, ни в общественных организациях. Предложить директорам немедленно обсудить выводы, вытекающие для них из резолюции пленума, и принять соответствующие меры к их реализации в планах на 1930/31 г. Проведение всех этих решений возможно только при условии максимального развертывания в Комакадемии методов пролетарской общественности, самокритики, соревнования и ударничества, которые до сих пор не нашли сколько-нибудь достаточного применения в работах Комакадемии и ее учреждениях.

Еще раньше, в ответ на обращение ЦК о прорывах на хозяйственном фронте, президиум Комакадемии постановил произвести мобилизацию научных работников и аспирантов Комакадемии для участия в борьбе с этими прорывами.

Одной из главнейших работ Комакадемии, в связи с ее новыми задачами, является работа по подготовке аспирантуры. Президиум за истекшие пять месяцев уделял много внимания этому вопросу. 2/VI 1930 г. по докладу т. Керженцева о ходе набора аспирантуры президиум поручил ученому секретариату разобрать проект организации учебной части, которая вскоре же была организована, образовав собою часть Управления кадрами.

По решению президиума от 1/VI организованы были подготовительные семинары для облегчения подготовки к испытаниям поступающих в аспиранты. По окончании такого подготовительного семинара, аспиранты, удовлетворительно сдавшие обязательные письменные работы, зачислялись без особых устных испытаний в аспиранты Комакадемии.

Два раза на заседаниях президиума стоял вопрос о результатах приема аспирантов в 1930/31 г. В отношении набора аспирантуры Ленинградского отделения Комакадемии президиум вынес следующие постановления: 1) Отметить неудовлетворительное положение с набором аспирантов ЛОКА в том смысле, что в Экономический и Аграрный ин-ты принято недостаточное количество аспирантов. 2) Признать количество женщин, зачисленных в аспиранты ЛОКА, недостаточным. 3) Социальный и партийный состав принятых аспирантов признать удовлетворительным.

4) Общие итоги приема утвердить. В отношении оценки результатов приема на основные отделения Комакадемии президиум отметил:

В связи со значительным недобором аспирантуры по всем ин-там президиум постановил провести дополнительный набор в январе 1931 г. Все аспиранты, допущенные к испытанию маддатной комиссией, проходят 2-мес. конференции, с проработкой диалектического и исторического материализма, политэкономии и истории, а для специальных ин-тов — дополнительно специальные предметы. По вопросу об итогах приема на Подготовительное отделение резолюция президиума отметила, что общие результаты набора аспирантуры на Подготовительное отделение вполне оправдали решение президиума об организации Подготовительного отделения для подготовки кадров аспирантуры для всех ин-тов Комакадемии. Наряду с этим президиум отметил, как положительный показатель: а) значительный размер набора — 82 чел., б) удовлетворительный его социальный состав (81% по социальному положению рабочих и из них 21% рабочих непосредственно от станка); постановил считать необходимым и в дальнейшем вести работу по повышению процента рабочих от станка.

Недостаточно удовлетворительно обстояло дело с подготовкой к началу учебного года. Здесь дело тормозилось (да и теперь еще не все улажено) главным образом: 1) из-за отсутствия программ, 2) недостаточного количества преподавательских сил, 3) помещений для учебной работы и ряда других неполадок. 9/IX 1930 г. президиум заслушал доклад бригады, выделенной для обследования хода подготовки к учебному году и установил: плохую подготовленность Комакадемии к началу учебного года с аспирантурой, особо отмечая: неудовлетворительное положение в ин-тах: Философском, Историческом и Аграрном. На этой же заседании президиум постановил выделить комиссию под председательством т. Островитянова в составе тт. Сефа и Стальгевича для сформулирования по каждому отдельному ин-ту конкретных предложений для ликвидации прорыва, предложил ин-там немедленно вызвать из отпуска лиц, необходимых для обеспечения подготовки к началу учебного года, командировал тт. Милютину и Стальгевича в ЛОКА для обследования там положения дел с подготовкой к учебному году, обязал Отдел кадров на ближайшем заседании президиума сделать доклад о положении с программами и о распределении преподавательских сил между ин-тами и предложил Отделу кадров в течение сентября на каждом заседании бюро президиума делать сообщения о ходе подготовки к учебному году на первом курсе и о ходе занятий на старших курсах.

В отношении помещений под учебные занятия и общежития положение до последнего времени остается напряженным, т. к. часть предоставленной Комакадемией жилой и учебной площади еще до сих пор не поступила в окончательное ее распоряжение и остается за другими организациями, а полученная площадь требовала значительного ремонта и приспособления. Несмотря на ряд трудностей, все же удалось удовлетворить всех аспирантов минимумом жилплощади и создать сносные бытовые условия, организовав для них в общежитиях буфеты и столовую.

За истекший период президиум Комакадемии, обсуждая вопрос об участии Комакадемии на международной конференции аграрников-экономистов в Америке в г. Итаке, выделил для «участия» в ее работах от Комакадемии тт. Варга и Крицмана. Присутствовать на конференции удалось, только т. Крицману. Тов. Варга выехать не смог. Был также решен вопрос об участии Комакадемии на XV Международном съезде

антропологов в Португалии, на который Ученому комитету ЦИК СССР был рекомендован состав делегации.

В июне Госплан СССР обратился в Комакадемию с предложением принять участие в работах всесоюзной конференции по географическому размещению промышленности. В своем заседании от 1/VII 1930 г. президиум высказался за необходимость участия в этой конференции и предложил ин-там экономики и аграрному выделить из состава своих научных работников представителей на конференцию и наметить доклады, которые будут ими зачитаны. По предложению Госплана СССР на заседании от 21/VII президиум постановил взять на себя методологическое руководство подготовки научных кадров СССР.

II/VII 1930 г. по докладу т. Шпильрейна о созыве в этом году всесоюзного психо-технического съезда в Ленинграде президиум Комакадемии признал созыв этого съезда целесообразным.

1/VIII 1930 г. президиум Комакадемии постановил отправить в Одессу на I Всесоюзный съезд физиков делегацию в составе тт. Тимирязева, Максимова, Гессена и Егоршина.

По примеру совещания по вопросам преподавания истории ВКП (б) и Коминтерна президиум постановил созвать совещание представителей кафедр с.-х. экономики всех основных с.-х. вузов. Из Москвы к работе совещания должны были быть привлечены все преподаватели с.-х. экономики. Выделен был организационный комитет в составе тт. Дурье, Верменичева, Лаптева, Сулковского, Бондаренко и Пикус. На этом же заседании президиума был решен вопрос о созыве всесоюзной конференции экономистов-марксистов совместно с аграрниками и Ин-том мирового хозяйства и мировой политики.

На заседании президиума от 1/XI разрешен вопрос о созыве Институтом советского строительства в декабре 1930 г. всесоюзного совещания по правовому образованию.

Ставился также вопрос о работе учреждений Естественного сектора Комакадемии, объединенных Ассоциацией естествознания. Последняя имеет сейчас в Комакадемии значительный удельный вес не только потому, что она объединяет пять крупных ин-тов и музеев всесоюзного значения, но, главным образом, в связи с тем большим значением, которое приобрело изучение естествознания и в частности физики и химии как для социалистического строительства, так и для усиления обороноспособности страны. Большую часть своего заседания от 1/XI президиум посвятил вопросам Ассоциации. В итоге была принята следующая резолюция: 1) Считать необходимым, чтобы в течение 1931 г. была более широко развернута работа Ассоциации естествознания, в частности в области физики и химии, где до сих пор почти никакой работы не велось. 2) В этих целях необходимо создать экспериментальную базу для естественно-научных учреждений Комакадемии с тем, чтобы в смысле научного оборудования они были подтянуты к аналогичным ин-там Академии наук. 3) Обратит внимание на необходимость развертывания массово-пропагандистской работы Ассоциации естествознания. 4) Поручить Ассоциации естествознания представить на рассмотрение президиума план развертывания учреждений и новых организаций до конца пятилетки.

21/VII 1930 г. президиум Комакадемии заслушал доклад т. Фридлянда о мероприятиях по улучшению работы Ин-та истории. После детального обсуждения президиум вынес ряд предложений, которые в основном сводятся к следующему: 1) Добиться координации работ Ин-та

истории Комакадемии с другими историческими институтами путем согласования производственных планов, взаимной информации о ходе выполнения этих планов и развертывания общественного контроля над их выполнением. 2) Считать желательным развертывание внутри Комакадемии исторических работ большого масштаба по единому плану. 3) Признать необходимой постановку систематических отчетов коммунистов-историков—членов Академии Наук—в Ин-те истории. 4) Признать необходимой совместную разработку учебных планов в деле подготовки кадров Исторического отделения ИКП, Ин-та им. Ленина и Ин-та истории. 5) Поручить Ин-ту истории немедленно организовать руководство аспирантурой. 6) Принять срочные меры, обеспечивающие развертывание работы Секции империализма, Коминтерна и методологии истории.

Если несколько лет тому назад Комакадемия состояла из нескольких секций, с несколькими десятками сотрудников, то теперь это крупный научный центр, объединяющий ряд научно-исследовательских учреждений всесоюзного значения, имеющих более 700 аспирантов (только в этом году организована аспирантура при Комакадемии) и более 800 сотрудников. В ближайшие годы мы должны ожидать еще большего роста Академии. Существенным тормозом этого роста является отсутствие площади, где бы размещались учреждения Комакадемии. Достаточно указать на тот факт, что такие крупные ин-ты, как Ин-т истории или философии, имеющие по 40 научных сотрудников, ютятся в 3 комнатах. Плохо обстоит дело с общежитиями для аспирантуры, которая с каждым годом будет увеличиваться. Единственный выход—в строительстве новых зданий для общежитий, библиотеки, для учебных занятий и научной работы ин-тов Комакадемии. На 1930/31 г. некоторые суммы на строительство ассигнованы, и президиум Комакадемии постановил: 1) Войти в Московский Совет с просьбой о закреплении участка у Крымского моста за Комакадемией. 2) Поручить Строительному совету разработать план капитального строительства Комакадемии. 3) Предусмотреть необходимость быстрой постройки библиотеки Комакадемии согласно уже запроектированному плану. Пополнить состав строительного Совета Комакадемии тт. Н. А. Милотиным и архитектором Гуревичем:

В отношении строительства новых зданий для Биомузеев и Ин-та им. Тимирязева решено вновь возобновить ходатайство о начале их постройки в предстоящем строительном сезоне. Работа по конструированию директоратов ин-тов на основе новой организационной структуры, а также формированию редакций научных журналов Комакадемии получила свое завершение в постановлении президиума Комакадемии от 21/XI, где президиум утвердил состав директоратов, ученых советов институтов и ассоциаций и редколлегий периодических изданий Комакадемии. Тем не менее до сих пор по ряду ин-тов имеется острый недостаток в руководящих кадрах.

Совершенно особо следует отметить постановку на президиуме теоретического доклада о задачах на философском фронте.

После сделанного т. Милотиным доклада и содоклада т. Деборина на заседании расширенного президиума развернулась широкая дискуссия, продолжавшаяся несколько заседаний.

В результате в основу были приняты тезисы Милотина. Для окончательной же редакции резолюции создана комиссия в составе тт. Милотина, Деборина, Ярославского, Керженцева, Пашуканиса, Шмидта, Адоратского, Миртина, Талья и Кальмана, которая выработала проект резолюции, утвержденный президиумом.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Роль рабочего класса в революции 1905 г.	3
О разногласиях на философском фронте. Заседание президиума Комакадемии. (Продолжение прений по докладам гг. Милютина и Деборина)	20
Политическая методология Троцкого. (Продолжение прений по докладу т. Новикова)	90
К проблеме планировки соцгорода	109
Ке н. Г и д л е в с к и й — Средне-азиатская ассоциация марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (СААНИУ)	148
Работа президиума и бюро президиума Комакадемии	157

Редакционная коллегия:

Бухарин Н. И., Дволайцкий Ш. М., Деборин А. М., Крицман Л. Н.,
Лукин Н. М., Милютин В. П., Пашуканис Е. Б., Покровский М. Н.,
Шмидт О. Ю.
